

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Бараков
В. Г. Бондаренко
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
В. В. Касьянов
Ю. В. Козлов
В. И. Лихоносов
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
З. Прилепин
Н. Г. Пугачёва
Л. А. Сычёва
А. В. Татарinov
Е. В. Хомутов
С. А. Шаргунов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Юрий Михайлович Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Н. И. Крижановский

РЕДАКТОР ОТДЕЛА

В. А. Бельтюкова

ДИЗАЙН

И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР

М. В. Юрченко

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал
№3 (92) 2021 г.

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

УЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского
края, ООО «Газетно-информационный комплекс
«Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный
комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением
автора публикации.

Заказ № 988

Тираж номера 950 экз.

Свободная цена.

Подписано в печать ???.?.2021 г. Формат 84x106/16.

Дата выхода ???.?.2021

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано АО «Издательство «Советская Кубань»,
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Журнал зарегистрирован в Управлении Федераль-
ной службы по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых коммуникаций
по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250
от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ГУРИЙ НЕМЧЕНКО	
ВОСПОМИНАНИЕ О КАЗАЧЬЕЙ ПЕСНЕ.....	6
ПАЛКА ДЛЯ ТАДЖИКОВ.....	11
ВАЦЛАВ МИХАЛЬСКИЙ	
СВОЯК	22
ЕКАТЕРИНА КАНДАКОВА	
ОСЕННИЙ ПЛЕН ВОСПОМИНАНИЙ	30
ЩЕНОК С ЗОЛОТОЙ ШЁРСТКОЙ	33
КЛЮЧИК ЛЮБВИ	35
МИХАИЛ СМЕРНОВ	
ЗЕМНОЙ ПОКЛОН.....	38

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ	
«БОЖИЙ ДАР ДАВНО СТАЛ КАРОЙ...»	46
МАРИНА ШАХБАЗЯН	
ГЕРОИНИ.....	50
АЛЕКСАНДР СЕРИКОВ	
«СТИХОМ СЧИТАЮ ПУЛЬС...»	54

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

ГУРИЙ НЕМЧЕНКО	
ЗАШИФРОВАННЫЙ МИХТИМ.....	60
«НЕ ХОЧЕТСЯ ЛИ ВАМ ПОПИТЬ ЧАЙКУ...».....	82

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

ИГОРЬ СИРИЦА	
И.Г. ДУДИН. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ В 1920 ГОДУ	88

ГОСТЬ НОМЕРА

«ДАЖЕ О СМЕРТИ МЫ ПИШЕМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЕЧНОСТИ»	
<i>Беседа Лейлы Гаджиевой с Мариной Шахбазян</i>	102

СОБЫТИЕ

ВАЛЕРИЯ БЕЛЬТЮКОВА	
В КУБГУ ПРОШЛИ ЕЖЕГОДНЫЕ ЛИХОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ	114

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСАНДР ПОПОВ	
БЛОКОВСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО «ОБЛЕГЧЁННОЙ» РОССИИ И ЕГО ИСПОЛНЕНИЕ... ..	122

ЛИДИЯ СЫЧЁВА	
ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ	132

ВАЛЕРИЯ БЕЛЬТЮКОВА	
МАТЬ ПИСАТЕЛЯ	136

ОЛЬГА ТАТАРИНОВА	
В. И. ЛИХОНОСОВ И О. СЕРГИЙ (КРУГЛОВ): СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ВЕРЫ В СБОРНИКАХ «ТУТ И ПОКЛОНИЛСЯ» И «МАРАНАФА»	140

ОГРОМНАЯ УТРАТА ДЛЯ КУБАНИ И РОССИИ	144
---	-----

ПРОЗА

В станицу вернулись уже поздно, и хоть ночь лунная была, за что только мне не приходилось на линей-суденышке в бросало, как на малом кручи вниз, и по узкому, чуть не до-стающему до сапог Мешню — вдоль высокого мелового берега, потом — стремительный рывок опять вверх

ГУРИЙ НЕМЧЕНКО

Родился в 1936 году на Кубани. Писатель, переводчик, публицист и общественный деятель. Член Союза писателей СССР с 1964 года, автор около пятидесяти книг прозы и четырёхтомного собрания сочинений. Первый атаман Московского землячества казаков.

ВОСПОМИНАНИЕ О КАЗАЧЬЕЙ ПЕСНЕ

*Светлой памяти старого друга
Ильи Ивановича Собко*

То была тяжкая для меня пора.

Умерла мама, у которой долгое время, пока мы жили в Сибири, подрастал в Отрадной наш старший сын, Сережа. Как бы все продолжая опекать его, мама «отписала» дом не нам с младшим братом, а сразу, минуя нас, «трем внукам в трех равных частях».

У всех троих у них тогда избытка ума не наблюдалось: надумали дом продать и каждому купить по «жигулю» — вроде как раз хватало.

Брат Валерий жил в Краснодаре, и для него это с жару-с пылу принятое решение наших детей было, что там ни говори, менее чувствительным. Для меня, давно москвича, оно казалось не только горьким — трагическим. Окончательно, как мне казалось тогда, отрывало меня от малой родины, обрекало на горькое сиротство.

Оттого-то я и решил укорениться в родных местах заново: купил хату в дорогой душе станице Надежной, о которой к тому времени столько уже успел написать, обложил ее кирпичом и... и... и — что?

Как оно непросто все складывалось!

Единственной большой радостью был для меня в ту пору иной раз долгожданный, а то вдруг совсем неожиданный приезд старых товарищей.

Как в тот раз. Глубокой ночью.

Мотоцикл с коляской оставили обочь дороги, пошли к дому с белыми кулками в руках, и только уже на пороге я разглядел: Илюша с Илларионом!

— Да поговорили с тобой по телефону, я Лорке и сказал: по-моему, Леонтьич там загрустил, — чуть не кричал Собко, и голос у него отчего-то был ну до того радостный.

Уже ль от предстоящего нам щедрого застолья? От братского хлеба-соли?

Я только и спрашивал их:

— Как же вы обратно поедете, братцы?!

— Ларион у меня останется ночевать, — успокаивал Илья. — До Малотенгинки — ну сколько тут? А дорога пустая... ночь!

И Ларион затягивал новую песню...

Сколько они тогда спели!

До этого я уже записывал их на магнитофон, и каждого отдельно, и — вместе. Теперь у меня была возможность заказывать, и пользовался я ею, надо сказать, почти безжалостно... но если бы вы их тогда слышали!

Мать-Кубань в этом смысле будто сознательно сблизил их: кто ещё мог так звонко, так слаженно, так беззаветно и с такой душой ее славить?!

Начинал мужественный и будто поэтому как раз и задумчивый баритон Иллариона Сапрыкина, но почти тут же присоединялся к нему залистый дискант Ильи Собко: обвивал его, оплетал мелодичной вязью, поднимал вверх удивительным, как будто на счастливой слезе, тонким звонком...

Нет-нет, их, и правда что, надо слышать... Когда по крупичам соберут оставленное ими богатство родственники старых моих товарищей?.. Когда сам наконец-то разыщу их разбросанные по разным коробкам либо розданные друзьям-фольклористам удивительные записи... ну, не стыдно ли?

А тогда мы вышли из дома, и я выключил свет на маленькой веранде с ним рядом: казалось, ночь посветлела от обилия даже в осеннюю пору крупных над нашим предгорьем звезд.

В сознании у меня вновь возникало и тут же укладывалось на свою только что обретенную «полочку» новое знание о станице, которую и без

них, казалось мне до того, я тоже знал уже «вдоль и поперек»... нет-ка!

Илларион, записавший тут от бабушек не одну песню (наверняка — не один десяток!), полночи теперь по-братски делился ими со мной, а я то вздыхал, а то вновь принимался, как старший, предупреждать: будь, Лора, поосторожней! Будь осмотрительней. Ребята из провинции годами стучатся в Москве в Союз композиторов... А тебе в Отрадную членский билет сами почтой прислали... Не думай, что за красивые глаза, Илларион, нет! За песни, которые они отсюда от тебя увезли. За те напевы, что ты им так беспечно раздарила-ешь!

— Система колодца! — подводил под своё профилейство базу Илларион. — Чем больше воды достаешь, тем больше в нем появляется!

— Это правда: не вычерпаешь! — звонким своим голосом радовался Илья. — Тут до революции как? В твоей Надёжке... Бывшее атаманское правление на самом высоком бугре стоит, это ты знаешь. И церковь рядом была... Вот после службы в воскресенье из правления стол вынесут, из церкви скамейки. Рядом с атаманом садится батюшка, вокруг них старики... ну, «опчество» ж это, «опчество». Писарь из винтовки ударит холостым. Или дадут мальчонке какому. Как поощрение. И начинается по станице перепев. Кто кого!.. Она же вся на буграх — далеко слышать. Вот и «дают песняка». Кто больше в лад. Кто громче...

— Дух, боевой дух! — подсказывал Ларион.

— Это само собой. Это раньше всего, да! И вот, кто-нибудь из стариков рукой поведет: «Кажется, нонче у том кутке лучшей всех!» А другой: «Опять забыл, што ли ча? Не считается!.. Там же им Обзывнуха помогай!» «Обзывнуха» — большая скала, с одного края плоская... прямой скол. Недаром же раньше говорили — не скалы. Сколы!.. Возле него крикнешь, а он тебе — эхом.

— Обзывается, — пояснял Ларион.

— И чуть не каждое воскресенье так: какой куток споет лучше. Если не на войне. Когда все дома... Вот как раньше пели-то, а, Леонтьич?! Вот хоть одним ухом бы теперь, а?!

А мне бы их теперь — «одним ухом». Лариона с Ильёй.

И особенно, конечно, Илью.

Мне-то о нем впервые рассказали станичные дружки Федя Некрасов да Борис Чепурной. Люди, что там ни говори, руководящие, о нашей Отрадной знали куда больше остальных. Потому-то надо мной и посмеивались: не слышал, мол, как малотенгинский Илья поет? Засиделся в своей Сибири! Хотя вообще-то у него такой голос, что и в Сибири небось слышать — ты иногда там прислушивайся!.. А тут, если приедет из края серьёзная какая комиссия и в ней вдруг любитель пения... знают же наши, знают! И вот бывает, что за Собкой посылают посреди ночи: выручи, дорогой Илья Иванович... Да что — у нас! Несколько раз из Краснодара тоже ночью машину прислали, а один раз краевые начальники брали с собой в Москву. Спел там в каком-то высоком кабинете, и все бумаги подписали для края — тут же!

Пишу вот и чуть не плачу, милый Илюша... Да что там!

Вот и заплакал...

Вспомнил, как во времена этой проклятушей «перестройки» встретил тебя на станичной площади, напротив Дома культуры, перед парком, а в руке у тебя была пузатая от бесстыдно выпиравших от магазинных банок с яблочным повидлом авоська...

Я чуть не закричал:

— Да ты что это, Илюша? Позоришь Зину, трудолюбивую свою пчелку, и сам позоришься! Неужели своего варенья не заготовили?! Или твой подвал больше «не банкуить»?!

И помнишь, что мне ответил?

Мол, «банковал» подвал, еще сколько всего позаготовили, но тут детям пришлось как никогда еще помогать — их там в городе уже чуть не задушили заграничной этой «гуманидармовой» помощью! А до лета еще далеко, да и жалко доброго варенья для такого дела... А для какого, Илюша, для какого?

А ты отвечаешь: «Раньше, Леонтьич, было как? Детей ко мне в хор приводили за ручку, тол-

пами вели. А теперь? Теперь не пускают. Сам, говорят, этот Илья всю жизнь голодранцем, а теперь хочет, чтоб и наши детишки — тоже? Нет, пусть делом займутся, пусть-ка идут торгуют... И вот веришь, Леонтьич, до того, как уговорить родителей раза три, а то, бывает, и пять схожу к ним с бутылкой, Зина как раз гнать и помогает... И на стол поставлю, и сам потом спою. Людям чуть не кричу: да раскумекайте же! Торговля — это потом пройдет, а душа у ребенка, батюшки уверяют, — вечная! Пусть научится петь! Другой раз, веришь, даже заплачут, а отпустить — нет и нет!»

Это потом уже раскусили, Илюша, что голос тоже можно продать. И продать песню. Вон эти бесстыдные и безголосые рожи не вылезают теперь из «ящика»! Нас давно тошнит от них, а они — и днюют там, и ночуют!

Как раз торговлей и занимаются, а душа вечная для них — как нету...

В Надёжке, когда провожал вас с Илларионом, ты сказал:

— Давай так. Ты вот тут минуток пять, а то и десять постой, а мы сейчас тронем и запоём. Мотор только подпевать Лорке будет, а я нарочно в коляску сяду, как бы от их чуток в сторонке... И вот по этим по буграм да ямам надёжинским не очень быстро поедем, а ты стой и слушай. Не то что Обзывнуха — вся старая станица буграми своими отзовётся... Вот услышишь, какое это чудо. Как же раньше тут и казаки на конях, и люди на бричках? На бугор с бугра, опять — на бугор, и все — с песней. Что ему споём, Ларион?

— «Над лесом солнце», — как бы нехотя, но вместе с тем очень твердо сказал Лорка.

И Собко на станичный лад одобрил:

— Пойдётся!

Я слегка подтолкнул их отдававшую острым запахом бензина «лошадку» и хотел было тут же выскочить с дороги на свой бугорок, подняться во двор, но голоса их так мощно, так ладно и с таким неожиданным изяществом ворвались в ночную тишину, что я невольно замер.

Начал сразу Илья: «Над ле-е-есам сон-це ва-а-ссия-ла-а-а-а!»

Но это я теперь вместе пишу слова, чтобы напомнить первый куплет. А тогда одно только «над ле-е-е-есам» неслось над пустынным краем станицы так долго и так отчетливо, что окончание я услышал, когда уже понял: от магазина за конным двором, на самом взгорке, они уже нырнули вниз и мчатся сперва по улице вдоль Тегиня, а потом уже повернули ближе к прудам...

И как в неё можно не влюбиться, в эту Надёжку?

Я-то, и действительно, принял всей душой с первого, уже осознанного после того, как помогался по белому свету, взгляда. С Иваном Яковлевичем Петренко, светлая ему память, поехали по совхозным полям да фермам: об этом я написал рассказ «Журавлиная стая», его потом по центральному радио несколько годков подряд повторяли... Он-то ведь стихи писал втайне, Ваня, поэт был в душе. На очередной взгорок лошадки линейку вытянут, и стоим чуть не по часу, неоглядными нашими катавалами в синей дымке любимся...

В станицу вернулись уже поздно, и хоть ночь лунная была, за что только мне не приходилось на линейке цепляться: бросало, как на малом суденышке в большой шторм. То с кручи вниз, и по узкому, чуть не достающему до сапог Тегиню — вдоль высокого мелового берега, потом — стремительный рывок опять вверх, дорога между буграми и — снова с бугра на бугор.

Ваня вдруг предложил:

— Может, споем, Леонтьич?

А я только зубами клацнул в ответ: в очередной раз чуть было из линейки не катапультировал.

Эти сорвиголовы, Лариона с Ильёй, маршрут, пожалуй, не проще выбрали: песня вдруг смолкла... или, не дай Господь, что случилось?

Я бросился с дороги во двор, на свой взгорок: может, лучше будет слышать?

Нет и нет...

Затерялась казачья песня!

И вдруг: «Та-а-ам че-е-ерный вор-ра-а-а-ан пракрыча-а-а-а-ал!»

Хорошо, что все-таки прокричал, ух ты!

Но почему совсем в другой стороне?

Им на выезд из станицы, сразу налево, через мост, мимо лесничества, мимо дома старого друга Юры Галушки, уже небось давно с охоты вернулся, спит, а то вместе с ним так бы у меня до сих пор и сидели...

Им налево, а они пошли резко вправо... куда понесло?!

...И вдруг я понял, нельзя было не понять: промчались по единственной тут асфальтированной «главной улице», выскочили на самый верх, к бывшему атаманскому правлению, напротив нынешнего, еще недобитого совхозного — оно чуть пониже, через парк.

Ну до того ясно слышалось в чутком осеннем воздухе: «Прашли-и-и-и часы мои-и-и минуты-ы-ы-ы-ы...»

Точно: стоят на месте. Может, даже мотор выключили... чего им потом стоит — под горку?

«Када-с друзья-я-я-ями я гуля-я-я-я-ял!»

Ну до того звонко!

И грустно, и чуть тревожно... И — радостно.

Во мне вдруг отозвалось: возвращают прошлое.

От старого атаманского правления, бывшие обитатели которого находятся теперь куда выше всех надежных холмов... выше близких отсюда Черных гор и выше Главного Кавказского хребта вдалеке — Илья с Ларионом, сами того не создавая, и з г о р н е г о м и р а шлют песню в эту мою низину за опустевшим, от которого теперь и запаха не осталось, конным двором... Шлют липовому московскому атаману, у которого душа разрывается между холодной и пустой Белокаменной и теплой, зеленой родиной...

Помню, что глянул вверх, и в раскидистой кроне старого, совсем уже облетевшего грецкого ореха вместо оставшихся кое-где ядрышек в сохшейся коже увидел как будто висевшие на ветвях осенние звезды...

Или это тоже сверкали слезы?

Надёжка-Безнадёжка, эх!

Как гордился когда-то, что станицы рядом с моей родненькой, вечно милой Отрадной называются не абы как — лежат вокруг неё Бесскорбная,

Благодарная, Спокойная, Удобная, Бесстрашная...

Но разве от хорошей жизни земляки мои все чаще, уже как бы в порядке вещей, как говорится, пускают в ход иные, до боли обидные имена?..

Скорбная, Неблагодарная, Беспокойная, Неудобная, Страшная...

Но «Безнадёжная», это — край!

Говорят, что надежда — последнее, что покидает нас в этой жизни... все-таки — покидает?

Они там, с вершины главного взгорка, вдруг покатились вниз, песня мощно, стремительно приближалась.

В слившихся, набравших строгости голосах старых моих товарищей слышалась не только необходимость — слышалась в них грозная неотвратимость: «Пере-е-еда мно-о-о-о-ю стоит служба... Па-а-а-ра мне ко-о-о-оника седла-а-а-ать!»

Вот как!

Что бы то ни было — «стоит служба», стоит.

Тогда — государева. А нынче?

Или даром мы всегда — о тысячелетней России. О непрерывности драматической нашей истории.

И нынче это даже не служба. Нынче это уже — служение.

Истовое!

Иначе не выжить.

Снова тише сделались голоса. А потом уже с крайнего бугра рванулось, понеслось над станицей: «Види-и-и-и-ти мне коня-я-я гнидова-а-а-а...»

Все тише, тише... И все мелодичней в своем истончающемся изяществе: «С чирке-е-е-ским бархат-ным сидло-о-о-о-ом!»

...И через столько лет все вспоминаю наш вечер в Надёжке-Безнадёжке. Вспоминаю сторожку и чуткую осеннюю тишину, так долго и так неспешно, с бугра на бугор, бережно передающую ожившую вдруг казачью песню. По которой так истосковалась уже наполовину оглохшая от рева тяжелых машин старая скала Обзывнуха... ■

ПАЛКА ДЛЯ ТАДЖИКОВ

Памяти кумыкского друга

I

Возле полос перехода через трассу остановился перед гудящей рекой автомобилей, оказались рядом, и тут он дружелюбно спросил: тоже, мол, без своего транспорта?

Да, сказал ему, машины никогда не было. Хотя у детей давно есть. Уже и у внука. У старшего...

Он слегка приподнял кулак с зажатой клюкой, повел чуть влево, где на спуске от монастыря выстраивались тяжелые внедорожники с георгиевскими лентами на антеннах:

— Не такие у ваших?

— Да ну, что вы...

— Эти-то, эти, а?.. Если бы в сорок третьем... на Курской дуге. Пустить тогда против германских танков. Немцы бы наклали в штаны и повернули обратно...

Понятливо поддакнул ему: это уж точно, мол!

Незнакомец наступил на больную мозоль, что называется. Сам сколько раз примерно так думал. Где-то даже, кажется, успел написать.

Он вдруг попросил:

— Подержите, а?.. А то опять башмак на дороге останется.

Отдал мне клюку, осторожно склонился завязать шнурок. Такой же бородач, как и я. Неподалеку один от другого стояли в церкви во время утренней службы... Ровесник?.. Или все-таки помоложе?

— Вот, спасибо вам...

— Ничего себе палка! — похвалил я его клюку. — Богатырская палица...

Он охотно откликнулся:

— Хорошо, что сухая, все полегче... Вообще-то у меня сердце. Стимулятор. В автобус лучше не лезть... А это для таджиков...

— Для таджиков?..

— Ну да. Увидите сейчас.

И тут светофор перемигнул, толпа тронулась, а из машины, которая проскочила перед нами последней и тут же притормозила, раздался знакомый голос:

— Вот встреча!.. Давай сюда, только быстренько!

— Друг! — торопливо объяснил я своему незнакомому спутнику. — Рядом тут живет... Может, со мной к нему? А то как вы один — с таджиками?!

— Придется одному!

А из машины снова поторопил Мурад:

— Тут стоять нельзя, подойдешь?!

— Как же вы один? — переспросил его уже на ходу.

Он заверил весело:

— Разберу-усь!..

Заспешил к автобусной остановке на противоположной стороне уже последним, а я, все оглядываясь, поторопился к машине друга.

— Это Марина тебя заметила, — радостно говорил Мурад. — Садись, отъедем, а там решишь... хорошо бы к нам!.. А нет — хоть здесь поговорим...

Отъехали, остановились, и первым делом я взялся им толковать: увидел, мол, в церкви мельком, потом догнал его возле перехода через трассу. Похвалил клюку-самоделку, а он: для таджиков! Сейчас увидите ее в деле... И тут как раз — вы.

Мурад сказал с видимым усилием:

— Неужели до этого... дошло?

Ну попал я!

Еще недавно Аджиев, а нынче, видите, — Аджи, Мурад теперь стал чуть ли не самым известным в России турком. Их, считай, главным идеологом... Ученый-географ, кумык «московского разлива», как говорится, во славу вольного «Половецкого поля» издал уже с десяток толстенных книжек.

Познакомились с ним в первые «перестроечные» годы, когда мне выпало в Москве «атаманить», а он прямо-таки мечтал пристегнуть казачков к своим туркам. По-моему, я был первым, да так и остался единственным, с кем у него этот номер прорезал: стали друзьями.

Несколько лет назад Мурад начал прибаливать: одолевает Паркинсон. Только за баранкой себя нормально и чувствует: то ли старая привычка берет свое, то ли — ответственность.

Едут к себе на дачу, в Дяденьково... уж лучше бы меня не заметили, проехали мимо!

Марина бросилась теперь спасать положение:

— Вообще-то, Гурий, до этого не слышать было, что они враждебно настроены...

Это — для любимого мужа, которого старый друг сразу же успел огорчить. А еще предисловие написал к его юбилейной книжке, эх!..

Но Мурад не внял словам жены, верного секретаря и помощника:

— Всякое бывает, но почему... Личная неприязнь, как говорится, мало ли...

— Это понятно, — подхватила Марина. — Как ты глянешь на человека, таким взглядом и он тебе ответит. Что ты ему скажешь, то и он тебе... Этот ваш товарищ — нормальный человек, Гурий?

Точно так же, как Аджиев Мурад стал Аджи, я нынче превратился, ясное дело, в Гурия.

Очень ценный, ну, конечно же, результат перестройки. Иногда даже думаешь: а не единственный?

И Гурий сказал:

— Я-то его, считай, впервые увидел... Но вроде бы, да. Нормальный.

— Случается личная вражда, — пытался быть объективным Мурад.

Марина вдруг заволновалась:

— Решил развернуться?..

С нарочитым спокойствием Мурад проговорил:

— Уже повернул. Разнимем их, если что...

Ну лихач!.. Или за баранкой их теперь двое? Лихачей. Аджи и — Паркинсон.

— Думаешь, надо? — мягко спросила Марина.

Но лихачи только дружно промолчали...

У остановки напротив монастыря народ уже схлынул, бородача с клюкой среди оставшихся не было, и мне пришлось обратиться к гаишникам, вместе с машиной прятавшимся за крашеной стеной из гипсокартона. Как бы в засаде. Мол, ничего такого, спросил, не видели?..

— А что мы т а к о г о должны были видеть? — не хотя усмехнулся старший.

И я решил махнуть на это дело рукой... Что теперь? В пустой след. Тем более, что незнакомец уверил: не впервой!.. Разберется.

Вернулся к машине моих друзей, поехали в Дяденьково, и остаток дня прошел у нас в высокомудрых беседах о евразийстве: с Мурадом давно не виделись, а дома, в Кобяково, никто не ждал. Жена уехала в псковские края. К внукам.

II

В конце недели пошел к нашему сельскому магазинчику, тесному от изобилия дорогой еды и банок-склянок с диковинными напитками. Цены в нем выросли, ну будто в соответствии с увеличением количества разномастных автомобилей, которые возле него теперь то и дело останавливаются.

Давние жители Кобяково сюда почти не заглядывают. Их чаще увидишь бредущими от автобусной остановки с рюкзачками да сумками: запастись продуктами предпочитают в ближайшей Москве либо в звенигородских «Копейке» с «Пятерочкой»...

Но по субботам к асфальтовому пятачку возле магазина привозят «настоящее» молоко с ближней конефермы, из Горок. Не такое дешевое, но зато действительно — молоко.

А о чем мы с Аджиевыми-Аджи кроме прочего в Дяденьково беседовали?

Да о способах приготовления калмыцкого чая!

Дело в том, что в моей кубанской станице (теперь, считай, — в Кобяково под Звенигородом) и в славном Дагестане, где Марину учила готовить калмык-чай тетушка Мурада (теперь, считай, — у метро «Смоленской» в центре Москвы), рецепты один от другого несколько отличаются. И мне в очередной раз предстояло самому себе доказать преимущество моей предгорной долины перед дагестанской равниной.

В отличие от Мурада, доверившего столь ответственное дело русской жене, я свою хохлушку-Ларису к священнодействию с «калмык-чаем», как

его не без иронии адыги зовут, не допускал. Почему с иронией? Да потому что справедливей было бы звать «адыг-чай». Калмыки-то и узнали о нем от черкесов, когда по разным причинам бывали на Северном Кавказе. Разве могут они похвастать такими травами, какие только и растут в Черных горах, а-ей!..

Как приписной черкес, давно посвященный старыми майкопскими друзьями в джигиты, я, конечно же, был яростным сторонником именно этой исторической версии... кхе-кхе... «калмык-чая». И приготовление его почитал за служение нашему общему, не столь многим хорошо известному делу.

А хохлушка пусть варит свои потрясающе вкусные борщи... кто против-то?

...Ожидających «бочку» с молоком собралось не так много, в основном деревенские, дачников мало. Занял очередь и невольно прислушался к разговору: речь шла о таджиках.

— Вон сидит, вон! — громко говорила пожилая женщина с одинаковыми пластиковыми бидончиками в обеих руках — одним из них она повела в сторону магазина. — И пустая бутылка рядом, и окурки...

Другая удивилась:

— Из-под водки?!..

— Пиво пил, пиво, — отозвалась охотно первая: из тех, кто всегда все знает. — Им его все равно запрещается... а курить?

Высоко подняв охваченные загорелыми руками колени и опустив к ним голову, под стенкой магазина сидел смуглый парень в спортивных штанах и старых кроссовках.

Кто-то засомневался:

— А может, он и не таджик, мало ли...

В голосе этой, с двумя бидончиками, послышалась не то что уверенность — обида:

— Да прям!.. А то я таджика уже не отличу. Еще спросила у него: «Разве тебе можно?! Что, если твой Аллах тебя увидит?..» А он: «Не увидит!.. Тут его нету. Аллах в Таджикистане остался...»

Я и без того по привычке прислушивался, а тут — весь внимание!

Аллах остался в Таджикистане — ничего себе!

Прямо-таки готовое название... у кого было?.. «Христос остановился в Эболи». Кто-то из итальянцев?

Женщины продолжали свое:

— Вообще разбаловались... То за тысячу с утра до ночи работали, а теперь меньше двух не предлагай, да еще три раза по часу будут на коленях стоять. Молиться...

— Да вот, этот, видать, уже намолился...

— Устал, бедный!

Говорили громко, может, услышал?

Попытался повернуть голову, но снова уронил меж колен...

III

Вообще-то у меня от всех этих разговоров надежная прививка. Сибирская. Из Новокузнецка. Из пролетарской нашей Кузни...

Несколько лет назад приехал и чуть не прежде всего — на первую домну. Как первая любовь, ну что делать?.. С одна тысяча девятьсот шестьдесят четвертого. Когда её наконец пустили.

Проводить меня взялся Саша Лаврик, Альсан-Никитич, директор Запсиба по производству, или как там поточней его тогдашняя должность... Один из главных на комбинате Работников. С большой буквы!.. Всегда у него вся информация, всегда на месте... вот только я его и увел. По старой памяти. По старой дружбе, считай. И он даже обрадовался: ничего такого срочного нету, хоть слегка, говорит, разомнись да отдохну.

Ну, там само собой — «дым в Крыму», «Крым в дыму». Как сами они всегда, горновые. Про свой литейный двор возле печки.

Ад, конечно, крошечный. Олег Харланов, старый дружок, увидел и только головой повел: мол, привет!..

Каким-то лишь им, возледоменным «медведям», известным способом даже радость изобразил на черном от сажи и графита лице: с приездом!

Рядом с ним увертывался от огня мужичок в необычной спецовке из белого сукна, уже изрядно замаранного, и я оглянулся на Лаврика: мол, что за номер?!

Лаврик взялся кричать мне в ухо: «Действительно, «белая ворона». Таджик!.. У них там, говорит, черное сукно достать трудно, солнце же!.. А ему жена сшила. Ну чтобы куртка в Сибири берегла... Там какая-то любовь... это вам лучше бригадир, они дружат».

Конечно, мне хотелось на «белую ворону» взглянуть вблизи, но Олег, когда пришел в «кондейку» обняться да кружку чайка-крепачка выпить, оставил таджика на литейке. Вместо себя.

«Давно в Новокузнецк не приезжали, он у нас уже несколько лет, — взялся рассказывать — Его Ахрор Казимирович... Почему Казимирович? Да тут имя еле выговоришь, а отчество у него еще заковыристей. А без отчества его нельзя, нет!.. Наши ребята сами: его только с отчеством надо. Или одно отчество: Казимирович. Потому что у него шестеро детишек, а?!.. Как такого не уважать? Пришел к нам, было трое, а теперь поедет раз в год на месячишко к себе в Таджикистан, увидит, кто родился, и задел на очередного ребятенка оставит... Работник золотой!.. Да не только поэтому, не только. Мы тут в цехе страдаем от жары, а ему — в радость!.. Я, говорит, тут как дома. Душу, вроде того что, отводит...»

Потом-то я и с «Казимировичем», у которого к тому времени стало уже восемь детишек, познакомился, и узнал историю его спецуры из белого сукна. Чего не догадался — это спросить: как его имя на русский язык переводится...

И узнать это мне пришлось при неожиданных обстоятельствах. Или ничего случайного не бывает?

Теперь-то таджики в Подмоскovie, и действительно, пообтерлись. А попервах?

Уж каких только анекдотов про них не рассказывали! Все больше, надо полагать, их конкуренты по заработкам.

Кроме прочих анекдотов был и такой. У таджика, мол, спрашивают: «Ну, кидать, мол, землю лопатой, это дело понятное. А что ты еще умеешь делать?..» Таджик отвечает: «Все умею!..» — «А вот закажут тебе лестницу, сможешь сделать?..» Таджик подумал и говорит: «Конечно, смогу. Только копать надо очень долго!»

Похожим делом занимался и этот таджик. О каком хочу рассказать. Делал он, правда, не лестницу, копал глубокую яму под септик, а лестницы там как раз не было. Землю большим ведром вытаскивал стоявший на краю ямы другой таджик.

И вот «нижний» что-то кричит по-своему, «верхний» начинает тащить ведро с глиной, а снизу вдруг слышится: «Опять морда!..»

Этот вывалил из ведра глину, опустил ведро вниз, а когда стал тащить уже полное, снизу снова вдруг: «Опять морда!»

— Что он хочет сказать, не пойму? — спросил у я «верхнего».

Ответил сочувственно, но как бы и с некоторой насмешкой:

— Туда лягушка упал... Мешает!.. Он его ведро сверху положил, я тащит, а лягушка обратно прыгал ему на морда. Один так, два так... уже пять! Морда от него совсем грязный!

И смех, и грех.

Но вместе с тем... Что там за царевна такая, эта лягушка?.. Никак не может расстаться с добрым молодцем... действительно, добрый!

— Пусть положит ее в пустое ведро! — советую.

— Пустой ведро тоже морда прыгал...

Делаю такой жест: мол, вышвырнул бы, и все тут!

— Кинул бы ее вот так!

— Он бояться...

— Друг твой?

Таджик посерьезнел:

— Нет, лягушка бояться будет... нельзя!

И правда, «царевна»!..

Долго перекрикивались, и «верхний» показал измазанным пальцем вниз:

— Он пить надо... Вода хороший есть, дед?..

Молдаванин, который подрядился делать канализацию, вообще-то предупреждал: все у таджиков должно быть с собой — не надо их баловать! Но как не пожалеть этого добросердечного «царя природы»... Или — ее простодушное дитя?

— Скажи ему! — «верхнему» толкую. — Я пойду в дом, чай поставлю. Видишь, стол под яблоней? Там можно отдохнуть... только, как он вылезет?

Тон у «верхнего» сделался куда радостней:

— Будет вылезать, будет!

Когда поставил на деревянный стол плетеную корзинку со всеми, включая электрочайник и небольшой «заварничок», причиндалами и вернулся к таджикам, «нижний» корячился на веревочной лестнице, привязанной к толстой доске над ямой... Неловко изогнулся, раскрыл пятерню, и на ладони у него задергался и тут же отчаянно сиганул в перепачканную глиной мокрую траву большой серо-зеленый лягунок.

В сознании пронеслась обычная в подобных случаях моя шутка: напишу, мол, английской королеве!.. И общество защиты животных, которое она возглавляет, пришлет тебе орден.

Может, и понял бы?.. Лет через пяток, а то и десяток. Но пока тут и с обиходной речью проблемы. И я только сказал:

— Ну ты молодец, что лягушку вытащил!.. Вон бочка с водой, умойся. Вон тряпка... ну, полотенце, полотенце... вон, видишь?

За чаем мне все-таки захотелось рассказать об их земляке. О таджике с Запсиба. О горновом...

Попробовал изложить все как можно проще, но «верхний» все равно нет-нет, да что-то переводил «нижнему». А я невольно принимался корить себя.

Сибирь... Полыхающий огнем металлургический комбинат. Около доменной печки увертываются от раскаленных брызг твои дружки-работяги... Не мог бы ты им, парень, что-нибудь такое — попросте...

Расхвастался?

Или опять Сибирь накатила? Тоска-ностальгияшка, мочи нет...

В конце моего рассказа они загорячились, громко между собой заспорили, потом вдруг оба притихли, и на смуглых лицах обоих появилось спокойствие и значительность.

Переглянулись, и нижний вдруг несмело сказал:

— «Ахрор»... по-русски... эта — «величие»!

Я даже переспросил:

— Величие?!

И правда, у меня щипнуло глаза. Кто бы еще и

когда сказал так о самой тяжелой, самой черной работе, которую «ломают» у домны горновые! Недаром же их — «медведями»... Выходит, все-таки — величают?

Как величает Люба, жена Олега, красавица. Своего насквозь прокопченного муженька...

А «верхний» словно подтвердил:

— Так, так!.. Давлет правильно говорил, — и разувался во все лицо. — Что такое «Давлет», не знаешь, дед?

Тут знал. К этому времени не только написал предисловие к «Словарю личных имен народов Северного Кавказа», составленному в Майкопе профессором Розой Намитковой, — стоял теперь в Кобякове на книжной полке.

— Хорошее у тебя имя! — сказал «нижнему». — Ты — целое государство.

Он вдруг слегка подправил:

— Держав...

Я даже переспросил: что-что?

— Держава — правильно?

Наваждение?!

Я не стал заветного слова произносить, думал, для него это слишком сложно. Нарочно сказал попросте, а этот молодой таджик русского пожилого дядьку невольно, выходит, упрекнул. Бывшего атamana, а?!

— Откуда такие слова знаешь?!

Он поглядел на «верхнего», перебросились несколькими словами, и «верхний» сказал:

— Учит главно...

Вот что для него главное — ничего себе!

Пекло солнце, пробивало древесную листву. На крашенной суриком, давно облупившейся столешнице среди опустевших чайных чашек досыхали завязи яблок, год был неурожайный...

Отчего-то очень хорошо помню, как зашуршали-скрипнули мои дырявые, как выяснилось, резиновые сапоги, когда Держава-Давлет вновь стал их натягивать.

«Верхний» сказал:

— Дед, мы пошли, спасибо...

Я ушел еще раньше них.

В себя...

IV

Молоко привезли почти вовремя, хватило всем, и я определил свою тяжеленькую восьмилитровую бутылку из-под воды «Святого источника» в нейлоновую сумку с длинными ручками, поставил посреди продуктового кошель побольше, пропустил его плечевую лямку через проушины малой сумки и еще раз проверил, хорошо ли пробка закручена — отработано, как на космодроме...

Поставил молоко на простенькую, о два колеса, тележку, лямку от сумки прихватил пятерней к ободку металлической ручки — все, вперед. Старт!..

Уже на ходу еще раз глянул на опустившего голову в колени смуглого парня под стеной магазинчика: щенок!..

«Аллах остался в Таджикистане», ишь!.. Значит, не все в таджикском царстве-государстве ладно, если не решился на дальнюю такую поездку?.. Или слишком много чести этому мальчишке — сопровождать его за пивом да сигаретами... чего его свои-то не заберут!

Или как раз и появились возле него?.. Двое с велосипедами: самый распространенный у них транспорт... только как его — на велосипед?

Обернулся еще раз: прибавился третий — с тачкой. Ну, правильно! Ногу повредил, мало ли...

Молодо-зелено, что делать?!

Может быть, тоже какое важное событие отпраздновал: вынули первый ковш земли из котлована под домну... ну, под д о м, дом. Под коттедж какого-нибудь московского недоолигарха. Там теперь тоже такие котлованы, что многотонный «пень» из железобетона вполне уместится... ладно тебе!

С чего это опять взялся?..

К бочке с молоком торопился коротким путем, через мало ухоженный проезд, но с нагруженной тележкой по камням да глубоким колеям в траве трудно — пошел дугой по асфальту. Тем более кругом — благодать-а-а-ть...

После многодневных дождей проглянуло наконец солнышко, все светло, чисто и даже как бы торжественно... ах, вот оно что!

Потому и стало светлей, что совсем недавно, видать, туда и сюда по обеим сторонам дороги прошла, наконец, косилка, подрезала траву, опрокинула её высокие стенки, да... А то ведь ничего не видать было. Дурнина, как такую траву зовут в таежных краях, давно уже выперла на обочины и от многодневной влаги настолько выдула, что наверху готова была сомкнуться над проезжающими машинами... Травяные аллеи, что ты!

Но почему — «дурнина»?.. И едешь в такси либо с кем-то в машине — не видишь. И на автобус — один, пешком, торопишься — до того ли?

Так вот — нет, брат!.. Тут тебе и цикорий с синими цветками — «петров-то батиг», «батожок Петра», да, придорожный посошок его — вот он!.. И ярко-желтые тугие головки пижмы, и белые сережки люпина, и высоченный кипрей выкинул сиреневые метелки... «иван-чай»! Давний северный житель. Рядом с этим красавцем приделась даже полынь — стоит, ну вся в серебре...

Возле рослых трав жметесь неказистая «собачья петрушка» — как она, сухая, трещала в костерке, когда мальчишками пекли по весне картошку!

И вдруг, вдруг...

Сперва не понял, что это такое... почему оно, будто в определенном каком порядке, разложено по оставшейся от укуса стерне. У подножия нетронутых трав...

Пузырьки и цветные картонки, сплюснутые жестяные банки, смятые тюбики, рыжие памперсы... подряд несколько бутылок темного стекла и зацепившийся за корни разорванный полиэтиленовый пакет... и тут до меня дошло!

И впереди, и на противоположной обочине тянулись разноцветные полосы разложенной, как на блошином рынке, пришедшей в негодность бытовой мелочевки, то и дело прерываемой обрывками то белого, а то разноцветного полиэтилена...

Косилка разорвала мешки с мусором и растащила все, чем были набиты... А их тут по краям дороги валялось, этих мешков!

Странное возникло в душе, смешанное какое-то чувство... ну, не смотри на это дерьмо!.. Будто вывернутое нутро какого-то монстра, за-

глотавшего набитые мешки, но не успевшего все это добро в них переварить... Но как не смотреть?.. Ты же всегда был не только романтик, был — реалист... вот и не прячь глаза. Знай правду... и обо всех вокруг, и о себе, любимом... да что же это?! Замятая горка счетов либо квитанций, одна за другой мокрые прокладки... Рядом... не может быть!.. Или билет на какое-то действие... не в цирк? Только и того, что похож на ваучер... старый приятель показал недавно, напомнил. «Городской сумасшедший». Я, говорит, со своим даже не дергался, никуда его не отнес, вот он: оставил для будущего всенародного иска... Какой тебе иск, глупенький. Забудь... и впрямь ваучер!.. Может, этот «городской сумасшедший» был тут в наших краях? У кого-то в гостях. Показывал опять «толькоину грамоту» и все-таки потом выбросил?!.. Стыдно стоять, рассматривать... или даже почему-то опасно?

Будто вглядываешься не в какую-либо грязную, исключительно бытовую, но как бы в некую тщательно скрываемую государственную тайну... Почему не убрали сразу, вслед за косилкой?!

Охо!..

Или как черкесы говорят: а-ей!..

Хорошо, что Аллах остался в Таджикистане, — иначе что бы он тут увидел?!

Пальчиковые батарейки на изодранных дамских трусиках, стыд!.. Ровным рядом растащенная по стерне косилкой одноразовая посуда с остатками пищи: ну, прямо только что оконченный фуршет на обочине, а не затопивший родину срач...

И тут мне пришлось сперва невольно пригнуться, а потом выпрямиться и вытянуть шею уже вослед... Откуда он только взялся так неожиданно!

Вертолеты и раньше не облетали нас стороной, а в последнее время и вовсе зачастили... ну, как же, как же!

Недалеко, в соседнем Раёве, недавно открыли гольф-клуб с самой просторной, говорят, в Европе площадкой для игры... как там она у них? Тоже — поле?..

Так вот — самое-самое.

Опять вспомнилась наша пролетарская Кузня

с ее журналистскими приколами, рожденными в благословенных «пельменных», в которых жестокой зимой ворвавшийся с улицы холод тут же превращается в пар и смешивается с парами от нее, проклятой... Сорокаградусной.

«Если делать, то — по большому!»

Передовая статья из «Кузнецкого рабочего», только что стряхнувшего с себя старое название: «За большевистскую сталь».

Посмеивались над непроходимой тупостью партийных назначенцев, а оказалось — не тупость. Пророчество!..

Разве не это со всеми нами произошло? Так обделаться!..

...И еще один малый вертолет, этот чуть выше, но почему-то слышней... или у них там соревнования? В Раёве?.. Какая-нибудь решающая игра.

Наша деревня уже знает, уже посмеивается: «А ты себе справил белые штаны?» «На что — белые?» «Дак без белых теперь в Раёво и близко не подойдешь. Или не видел?.. И шлагбаум на дороге, и будка. Охранник с собакой. Есть белые штаны — пустют. А нет — нет. Без белых штанов нельзя в гольф...»

Сбоку от Кобякова, перед поворотом к двум здешним церковкам, в Тимохово с Аляуховым, до этого шлагбаума проложили на днях такой ровный, такой чистенький асфальт — боком катись. Куда подальше, да... Как сразу не догадался?!

Потому, сукины коты, и траву скосили по обочинам: облагораживают дорогу. Под белые-то штаны!

А какие там, в самом деле, простирались ухоженные поля! Совхоз «Звенигородский» в передовых не только числился. Недаром же Совмин СССР облюбовал тут местечко для детского санатория со всеми самыми современными службами. Уже завозили оборудование, готовились сдать под ключ, как тут оно грянуло: «возрождение России». И несколько лет потом предприимчивые мужички из ближних и дальних деревень выламывали тут двери, увозили домой оцинкованное железо, снимали сантехнику, сдавали в «цветмет» содранный с оконных рам алюминий...

Может, оно и к лучшему, что, наконец, нашелся хозяин, взявший под свою руку уникальные здешние места...

А что, что?..

Если уж «продали сельцо», так хоть «балалаечку купим»!

V

Не знаю, когда она появилась, когда тут окончательно прижилась. Подлая манера: на ходу выбрасывать мусор из окна мчащейся машины.

Мешки эти осенью быстренько засыпают желтые листья: придорожные деревья жертвенно готовы совершить последний свой подвиг. Зимой безотказно принимает глубокий снег. Весной и летом позор человеческий стыдливо прикрывает полевая трава.

И только небо, которое все видит и помнит, знает в лицо каждого вышвырнувшего мешок из своего «хендаи» удалца и каждую подмалеванную красавицу, наманикюренными коготками опустившую его из своего «пежо» на край дороги...

Что тут нынче из-за этих мешков творится!.. Везде так? Или в наших звенигородских местах — особенно?

Не станем вспоминать о далекой поре, когда во время медвежьей охоты царя Алексея Михайловича неподалеку от горы Сторожи его спасло чудо: громадного медведя прогнал явившийся в минуту опасности святой Савва...

Избу в Кобяково мы купили в 1980-м, и в тот же примерно год с собакой Кветой, черным, как горе, из-за которого пришлось ее приобрести, взрослым ньюфаундлендом, я шел через лес на станцию Скоротово.

Хорошо, что тропинка в том месте была широкая, собака по привычке трюхала рядом, и, когда она вдруг с необычной тревогой взлаяла, я тут же схватился за ошейник.

На противоположном конце поляны, буквально в полусотне шагов, стояла крупная лосиха с теленком-сеголетком...

Подала голову чуть назад, будто готовясь к

прыжку, и я одною рукой зажал собаке черную пасть, а второй, что было сил, потащил за ошейник в чашу... тогда они еще были в округе!

Звенигородские чащи...

И я от греха подальше утаскивал доброго своего, мало что понимающего в густом лесу ньюфа...

Это мы не смогли уберечь в большом городе маленького сына... Лосиха за своего малыша нас затопчет!..

А через три десятка лет с корзинкой для грибов на руке я шел примерно в тех же местах. Корзинка была пуста, и посреди громадной поляны, на вырубке, я палкой приподнял ветку крошечной елочки: а вдруг?..

Под елочкой сидел, сжавшись, заяц...

Не убирал палку, ждал, что он прынет из-под елочки. Но его будто парализовало...

— Ну что ж ты, милый? — спросил его жалостно. — Может, все-таки убежишь?.. Или бежать тебе уже некуда? Ладно, я пойду. Ты сиди...

Заяц передернул серыми щечками. В знак согласия?

И чем большей любовью проникался я к этим местам — от нашего Кобякова до пушкинского Захарова по старой, теперь забытой, рассказывали, тропинке было не больше семи-восьми километров, девки да парни друг к дружке бегали на вечерки — так вот, тем больше в любви этой было горькой, тоскливой жалости...

Пушкинские места!

Наша старая «русская Швейцария»...

Но как безжалостно прокатились по ним и «лихие 90-е». И последующие, якобы более благородные, времена.

Якобы...

VI

Рано утречком, еще в осеннем сером туманце, стоял на остановке автобуса, который идет... еле-еле идет, потому что станцию теперь опоясали железобетонные удавы очередной кольцевой дороги вокруг Москвы: сдадут не сегодня-завтра, якобы.

Стоял и, как всегда, в пол-уха слушал, о чем там

нынче печется якобы «слабый пол».

— До чего дошло! — возмущалась полная женщина средних лет, которая едет дальше, когда некоторые из нас, «москвичей», сходят во Введенском возле вокзала. — Что люди в последнее время озверели, к этому все уже привыкли... Но вот что и звери — туда же! Это как?!.. Под Мозжинкой, говорят... Лось на дорогу выскочил... вот с такими рогами! И стал бодать какую-то иномарку. Новенькая совсем, только купили, говорят. Так он и стекла поразбивал, и помял всю, хорошо еще никого не достал рогами. Водители с других машин повыскакивали, только тогда и отогнали... Прямо, как террорист какой!

— А что ему, бедному, оставалось? — вступилась за лесного обитателя сердобольная кобяковская учительница: едет в звенигородский колледж, в котором преподает русский язык с литературой... традиция! Заступаться за «братьев меньших».

— Наверное, последний клочок леса вырубili, где он обитал, — продолжила и жалостливо, и вместе с тем как бы наставительно: профессиональная привычка.

И полная поддалась... бывшая подлиза?

— Прятался, да, — уточнила охотно. — Да еще не один, со сродниками, а он у их какой-нибудь старший... кто-то ведь и об их должен заботиться!..

«Это есть наш последний... и решительный бой!» — вроде бы совсем не к месту пришло из «Интернационала»...

А что, что?.. Лось, может, марксист со стажем, старый боевик... или сбрендивший «капээрэфовец»... У «пролетариев всех стран» номер не прорезал, очередь за зверьем... ладно тебе, пристыдил себя. Старый ёрник!..

— Вон, смотрите, смотрите! — раздался восторженный крик.

Девочка с рюкзачком за спиной показывала рукой на дорогу, откуда должен был появиться автобус.

— Кошка! — отмахнулась полная. — Или маленькая собачка...

— Да нет же, нет! — радовалась эта, из небольшой группки школьников.

— Белка — не белка, — поддержала учительница. — Для белки слишком большая... но прыгает!

Какая-то лесная зверушка!

Я стал было перебирать в памяти таежных сибирских жителей: колонок?.. Маленький соболишка?

Но обнародовать свои ностальгические прозрения не стал... пусть себе остается неузнанным...

А плохо различимое в осенней роздыми лохматое существо допрыгало, наконец, до края асфальта и скрылось в придорожной траве...

— Тоже, небось, спугнули бульдозеры, ищет теперь, где приткнуться, — сказала полная — Как бы эта дорога и нас из дому не выгнала... и зачем она?

VII

Кто знает, в самом деле: зачем?..

Куда она приведет?

Хоть и — кольцевая.

Разгрузить Москву, говорят... А кто-то из местных догадался: какие-нибудь «большие гонки» будут устраивать... Какую-нибудь «Формулу-2».

Есть же теперь гольф-клуб? А гонок, как в Европе, пока вроде не было. Зато теперь — жди!

А что?..

По тем подмосковным местам, где жестокой зимой 1941-го насмерть стояли спасшие столицу сибиряки...

... А для меня «кольцо» обернулось тем, что неожиданно, будто из начала рассказа, в конце его появился этот, с большой клюкой.

С «палкой для таджиков».

И вот ведь какое дело.

По самым разным причинам в монастырь заглядываю все реже. Бывало раньше, из Кобякова упрямо хаживал туда и пешком. Несмотря на немалое время в пути и бензиновый дух обочь дороги.

Прибавилось дел? Или уходят силёнки?..

Но стоило теперь появиться, как вот он — давний знакомец.

— О-о-о! — говорит. — Сколько не виделись!.. Ну как вы?

Удивительно, и правда: ни в церкви его не встретил, ни в какой-нибудь монастырской лавке... их теперь! Ну чуть ли не торговые ряды...

А вот на спуске с горы, с этой самой древней Сторожи, которую когда-то в послушание от Сергия Радонежского облюбовал святой Савва, — вот он вам!..

«Явился не запылится», как раньше говаривали. Знак?..

— Слава Богу, — отвечаю. — Как вы-то?

Он так бодренько:

— Да что мне делается?

— Как раз об этом... А то мы с другом за вас переживали. Как вы тогда — с таджиками?

— Он вас опять ждет? Ваш друг.

И я глубоко вздохнул — как споткнулся:

— Н-нет нынче... Хотя вообще-то, как знать?

В самом деле.

Одолел-таки Мурада Паркинсон. Одолел... Сколько на похоронах было народу! Тюрки со всей Москвы, и не одни только тюрки. Как и проповедовал мой друг в своих книжках: Бог един.

И с горных высот... из небесных владений дорогого его сердцу Тенгри... Мураду теперь видней наши земные сроки. А дружеские симпатии т а м наверняка становятся только крепче.

Но спутник мой, судя по всему, находился в прекрасном расположении духа: не уловил в моей интонации ни горечи, ни суеверной печали. Думал о своем?

— Если нет, — сказал, — сами сейчас увидите.

Вывалось неволью:

— Опять?!

Тут как раз поток машин слева поредел, а справа вообще иссяк. Мы заспешили, и я было направился напрямик к автобусной остановке, но спутник буквально потянул меня за рукав:

— Не туда, нет-нет...

«А куда?» — подумалось. И тут же промелькнуло смягчающее тревогу, чуть ироничное и по-мальчишески озорное: уж если он тогда в одиночку отмахнулся, то теперь-то вдвоем — как-нибудь...

По краю дороги, даже вроде не торопясь, пошли в сторону Звенигорода. Он раз-другой, будто боясь ошибиться, глянул на циферблат часов на руке, таких же массивных, как и его клюка-палица. Потом заговорил громко:

— Часто вас на дороге русаки подбирают? Одноплеменники?.. Да если он еще и богатенький... Хотя ты умри тут, проедет и не заметит...

Я только понимающе усмехнулся.

Мимо снова понеслись иномарки, потом, слегка обогнав нас, резко затормозил задрипанный «жигуленок». Широко распахнулась дверца рядом с водителем и почти тут же открылась задняя.

— Понял, что нас двое! — громко проговорил мой спутник не то что довольным — прямо-таки торжествующим голосом. — Давайте туда, а я с ним рядом...

Из-за баранки, нагнувшись, тянулся навстречу нам смуглый водитель в замызганной ветровке неопределенного цвета. Радостно улыбался:

— Опять ходил на свиданья, ата?!*

— Сегодня не только воскресенье — еще и большой праздник! — в тон ему отвечал мой знакомец, определяя меж колен свою палицу и заодно пытаясь пристегнуть ремень безопасности. — Как не пойти?

— Нада ходить Всевышний, нада, — одобрил водитель. И тут же посочувствовал. — Говорил тебе, этот палка очень большой?

— Зато хорошо видать, ты ж вот увидел...

— Я тебя уже без палка знаю, ата!

— Ты-то знаешь...

Водитель средних лет так и светился доброжелательством:

— Другой тоже знает... Мы тут лес рубить, траншей копать. Хочешь, сделаю тебе легкий палка, ата?..

Этот, с палицей, явно «работал» на меня. Слегка повел головой назад:

— Лучше моему товарищу сделай!.. Тоже станут подбирать на дороге. Ваши. Из Средней Азии да с Кавказа ...

Водитель все продолжал чему-то радоваться:

— Надо подбирать седой борода, надо. Чурка всегда будет подбирать...

И так запросто это он, насчет «чурки», сказал, что сперва подумалось: может, ослышался?!

Но сидевший рядом с водителем мой спутник убежденно произнес:

— Чурки теперь, кто в дорогах иномарках. А в таких, брат, как у тебя, — люди как люди...

VIII

Чего только потом не пришло мне в голову...

И когда ожидал своего «кобяковского» автобуса напротив Александро-Невской церкви, у бывшей городской бани... И пока ехал в нем до развилки с названиями наших четырех деревенок: Кобяково, Аляухово, Тимохово, Раёво.

И когда потом пешком шел до дому, а высоко в небе чуть ли не один за другим пронеслись два тяжелых авиалайнера. Трассу из Внукова в очередной раз недавно перенесли, проходит теперь над нашими головами...

Подумалось почему-то об этом полумифическом дальневосточном гектаре, который может получить всяк желающий... был бы помоложе годками, эх!..

Или похожее уже было?

Записи!..

Ударная комсомольская стройка!

«Играли», как говорится. Уже «играли».

Но, может, потому-то и позволяют китайцам и в Сибири, и на Дальнем Востоке, подумалось, лес рубить?.. Чтобы эти самые «гектары» нам было потом легче осваивать?

Китайцы там рубят, да. Таджики — тут...

Успеет потом Аллах?..

Или «красный дракон» его все-таки обставит... стоп!

Будущая дорога... кольцевая-то, кольцевая. На севере от Москвы, на западе и частично даже на юге, и в самом деле, пройдет по этим слав-

ным местам, где начался разгром дотоле непобедимых германских дивизий... Любопытно, очень любопытно представить, как взорвался «бесноватый фюрер», когда ему доложили о параде на Красной площади в ноябре переломного 1941-го года!..

А старые, каких уже мало осталось, звенигородцы так и считают: немцев начал гнать святой Савва. Прямо от стен своей запустелой в то время обители... Духовный оплот русской державности, дальше нельзя пускать!

Третье Саввино великое чудо...

А может, так и назвать бы эту дорогу?..

Кольцо Победы!..

Несмотря ни на что.

И — вопреки всему.

Как тогда.

IX

Дома, еще не успев чайку попить, подключил Интернет — ждал письма из соседнего с Новокузнецком, дорогого сердцу Прокопьевска. Из черной шахтерской Прокопы.

Но первым делом на мониторе в правом нижнем углу появилось страдальческое лицо самого, ну самого известного, уже достаточно пожилого артиста...

Сообщал о том, что из него вышла глиста длиной двадцать восемь метров.

И раз, и другой, и третий попытался убрать грустное сообщение, но эти двое, всенародный любимец и настырная, лишившая его покоя глиста, появлялись снова и снова...

И я вдруг горько заплакал.

Тоже, якобы, ни с того, ни с сего... ■

*Ата — отец.

ВАЦЛАВ МИХАЛЬСКИЙ

Родился 27 июня 1938 года в Таганроге. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького и Высшие курсы сценаристов и кинорежиссёров при Госкино СССР. Автор многочисленных прозаических произведений, переведённых на английский, французский, немецкий, испанский, китайский и др. языки. Лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства 2002 года. Живёт в Москве.

СВОЯК

Андрею Васильеву

Плавные темно-серые воды Рейна как бы и не текли вовсе, а медленно перемещались со стороны Бонна, где в середине девяностых годов прошлого века еще была столица ФРГ, в сторону Кёльна.

Мы с моим свояком Андреем сидели в кафе-стекляшке, вынесенном далеко от обрывистого берега, прямо к самой воде. Стекло-стеклянные стены кафе были хорошо промыты с обеих сторон, и вид на реку открывался незамутненный, ясный до самого горизонта на противоположном, левом берегу.

— Не знаю, как где, а в этом месте их Рейн похож на наш Урал, — сказал Андрей, разливая по рюмкам водку из стеклянного графинчика.

— Ну, будем!

— Будем!

Мы чокнулись и выпили не без удовольствия — стояла поздняя осень, и в кафе было зябко, оно еще не отапливалось.

— По второй, для сугрева? — спросил я.

— Давай, — согласился Андрей и налил мне и себе по второй рюмке.

После второй, как это водится у нас в России, жизнь как-то сразу стала налаживаться — и зябкость прошла, и небо над Рейном посветлело.

Было позднее утро, и мы с Андреем сидели в совершенно пустом кафе. Иногда из-за ширмы выглядывал молоденький румяный официант с как будто приклеенными черными усиками а-ля Чарли Чаплин. Он с интересом наблюдал, как это люди среди бела дня, в будни, пьют водку и ничем не закусывают. Потом выглядывающих стало трое, и мы услышали, как кто-то из них то ли с восторгом, то ли с удивлением сказал: «Rusen!» (Русские!)

Шел 1994 год, и русские в Западной Германии тогда еще были в диловинку.

— Салют! — подняв пустую рюмку, обернулся к ним я, и, засмеявшись, они тут же задвинули ширму.

— Ты надолго? — спросил Андрей.

— На недельку, не больше.

— Тебе хорошо, а я, наверное, застряну здесь на всю оставшуюся жизнь. Когда наш бардак закончится, ты как думаешь?

— По науке — у историков считается, что смутное время длится восемнадцать-двадцать лет. Если отсчитывать с начала перестройки, то значит это где-то в две тысячи пятом году.

— А если не закончится через двадцать, что тогда? — с тревогой спросил Андрей.

— Значит, это будет уже не смутное время, а что-то другое, пока неизвестное науке.

— А ты на речку глянь, — вдруг сказал Андрей, — глянь на эти баржи.

Я посмотрел в сторону Рейна и увидел две большущие новенькие баржи на встречных курсах. Баржи были похожи друг на друга, как наши с Андреем жены-близняшки. Обе баржи были гружены песком, притом кучи песка возвышались на них так одинаково, что когда баржи наконец поравнялись, то на какой-то миг почти слились в единый силуэт.

— Ну вот, а ты говоришь про наш бардак, — усмехнулся я, — одна баржа с песком идет в Бонн, а другая из Бонна, так что и у них бардак хватает.

— У них — это частный случай, — сказал Андрей, — хотя и веселый, а у нас теперь — норма.

— А баржи-близняшки, как наши с тобой жены, — сказал я.

— Точно, — подтвердил Андрей, — внешнее сходство есть.

— А ваш городок на Урале возник при заводе? — спросил я.

— Да, можно и так сказать. Один из эвакуированных в войну подмосковных заводов. Завод наш был градообразующим предприятием. Был завод — был город. Сейчас завод прикрыли, и город по-тихому врастает в землю. Так что там делать нечего. Да, теперь уже и не с кем — кто в мир иной, а кто, как я, в поисках куска хлеба: или по России, или в другие страны.

— Я слышал, у вас на заводе был какой-то гигантский молот?

— Был. Второй в мире — один у нас, один у американцев. Бесшаботный молот. Гидравлика. Нижняя баба молота сто двадцать пять тонн и верхняя баба сто двадцать пять тонн и когда они идут навстречу друг другу, то получается удар большой силы. Да, еще забыл — фундамент под нижней бабой на шестьдесят метров в глубину и каждый слой стали проложен слоем резины, — с детской гордостью добавил Андрей — но это ты лучше с Нюткой (Анной) поговори, она же у меня технолог кузнечного производства.

— Да ты что?! — удивился я. — Обязательно поговорю.

— Слышал я, наш молот в металлолом сдали, — сказал Андрей, — но что-то не верится, как это они смогли раздолбать такую махину?!

— А ты яицкий казак по матери? — спросил я Андрея.

— И по отцу, и по матери.

— А я донской по матери, а по отцу поляк.

— А здесь мы по линии жен, — добродушно усмехнулся Андрей, — почему и выпиваем с тобой на берегу Рейна.

Хотя мой свояк Андрей и моложе меня на двенадцать лет, но у нас равноправные дружеские отношения, наверное, в том числе и пото-

му, что жены — близняшки.

— А что у тебя в твоём городе на Урале совсем не стало никакой работы?

— Для меня совсем. Я ведь инженер по металлу, с института в кузнечном цехе. Завод закрыли, металл продали, молот...

— А здесь, в Германии, найдешь подобную работу? Ты ведь крупный специалист?

— Нет, не найду.

— Почему?

— А у них нет такого металла.

— Как это так — у нас есть, а у них нет. Ну что, по третьей?

Андрей налил по третьей. Выпили.

— А так и нет, — продолжил Андрей, — у нас много чего было, чего ни у кого не было.

— Я как-то об этом никогда не задумывался.

— А мы о многом не задумываемся, наверное, так легче жить, — улыбнулся Андрей. — А то задумаешься, и башка пойдёт кругом. А у них в Германии теплее, чем у нас на Южном Урале.

— Где теплей, а где и не очень — Германия тоже большая.

— Не спорю, — согласился Андрей, — наверное, даже побольше нашей Челябинской области.

Как и многие красивые и умные люди, мой свояк был незлобив и всегда спокоен, как бывает спокойна настоящая, а не показная сила.

— Но я все-таки не пойму, почему при твоей высокой квалификации ты не можешь найти работу?

— А как раз поэтому, — улыбнулся Андрей.

— Они мне так и говорят: по вашей квалификации мы не можем взять вас на низовую работу, а соответствующая вам должность у нас занята. Для хорошей работы у них есть свои хорошие ребята, и я понимаю, что это справедливо.

Тут с шумом и хохотом в кафе ввалилось пятеро юных аборигенов: три юноши и две де-

вушки — все лет по шестнадцать.

— Kölsch für alle bite! — громко выкрикнул официанту рыжеволосый парнишка.

— Пива для всех! — перевел мне Андрей. — Kölsch — это местный сорт пива — кёльнское.

— Это даже я знаю, — засмеялся я. — Наверное, с уроков в гимназии сачканули.

— Наверно, — улыбнулся Андрей.

Ему, как и мне, было приятно смотреть на девчонок и мальчишек, которые тут же чему-то дружно рассмеялись.

Они захохотали, а мы с Андреем, не допивая при детях водку, рассчитались с официантом и вышли на набережную Рейна.

На набережной было чисто и светло — как нарочно проглянуло солнышко, наверное, чтобы показать нам немецкий орднунг во всей красе.

— А твоя дочка и зять собираются сюда? — спросил я Андрея.

— Наша Ирина с радостью, а зять Саша не хочет. Пока упрямится. Я его понимаю, — ответил Андрей. — Оба окончили Московский медицинский, Саша с красным дипломом. Живут пока еще в общежитии. Ирина сидит с дочкой, Саша работает. Врачам сейчас у нас дома почти не платят.

— Я в курсе, Андрей, и про мединститут, и про то, что не платят.

Правый берег, по которому мы шли, был высокий, а левый — дальний, низкий, и домов там было маловато.

— Слышь, — сказал Андрей, — мне местный немец рассказывал, что на этом правом берегу и, судя по его описанию, примерно на этом самом месте, в 1945 году был у американцев концлагерь для немецких военнопленных. Они их не кормили, люди ели траву и умирали с голоду.

— А сейчас спроси об этом ребят, что пьют пиво в кафе — они тебе не поверят, — сказал я.

— Не поверят, — подтвердил Андрей. — Сейчас у них одно в голове: немцев спасли от фашизма американцы. Недаром ваша девятилетняя Зинка дралась с одноклассниками за то, что они ей сказали, что русские не могли взять Берлин, потому что они вообще не воевали.

— Да, — подтвердил я. — Немецкие дети не знают даже о том, что Кёльн был разрушен англо-американской авиацией дотла — один собор остался, как ориентир для бомбометания.

— Хороший писатель Генрих Бёльль, — невпопад почему-то добавил я. — «Город привычных лиц» — это про Кёльн и «Биллиард в половине десятого» про Кёльн.

Кажется, на этом мы и расстались с Андреем четверть века тому назад.

И вот через двадцать пять лет мы снова встретились с Андреем в том же кафе-стекляшке на высоком правом берегу Рейна. Как и тогда, на дворе стояла осень, в кафе было зябко, и, как и тогда, мы взяли маленький графинчик водки.

Водку подала нам хорошенькая зеленоглазая официантка с копной рыжих волос и темной полоской едва заметных усиков над верхней губой.

Андрей разлил по рюмкам и, поднимая свою, сказал:

— Будем!

— Будем! — подтвердил я.

Выпили с удовольствием. Закусили, нюхнув рукава своих пиджаков. Выпили по второй.

— Люблю зеркальные ситуации. Помнишь, Андрей, как мы сидели здесь четверть века назад?

— Конечно, помню — двадцать пять лет как корова языком слизала — или были, или не были?

— Да, на себе как-то года не замечаешь — особенно, если в зеркало не смотреть. А дети

ведь, и твои, и мои, уже сильно взрослые.

— Сильно, — светло улыбнулся Андрей и лицо его заметно помолодело. В свои шестьдесят восемь он совсем не выглядел стариком, только на висках пробилась седина.

— Ты молодец, Андрей, а я, видишь, стал лысым. Хорошо, что сейчас лысые в моде. Это лысые и ввели моду на лысых. И, конечно, их поддерживают молоденькие женщины, что водятся с лысыми.

— Ты прямо целую философию развел, — улыбнулся Андрей. — О-о! Глянь на реку — опять наши баржи с песком.

Темно-серые воды осеннего Рейна едва заметно перемещались со стороны Бонна в сторону Кёльна. На рейде широкой реки, прямо напротив нашего кафе, сближались на встречных курсах тёмно-зелёные баржи с одинаково ровно насыпанными кучами серого песка — одна баржа шла в сторону Бонна, другая со стороны Бонна.

— Ну вот, — радостно сказал я, — как писал замечательный русский поэт Георгий Иванов: «Жизнь продолжается рассудку вопреки». А ты говорил тогда — двадцать пять лет назад, что это у них нелепый случай. А оказывается, дурь двадцать пять лет живет, и ничего ей не делается! И баржи крепкие — это те же самые баржи. Такие могут плавать лет пятьдесят, а учитывая их немецкий орднунг, и больше.

— Может, ты и прав, — согласился Андрей, — а может, есть тут какая-то тонкость, кто знает?

— Песок одинаковый, — сказала я, — только с двух разных карьеров. И баржи одинаковые, и хозяин у них, наверно, один и тот же. Ладно, бог с ними, давай третью за деток, которые у нас с тобой уже сильно взрослые.

Чокнулись, выпили по третьей, рюмки были маленькие, наверно, как в знаменитом трактире Тестова, — грамм по двадцать.

— Да, дети у нас сильно взрослые, — ска-

зал Андрей и мужественное лицо его осветила мягкая горделивая полуулыбка. Ему было чем гордиться. Его жена Анна, с которой они поженились еще студентами, была красивая, умная, обаятельная женщина, да и хозяйка, и рукодельница милостью Божьей. Старшая его дочь, красавица Ирина, и зять Александр после медицинского института в Москве нашли в себе силы окончить еще и немецкий мединститут, давно работали врачами в Кёльне и пользовались уважением как своих пациентов, так и коллег по профессии. Младший сын Александр тоже получил образование и встал на ноги. И внуки у них удались. В общем, все было «хорошо, прекрасная маркиза», если не считать его, Андреевой, собственной жизни.

Да и о том, что его собственная жизнь в эмиграции так уж не удалась, тоже нельзя сказать. Правда, работал совсем не на том уровне, на котором когда-то работал дома, но жил ведь своим трудом, дом построил...

— А почему немцы не взяли тебя на работу твоего уровня, ты ведь был начальником крупного цеха на уникальном заводе?

— Именно поэтому и не взяли, — усмехнулся Андрей. — Я тебе уже говорил в тот раз: во-первых, у них таких заводов нет, а во-вторых, для хорошего места у них есть свои хорошие немецкие люди — и это справедливо.

— Что справедливо, то справедливо, но ведь обидно, — сказал я.

— За себя мне не так обидно, как за Державу, — сказал Андрей. — Хорошие слова в этом знаменитом фильме: «За Державу обидно».

— Хорошие. И артист Луспекаев был выдающийся, а нашли его где-то в областном театре. Как сказал кто-то из знаменитых французов: «Таланты рождаются в провинции, чтобы умереть в Париже». Но далеко не каждому таланту суждено доехать до своего Парижа. Так было, так есть, так будет.

Помолчали.

— А тебе здесь и выпить не с кем?

— Это еще почему? Еще как есть. У меня же замечательный зять Саша Кудряшов. Вот с ним мы и отводим душу. В субботу натопим баньку, попаримся, потом грамм по двести — по триста и песни поем.

— Какие здесь песни? — с сомнением спросил я.

— При чем здесь — здесь? Мы наши поем, советские. Чаще всего военные. Настоящие песни!

— Например?

— Бьется в тесной печурке огонь,

На поленьях смола, как слеза,

И поет мне в землянке гармонь

Про улыбку твою и глаза, — в полголоса напел Андрей.

— Пой дальше, — попросил я. — Спой до конца.

— Про тебя мне шептали кусты

В белоснежных полях под Москвой.

Я хочу, чтобы слышала ты,

Как тоскует мой голос живой, — пел Андрей, и я видел краем глаза, как слушают песню выглядывающие из-за пластмассовой ширмы на кухню рыжеволосый черноусый мужчина лет сорока и молоденькая рыжеволосая официантка.

— Ты сейчас далеко-далеко.

Между нами снега и снега.

До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,

Заплутавшее счастье зови.

Мне в холодной землянке тепло

От моей негасимой любви.

— Хорошие были у нас песни, — сказал я после паузы, — сейчас, даже и не сейчас, а десятилетия таких больше нет.

— И анекдотов хороших нет, ты обратил внимание?

— Обратил. И знаю, что это очень плохой признак. Повезло тебе с зятем Сашей.

— Повезло, — согласился Андрей, — он и гитарой владеет будь здоров! И голос отличный.

— Так что по субботам здесь, в Кёльне, вы делаете себе маленькую Россию?

— Делаем, — улыбнулся Андрей. — Допьём? Я согласно кивнул в ответ.

Выпили ещё, заняли руками своих пиджаков. И тут, как и двадцать пять лет тому назад, с веселым гвалтом в кафе ввалилась группа подростков лет по пятнадцати-шестнадцати: три светловолосые девочки и два черноглазых, черноволосых парня явно ближневосточного происхождения.

— Kölsch für alle bite! — звонко выкрикнула русая девчушка в сторону рыжеволосой зеленоглазой официантки с едва наметившимися черными усиками над пухлыми губками.

— Kölsch — местный сорт пива, — сказал Андрей.

— Это я помню еще с прошлого раза, — сказал я, — но обрати внимание: в тот раз пиво заказывал парнишка, а сейчас девочка. Эмансипация?

— Что-то в этом роде, — улыбнулся Андрей, — власть еще не переменилась, но дело идет к этому. Слушай, а я не помню, что было двадцать пять лет назад, а ты помнишь. Как это так?

— Понятия не имею. Я ничего не держу в памяти, а когда надо, вспоминаю — просто такое свойство, оно как-то называется, забыл.

— Хорошее свойство, — сказал Андрей. — Да, сейчас мы-то знаем, что это опыт обманной, — добавил он, кивнув в сторону гимназисток.

— Обманной, — подтвердил я. — Он всё в том же ряду, что родить и поднимать детей не великое предназначение женщины, так им сейчас внушают. Ну что — на улицу?

— Пошли, — согласился Андрей.

— Вы довольны обслуживанием? — неожиданно подошел к нам черноусый владелец кафе. И у нас как-то само собой завязался разговор.

Андрей немного говорил по-немецки, я иногда понимал какие-то слова. Но тут выяснилось, что владелец кафе, которого звали Гюнтер, почти неплохо говорит по-русски, потому что «они с Восточных земель» и когда-то Гюнтер учился в русской школе, вернее, в школе с русским языком как обязательным. Чтобы не передавать весь наш косноязычный разговор буквально, я буду излагать его сразу по-русски.

— Если вы довольны, то не могли бы об этом написать? — спросил Гюнтер и ловко вынул откуда-то из-под фартука красивую тонкую книжицу с золотым обрезом.

— Гюнтер Грасс, «Жестяной барабан», — машинально обронил я.

Гюнтер хотел что-то сказать, даже рот открыл, но его опередили.

— А мы не можем по-немецки, — сказал Андрей, — только по-русски.

— Пожалуйста, по-русски. Моя дочь, которая вам подавала, изучает русский.

— Надо же, — сказал я, — все — английский, а она русский.

— Да, — сказал черноусый отец. — Наш дедушка был в русском плену — он всегда хорошо отзывался о русском народе.

— Приятно, — сказал я.

— Напиши ты, — протянул мне книжечку Андрей, — твоя работа.

— У моей дочери сегодня день рождения, и это будет ей хороший подарок.

— Как зовут Вашу дочь? — спросил я.

— Гретхен... Маргарита. Фауст и Маргарита.

— О-о, Вы любите «Фауста»?!

— Да, конечно, как его не любить, — ответил Гюнтер.

— Остановись, мгновенье, ты прекрасно! — прочел я Гёте в русском переводе.

— Auenblick, verweile DOCH, DU BIST SO SCHÖN, — как эхо отозвался Гюнтер словами подлинника.

Мы с Гюнтером победно переглянулись, засмеялись и невольно обняли друг друга.

— Садись, — по-свойски предложил я Гюнтеру, который был лет на двадцать пять моложе Андрея, а обо мне и говорить ничего.

— Айн-момент, — сказал Гюнтер, взял со стола наш графинчик с недопитой водкой на донышке и почти побежал к себе за пластмассовую ширму. Вскоре он вернулся с полным графинчиком и бутербродами.

Я хотел было предложить выпить за Гретхен, но Гюнтер сказал, что его дочь не обидится, если мы в первую очередь выпьем в память о Гёте и Пушкине.

Так мы и сделали.

Конечно, выпили и за Гретхен.

— А Гретхен читала «Фауста»? — спросил я.

— Она знает его наизусть, — горделиво ответил Гюнтер.

— Мечтает стать филологом?

— Нет, филологом мечтал стать я, а она будет патологоанатомом.

— Кем-кем?

— Патологоанатомом.

— Большая медицинская специальность, — поняв, что не ослышался, сказал я, — так сказать, конечная. Ей сколько сегодня?

— Восемнадцать, — ответил мне Гюнтер.

— Ну-у, тогда ей все можно. А пока окончит гимназию, еще десять раз передумает.

— Гимназия позади, — сказал Гюнтер, — сейчас Гретхен уже на втором курсе медицинского факультета.

— Как это так? — удивился я. — По-моему, у вас в гимназии учатся 13 лет и заканчивают ее в двадцать-двадцать один.

— Не обязательно, — вступил в разговор Андрей, — наш внук Андрейка тоже окончил гимназию в шестнадцать и уже учится на фармакологическом факультете.

— А чего же ты раньше не хвастался? — спросил я Андрея.

— Не знаю, — пожал он плечами, — просто разговора не было.

— Откуда такая прыть у твоего внучонка?

— От скуки, — сказал Андрей, — ему было скучно учиться в гимназии, вот он и перескакивал через классы, чтобы быстрее ее окончить — такой был у него стимул.

— Классный стимул и решение у твоего Андрюхи нестандартное: другие бросают, а он просто форсировал окончание гимназии. Какие-то уникальные у вас дети, — закончил я, обращаясь к Гюнтеру.

— Да, — подтвердил Гюнтер, — но такие тоже бывают. А Вы не верите в чудеса?

— В чудеса? Конечно, верю. Если бы в жизни не было чудес, то не было бы и самой жизни. А почему Гретхен сегодня на работе, а не на учебе?

— А у них какое-то окно на неделю, — ответил Гюнтер, — вот она и подрабатывает. Сейчас пойдёт домой.

Конечно, Гюнтер не разрешил нам заплатить ни за первый, ни за второй графинчик водки. Конечно, он приглашал нас домой, но Андрею

было некогда, а мне тяжело в мои лета, и мы распрощались с Гюнтером почти как родные. Но тут он спохватился, что ничего не написали в его тонкую книжечку с золотым обрезом.

— За рюмкой всё забыли! — засмеялся Андрей. — Первая колом, а вторая соколом!

Оказалось, что мы не только о книжечке забыли, но и о гимназистах, пивших Kölsch, которых и след простыл. Мы были одни в кафе, значит, и именинница ушла. Всё забыли за разговорами — и это ведь хорошо?!

— Нормально, — словно прочитав то, что я подумал, сказал Андрей. — Очень даже нормально. Пиши.

Я придвинул к себе книжечку с золотым обрезом и написал, стараясь писать разборчиво: «Дорогая Гретхен!

Желаем тебе здоровья, благополучия, радостей! Ты выбрала редкую профессию, мы понимаем, что ты человек незаурядный, и уверены, что всё в твоей жизни сложится наилучшим образом. У тебя замечательный папа Гюнтер, он подарил нам прекрасные мгновения. Жаль, что русские и немцы так много воевали друг с другом. Крепкий мир наступит в Европе только тогда, когда русские и немцы будут крепко дружить друг с другом. Удачи тебе на всех фронтах! Благодарные посетители кафе».

И мы расписались — сначала я, а рядом Андрей. На то мы и свояки, чтобы стоять рядом. ■

ЕКАТЕРИНА КАНДАКОВА

Родилась 9 сентября 2000 года
в станице Крыловской Краснодар-
ского края. Студентка 4-го курса
факультета журналистики КубГУ.
Живёт в Краснодаре.

ОСЕННИЙ ПЛЕН ВОСПОМИНАНИЙ

За окном завывал ветер, и над домом сгустились облака. Часы на удивление громко пробили полночь, и я освободился из сладкого плена своих грез. Я мельком взглянул на уже остывший чай, стоявший на столе. Слишком часто я стал забывать о вечерней чайной традиции, и хорошо бы винить в этом свою старческую память, но она тут совершенно ни при чем.

Осенними вечерами мне становится на редкость тоскливо, не помогает даже вечно говорящий ящик. Я постепенно, словно проваливаясь в глубокий сон на мягком облаке одеяла, теряю связь с реальностью. Закрываю глаза и всеми своими мыслями устремляюсь туда, где осталось мое сердце, моя душа, моя жизнь.

* * *

Просыпаюсь, но не хочу открывать глаза. Позволяю себе попробовать заснуть снова, но попытка превращается в пытку спустя десять минут. Поворачиваюсь на бок и протягиваю руку перед собой. Повторяя траекторию падающего лепестка, моя рука скользит по прохладному воздуху и бережно приземляется на подушку, которая лежит рядом. Спустя какое-то время я встаю с кровати и укутываюсь в промерзший халат. Плетусь на кухню и выливаю вчерашний чай в раковину. Набираю в чайник воду и зажигаю конфорку последней спичкой. Хотел было выбросить коробок, но тут воспоминания проникли в мою голову. Я закрыл глаза, и мое сознание стало беспощадно быстро переключать кадры из той, такой, кажется, далекой, прежней жизни.

Ее улыбка. Ее запястья. Ее глаза.

Чайник неистово завопил, и она исчезла. Выругавшись, я насыпал в кружку две большие щепотки черного чая и залил их кипятком. Пар взмывал все выше к потолку, и воздух на кухне стал немного те-

плее. Есть совершенно не хотелось, к тому же, сделав глоток горячего чая, я обжег язык.

День обещал быть не таким пасмурным, как другие, и я решил прогуляться в парк. Надел рубашку, которую она большего всего бранила и назвала «собиравательницей пятен». С трудом и одышкой втиснулся в брюки, накинул пальто, но все никак не мог найти эти вечно прячущиеся от меня очки. Они, словно магическим образом, меняли свое положение ровно в ту секунду, как я протягивал в их направлении руку. Негодники... А ведь она находила их с такой легкостью и простотой.

Можно подумать, что это сумасшествие, но очки плели заговор против меня. Только она могла вступать с ними в переговоры, а иногда и подыгрывать. Я, бывало, начинал сердиться, и бурчать себе под нос, как она подходила, и хватала меня обеими руками за щеки. Я был непреклонен ровно до той секунды, как мои глаза пересекались с ее глазами. Смешно, но я (еще минуту назад несокрушимая холодная льдина) начинал таять и растекаться в ее горячих руках.

* * *

Подъездная дверь распахнулась передо мной с такой силой, что подол моего пальто взмыл вверх, а ноги окутал осенний воздух. Спрятавшись носом в шарф, я побрел по нашей аллее. Пусть сейчас она и пестрит яркими красками осени, но больше не радует моих глаз. Все вокруг кажется тусклым и безжизненным. Без нее. Она придавала смысл буквально всему. Даже эти лавочки, играющие в шахматную партию, оживали, когда она касалась их своими тоненькими пальчиками. Я шел вперед, и каждый шаг отделял меня от реального мира и уносил туда, где мы были счастливы. Серая действительность с угрюмыми прохожими и холодными порывами ветра сменялись теплой

чередой воспоминаний, которые сопровождалась запахом ее волос и яркими красками осени.

Я закрываю глаза, и вот она берет меня за руку и ведет за собой. Переходим на бег, а она, немного повернув ко мне голову, улыбается и кричит: «Быстрее, тихоня, опаздываем! Экспресс нашей молодости вот-вот тронется с перрона!» И мы ускоряемся еще сильнее и сильнее. Но мы бежим так всего секунд тридцать, и она, жадно глотая воздух, переходит на шаг. Та еще спортсменка. Минуту она старается отдышаться, а ее волосы свисают вниз и качаются из стороны в сторону. Резко поднимает голову и делает выдох. Пар взмывал все выше, а мы замороженным взглядом наблюдаем за тем, как он исчезает. Она смотрит на меня и с абсолютной безмятежностью хватает меня за нос.

Я открываю глаза и стараюсь как можно быстрее ухватить ее руку, пока она не успела раствориться, но не успеваю и лишь тихонькую бью себя по носу. И вот я снова один.

* * *

Время близится к полудню, и я, будем считать, что по своей старческой рассеянности забывший перчатки, захожу в ближайшую кофейню, чтобы отогреть свои ледышки. До сих пор не понимаю, как ее руки могли оставаться такими горячими все время. Помню, как-то раз она сказала мне в порыве злости, когда болезнь стала все быстрее прогрессировать, что горячие руки у тех людей, которые сердцем холодны, и расплакалась. Но я знал тогда наверняка, что ее сердце горело неистовым огнем, который, казалось, мог согреть весь этот мир. Но однажды он погас, и ее руки перестали согревать мои холодные щеки.

На деревянный стол упали две слезинки. Очки, казалось, тоже не могли смириться с тем, что ее нет, и позволяли моим слезам скатываться по лицу и совершать затем полет до ближайшей поверхности, если я не успевал стирать их тыльной стороной руки. Хорошо, что людей в кофейне было мало, и никто не обратил на плачущего старика внимания. Не хочу, чтобы меня жалели.

Как бы я ни любил кофе, чтобы согреться, кружку

я осушил очень быстро. Пора возвращаться домой. Как странно произносить это слово... дом... Без нее это место стало мне совсем чужим. Обычная коробка с дырками в виде окон. Мы даже чем-то похожи. Только у меня она одна и большая в области груди.

Не хочется идти домой по тому же маршруту, и я решаю сделать небольшой крюк. Несносное колено начинает, как назло, ныть, наверное, вечером ветер усилится и пойдет дождь. Думаю, стоит зайти в магазин и купить ее любимый торт — «Черепашку», все-таки сегодня ее день рождения.

* * *

Открываю дверь в квартиру и вижу последний луч солнца, падающий на стену. Он заставляет меня невольно улыбнуться. Отношу «Черепашку» на кухню и возвращаюсь, чтобы взглянуть на луч еще раз, но он уже скрылся за толстой пеленой туч. Сажусь на краешек кровати и глажу рукой ту сторону, на которой она спала. Бывало, повернется ко мне и, еще не открывая глаз, начинает шептать «Доброе утро» и, зарываясь в одеяло с головой, снова засыпает. А я, чтобы не спугнуть ее сладкие сны, осторожно поднимался и уходил на кухню, чтобы приготовить ей завтрак. Как мне не хватает тебя.

Она как ребенок каждый раз радовалась своему дню рождения и весь день улыбалась, танцевала и уговаривала меня не ходить на работу, чтобы провести весь день дома. Сама готовила «Черепашку» и звала каждые пять минут меня, чтобы попробовать ее фирменный крем. Она не любила свечи в торте, и поэтому мы зажигали всего одну на столе и разговаривали долго-долго. Я держал ее за руку, такую горячую и маленькую и, казалось, что так будет всегда. Но вот уже 10 лет я в полном одиночестве этим осенним вечером ковыряю вилкой в магазинной «Черепашке» и думаю о ней.

Мою посуду и выключаю во всей квартире свет. Лежа в кровати думаю только об одном: «Пожалуйста, милая, приснись мне сегодня, я так скучаю по твоим горячим рукам». Закрываю глаза и снова теряю связь с реальностью. А за окном затихает вой ветра, уводя за собой облака. ■

ЩЕНОК С ЗОЛОТОЙ ШЁРСТКОЙ

Полдень. Море сегодня на удивление спокойное, хотя обещали шторм. На берегу пахнет водорослями. Я глубоко вдыхаю морозный воздух и обнимаю себя руками. Глаза на мокром месте. Ветер развеивает мои волосы все настойчивее. Очерчиваю подошвой кроссовка линию, потом вторую. Я не знаю, почему я пришла сюда, наверное, мне хотелось разделить свой душевный шторм с морем. Чтобы волна билась о волну, порождая миллионы капель вокруг, которые резво отпрыгивали в разные стороны и исчезали в воде, уступая место новым. Тогда я бы села ближе к воде, чтобы хотя бы пара капелек попала на мое лицо, скрывая мои собственные слезы. Но, к сожалению, море спокойно, а моя душа, сменив гнев на горе, теснит грудь.

И сейчас я задаюсь только одним вопросом: почему нельзя вернуться в то время, когда мы были искренне счастливы, хотя бы на долю секунды? Например, всего на месяц назад, когда Арчи, уткнувшись в мою рубашку своим влажным носом, тихонько сопел, а я, улыбаясь, чесала его мягкий бочок.

Всхлипывая от собственных воспоминаний, поджимаю колени настолько сильно, насколько могу и зарываюсь лицом в джинсовую ткань штанов.

* * *

Он был рядом с момента моего рождения. Только тогда это был совсем еще щенок, который бегал за собственным хвостом весь день напролет. Если про собак можно сказать, что они могут быть оптимистами, то Арчи в этом был бы самый первый. Когда его нашли мои родители на улице в коробке, он сидел там совсем один, но при этом не жалобно скулил, а, наоборот, с

задором вилял хвостом и издавал дружелюбный «гав». Даже не знаю, почему его до нас никто не забрал. Ладно бы Арчи был обычной дворнягой, ведь для многих людей почему-то порода является основополагающим показателем того, что настоящий. Никогда не понимала их, хотя на самом деле здесь нет ничего удивительного. И в нашем обществе люди выбирают себе друзей и спутников жизни по тем же самым меркам «породы»: богатство, состоятельность, связи. Но в моей семье так жить не принято, поэтому в тот же вечер родители оборудовали для Арчи его собственный уголок. И только через несколько дней, когда его отвезли в ветклинику, мы узнали, что наш щенок — золотистый ретривер. Вот так, за месяц до моего рождения, в доме появился другой малыш — Арчи. Могу с уверенностью сказать, что этот щенок был подарком судьбы, и стал моим верным другом.

Неизвестно почему, но Арчи очень любил класть голову на мамин живот, в котором я часто и интенсивно пиналась. Щенок как будто понимал, что мама не может играть с ним так же активно, как и папа, поэтому, оставаясь с ней наедине, он старался быть самым спокойным псом в мире. Они вместе любили смотреть телевизор и уплетать вкусности, в тайне от папы, конечно. Так и проходили их совместные будни. Но, когда в двери слышался звук проворачивающегося ключа, Арчи соскакивал с дивана и стрелой летел в коридор, задорным лаем приветствуя главу семейства. И он делал так каждый день, до того момента, как это случилось.

* * *

Сейчас где-то шесть часов вечера. Мои губы потрескались и слегка посинели. Сзади послышался голос мамы. Через минуту я почувствова-

ла, как она, опираясь на мое плечо, садится рядом на песок. Я хотела было демонстративно встать и уйти, после того, как мама начнет говорить со мной, чтобы снова остаться одной, но она молчала и смотрела на спокойное море. Она знала меня от самой макушки до пальцев ног и понимала, что первой начинать тяжелый разговор, от которого я так упорно уходила уже два дня, сейчас не имеет смысла. Мама, не проронив ни слова, только укрыла меня сверху пледом, который принесла с собой из дома, и прижалась вплотную ко мне, чтобы поделиться своим теплом и быстрее меня согреть.

* * *

В десять лет, возвращаясь из школы, прямо с порога я кричала во весь голос:

— Арчи, скорее ко мне! Мальчик, где ты?

И мой верный друг с грохотом бежал из любой части дома к двери, встречать свою маленькую хозяйку. Он поднимался на задние лапы и начинал облизывать мне все лицо, от чего я начинала заливаться смехом и в благодарность за помощь с умыванием гладила Арчи по голове. Бросив верхнюю одежду на пол к давно забытому рюкзаку с домашним заданием, мы устраивали забег с ускорением на кухню, где мама обязательно что-то готовила. Арчи всегда побеждал меня, но, получив от мамы в награду кусочек вкусного домашнего хлеба, подходил ко мне и предлагал оторвать половинку.

Он всегда старался поддерживать меня и делить не только радости, но и невзгоды. Как-то раз мы с Арчи вышли прогуляться на улицу, и я решила прокатиться на велосипеде. Но, не справившись с управлением, я упала и расшибла коленку. Было так больно, что я не могла подняться, и лежа на траве рядом с домом, тихонько всхлипывала.

Как только Арчи понял, что я больше не следую за ним, он повернулся назад и подбежал ко мне. Он не понимал, почему я не встаю, и тогда лёг рядом со мной, легонько поскуливая и облизывая мое мокрое лицо.

* * *

— Mam, как можно жить, потеряв часть души?

Мама положила мне на плечо голову и сказала:

— Мы все когда-нибудь уйдем, забрав с собой частички душ тех, кто нас любит. Им будет больно. И очень сильно. Но ведь мы оставим после себя память, которая на первое время будет подобно яду отравлять нас, но потом поможет залечить боль, заполнив пустоту в душе воспоминаниями.

Мне казалось, что у меня не осталось больше слез, но я ошибалась, градом они начали сыпаться на мои колени. Мама начала гладить меня по голове и, прижав к себе еще ближе, продолжила:

— Он любил тебя еще до твоего рождения, как и ты его. Между вами была связь, которую не дели остальные. Арчи помогал тебе и поддерживал тебя, пока у него были силы. Ты не виновата в том, что собаки живут меньше людей, родная. Он был рядом столько, сколько мог, но теперь его время пришло. Отпусти его, и, может быть, он вернется к нам снова.

И тут я почувствовала, будто кто-то лизнул мою руку. Опешив, я повернулась и увидела маленького щенка с золотистой шерсткой, который не лаял, а только смотрел на меня своими маленькими коричневыми глазками, виляя хвостом.

А море было таким же спокойным и тихим, как будто все знало и понимало, но хранило свою тайну в самой глубине. ■

КЛЮЧИК ЛЮБВИ

День клонился к своему завершению. Последние лучи солнца падали на окна и стены дома, расположенного напротив. Мы сидим на кухне и по привычке провожаем выходные за чашечкой ароматного зеленого чая. Ничего не отвлекает нашего внимания. Телевизора нет, компьютеры и телефоны выключены. Вокруг только спокойствие и умиротворение.

Я подношу большую чашку с чаем к губам и, отпив совсем немного, обжигаю язык. Сильно зажмуриваю глаза, чтобы не издать звука, который нарушит тишину вокруг. Ставлю на стол злополучную чашку и, скорчив недовольную гримасу, продолжаю смотреть в окно. Одной рукой перебираю пальцами старый маленький ключик на веревочке и невольно улыбаюсь. Алеша наблюдал за мной все это время. Повернувшись к нему, я замечаю это и показываю язык, не для того, чтобы продемонстрировать, что я обожглась, а просто из вредности. Ответ не заставляет себя долго ждать, и Алеша показывает мне свой язык. Я улыбаюсь и тянусь к его руке, лежащей на столе, и рассматриваю длинные и тонкие пальцы, а потом сжимаю их в своей руке. И тут мне захотелось все-таки прервать тишину вопросом, который возник только что:

— Как думаешь, когда наша жизнь изменилась?

Лицо Алеши приобрело выражение задумчивости. Он посмотрел в окно и просидел так несколько секунд. Взъерошив без того растрепанные волосы, Алеша ответил:

— Хороший вопрос. Я сам совсем недавно поймал себя на мысли, что все вокруг стало каким-то другим. Но понял, что на самом деле все осталось прежним, а изменился я сам. В силу, конечно, событий, которые произошли в этом году. Наша жизнь изменилась потому, что изменились мы сами. Ты и сама прекрасно знаешь, как она...

Алешин монолог прервало еле слышное крыканье, доносящееся из соседней комнаты. Улыб-

нувшись, он встал со стула и сказал:

— Вот и наша Вася проснулась. Почувствовала, что про нее говорим.

Я тоже встаю из-за стола, чуть не перевернув чашку так и не тронутого зеленого чая, и иду за Алешей в комнату.

Останавливаюсь в дверном проеме и опираюсь на косяк. Смотрю на плавно раскачивающуюся из стороны в сторону белую кровать, в которой лежит целый маленький мир. Мой мир.

* * *

3 июня 2002 года.

Солнечный свет заливает мою маленькую комнату. Я слезаю с сундука и, убирая с лица пряди волос, иду искать бабулю. Завтра мне должно исполниться 8 лет. Приедут родители и привезут большой торт и много шоколадных конфет, а то у бабушки на серванте остались только леденцы. А еще вчера вечером в деревню приехал Алеша и обещал прийти ко мне на день рождения. Большого праздника не будет, только я, бабушка, родители, Алеша и кот Кеша.

Я нашла бабулю на кухне. Один за другим на тарелку приземлялись блины, только и успевая слетать с раскаленной сковороды. Я старалась уловить все движения бабули, но всегда сбивалась. В первом классе еще не объясняли, что такое скорость света, но я больше, чем уверена, что бабушка печет блины именно с такой скоростью.

— Машенька, ты уже проснулась, моя сладкая. А я думала, успею блинчиков напечь к твоему пробуждению. А тут вон как, вишь, старая, не успела. Ты поди, возьми малиновое варенье, а я мигом допеку.

Через 5 минут гора блинчиков стояла на столе, а я в предвкушении залазила на скамью рядом со столом. Бабуля налила мне большую чашку зеленого чая, которую я вряд ли смогу осилить. Поми-

мо горячих блинов и малинового варенья на столе стояла домашняя густая сметана. Я не любила блинчики со сметаной, так как мне всегда было мало сладости, а вот по сметане страдала другая душа. Кеша сидел рядом с бабушкой и что-то мурчал себе под нос, поглядывая лукавым взглядом на гору сметаны. Через секунду черная лапа потянулась на стол и зачерпнула из плошечки желанное лакомство. Готова спорить, бабушка ожидала от него подобной наглости, но все равно закричала:

— Ах ты, паршивец, Кеша! А ну брысь отсюда, ишь прохвост, в хату не пушу на ночь.

Я залилась смехом и чуть не упала с лавочки, сильно отклонившись назад. Бабушка только кажется грозной. Чуть погода она остынет и пустит Кешку домой, погладив при этом его мягкую шерстку.

День проходит незаметно, а вот ночью я не могу сомкнуть глаз. Все представляю завтрашний день в мельчайших деталях: мамины красные губы, которые тянутся ко мне и оставляют след на щеках; щекочущая папина щетина; длинная алая лента на торте и стеснительный Алеша, переминающийся с ноги на ногу.

На часах 5 утра, а я уже не сплю, а бегу со всех ног к бабуле, чтобы сделать праздничные косички. Она ловит меня в свои объятия и, кажется, я не смогу никогда из них выбраться. Так тепло и уютно. Выслушав кучу пожеланий, я целую бабулю в обе щеки и протягиваю резинки и расческу, а сама сажусь на пол, чтобы ей было удобно заплетать меня. Кеша тоже не спит. Его длинный черный хвост свисает со стула и, как маятник, движется из стороны в сторону. Видно он чем-то недоволен.

Бабуля заканчивает плести и предлагает достать голубенькое платье, которое мы купили на прошлых выходных. Это бабушкин подарок на день рождения. Я еле сдерживаюсь, чтобы не завизжать от восторга и, как попрыгунчик, скачу по всей комнате.

Пора справляться по хозяйству. Обычно я не очень люблю это дело и предпочитаю поиграть с Кешей, но сегодня я настроена помочь бабушке. Она вручает мне мешок с зерном и отправляет

кормить кур. После этого я вызвалась покормить и собак, но бабушка сказала пойти в дом и прибрать игрушки до приезда гостей.

Когда я заканчиваю с уборкой, часы показывают 10 утра. С минуты на минуту должны приехать родители. Я очень соскучилась. Они много работают, и поэтому я весь день провожу в садике, а летом на все три месяца уезжаю в деревню. Я этому искренне рада, потому что часто чувствую себя одиноко.

Бабуля уже заварила чай и поставила на стол сервиз, который мы подарили ей на юбилей. Я надела свое платье и не могла налюбоваться на него в зеркале. А бабушка все приговаривала:

— Какая красавица! Машенька — невеста. А кстати, где же твой жених? Алеша не пришел слушать?

— Пока нет, бабуль. Он бы, как всегда, постучал к нам в окошко.

Послышался стук каблучков. Я обернулась и увидела маму с тортом в руках, а рядом стоял папа и прятал что-то за спиной. Мы не виделись почти месяц, и я заметила, как мамины глаза стали влажными. Она выскользнула из лодочек и взяла меня на руки. Я уткнулась в ее шею и почувствовала приятный аромат духов. Мама зацеловывала меня.

Мы сели за стол. Бабушка разливала чай по чашечкам и отрезала праздничный торт. Мама и папа расспрашивали меня о том, чем я тут занимаюсь. Я с задором отвечала, при этом играя с Кешей алой ленточкой. И тут вдруг в окошко постучали. Это был Алеша. Не успели родители опомниться, как я убежала из комнаты и выскочила на улицу.

— Маша, я поздравляю тебя с днем рождения! Ты самая красивая и веселая девчонка из всех, что я знаю.

Лицо Алеши залилось краской, и он стал немного напоминать помидор. Я хотела было рассмеяться, но побоялась смутить своего друга. Он подходит ко мне ближе и протягивает маленький василек, а потом целует в щечку.

— Маша, можно я позову тебя на пикник? Не надолго, сможешь?

Я киваю головой и возвращаюсь в комнату,

чтобы сказать родителям, что скоро вернусь. Они понимающе кивают головой и отпускают меня. Мы выходим за калитку и направляемся в сторону его дома, но Алеша останавливается и поворачивается ко мне.

— Ты не будешь против, если я завяжу повязку на твоих глазах? Хочу сделать сюрприз.

Я киваю головой. Он достает атласную ленту и аккуратно завязывает мне глаза, а потом берет за руку, и мы потихоньку начинаем идти. Проходит не более пяти минут, как Алеша останавливается и снимает с моих глаз ленту. Я потираю глаза и часто моргаю, чтобы привыкнуть к яркому солнцу. Передо мной открывается дивный луг, усеянный васильками. А какой приятный стоит аромат. Алеша стоит рядом, протягивает руку вперед, показывая на небольшой пенек впереди. На нем стоят две кружки и тарелка, наполненная доверху ягодами.

— Алеша, это так здорово! Я никогда здесь не была. Спасибо тебе большое, что пригласил меня.

Он улыбается и достает из кармана маленький мешочек. Алеша потихоньку развязывает узелки, запускает внутрь руку и что-то достает. Через мгновение он протягивает ее и разжимает длинные пальчики. На ладошке лежит маленький ключик с ниточкой.

— Я дарю тебе ключик. Да, он маленький и старенький. Я нашел его на этом самом месте еще тем летом. И носил его с собой все это время, а теперь хочу отдать его тебе. Пусть он будет напоминать тебе обо мне, и ты никогда не будешь чувствовать себя одиноко.

Я утираю рукавом слезы и крепко обнимаю Алешу.

* * *

17 августа 2020 года. 9:20.

Рано утром Алеше взбрело в голову сделать мне какой-то сюрприз, и в 5 утра мы выехали из дома. Еще совсем сонная я села в машину, небрежно подбирая подол легкого платья. Сборы проходили в полудреме, так как всю ночь я не могла хорошо заснуть, ворочаясь туда-сюда. Малыш устроил

внутри моего животика игры в футбол и то и дело пинался ногами и руками.

Не успели мы выехать из своего района, как я задремала. Сколько себя помню, в поездках куда-либо я засыпала, как только трогался транспорт, будь то машина, лодка и даже самолет. Да и малыш вроде бы успокоился.

Не знаю, сколько времени мы ехали, но сон был такой сладкий, что мне поездка показалась мигом. Алеша вышел из машины и подбежал ко мне, чтобы завязать платком глаза. Закончив, он попросил немного его подождать и не снимать повязку. Я кивнула и стала прислушиваться к звукам вокруг: где-то совсем близко говорливая сорока без остановки старалась перекричать щебетание чижей. Лешины шаги становились все дальше.

Я решила вспомнить детство, которое проводила у бабушки и, держась за дверцу приоткрытой машины, сняла свои легкие балетки и босыми ногами встала на траву. Здорово было в те годы. Беззаботным ребенком бежишь вдоль бабушкиного двора. Временами гоняешь кур и гусей, но чаще сбегаешь, не прикоснувшись к борщу, на улицу, где уже ждет Алеша. Его редкие приезды в деревню были такими долгожданными, что я сломя голову бежала ему навстречу, как только он ступал за калитку.

Теплое летнее солнце грело нос и щечки.

— Алеша, ну долго ты там возиться будешь?

— Почти готово, Маш. Подожди еще 5 минуток.

Я решила подождать в машине. Не прошло и 5 минут, как в окно легонько постучали — любимая привычка Алеши еще с детства.

— Выходи, все готово.

Он снял мою повязку, и я увидела перед собой тот самый луг, на который Алеша привел меня в детстве на день рождения. Все вокруг было усеяно васильками, как и много лет назад. На пенёке стояли две кружки и корзинка с фруктами.

— Несколько лет назад я подарил тебе здесь ключик, чтобы ты никогда не чувствовала себя одиноко. И вот, спустя время, мы здесь уже не вдвоем, а втроем — ты, я и наш Василек. Она — наш маленький ключик большой любви. ■

МИХАИЛ СМИРНОВ

Родился в 1958 году в городе Салавате. Печатался в «Литературной газете», «Молодой гвардии», «Работнице», «Сибирских огнях», «Родной Кубани» и других СМИ. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Салавате.

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Дед Василий сидел на крыльце, поглядывая в сторону реки. Сидел, а на душе было тоскливо. Схоронил свою Анфису и затосковал, да так, что места не мог найти. Днём колготился во дворе или на огороде копался, лишь бы в дом не заходить, а бывало, выходил на улицу, присаживался на лавку возле двора и весь день сидел, курил свои папироски. Думал. Да обо всём думал, но чаще про жену свою, про Анфису, с которой прожил долгую жизнь, но в то же время слишком короткую, как ему казалось. Сидел и перебирал жизнь, словно листочки переворачивал и по стопочкам укладывал. Своих-то листков маловато было, а вот Анфисина стопочка росла. А как не расти, ежели вставал с думками про неё, а ложился спать — снова все мысли про Анфису, как в последнюю ночь разговаривал с ней, а она позвала к себе или за собой, а он не понял её, и Анфиса ушла...

Дед Василий завздыхал, вспоминая жену. Всю жизньюшку вместе были. Никогда не разлучались. Всегда была рядышком с ним. Как говорится, в горе и в радости. Сейчас большое горе, что её рядышком нет. Все думки про Анфису свою: как женились, детишек родили, как радовались каждой мелочи, как... Господи, зачем же ты разлучил нас? Он взглянул на тёмные облака, нависшие над деревней, и вздохнул. Тоскливо на душе, и больно. Дед Василий приложил ладонь к глазам и посмотрел вдаль. Узкие и длинные лоскуты огородов. Между ними межа, заросшая травой, а по ней тропка спускается до речного обрыва, и там, на краю обрыва, стоит скамейка. Отсюда, со двора, её хорошо видно. Дед Василий, будучи молодым, когда поставили дом и отделились от родителей, жену послушал и вкопал эту скамейку на краю обрыва, больно уж хорошо тут было. С весны и до ледостава, вечерами, когда выпадала свободная минутка, они спускались по меже, садились на скамейку и любовались широкой рекой, по которой сновали туда-сюда юркие катера и медлительно двигались широкие баржи. На другой стороне до самого горизонта тянулся густой лес. Почти вплотную подходил к реке, и бывало, что изредка оттуда появлялось семейство

лосей. Неторопливо спускались по пологому берегу. Вожак оставался в стороне, чутко прислушиваясь к звукам, а его семейство: самки да детёныши припадали к воде. Напьются, а потом долго стоят возле реки, не шевелятся. Замерли. Может, отдыхали, а может, тоже прислушивались к речной жизни, потом медленно разворачивались и опять скрывались в густом лесу. А когда солнце садилось над лесом, по реке пробегали длинные золотистые полосы. Казалось, в этот момент всё затихало в природе. Птицы переставали гомонить, даже катера исчезали, и река успокаивалась, превращаясь в зеркало, а по нему пробегали дорожки, которые с каждой минутой всё темнее и темнее становились. И вот исчез последний луч. Тишина. Анфиса дотронется до плеча, приложит палец к губам, чтобы не нарушал эту тишину, и опять застынет, и деду Василию всегда казалось, что вот она — рядом с ним сидит, а в то же время Анфиса была где-то далеко. А вскоре над головами разгоралось небо. Небо чистое, тёмное и глубокое, а по нему звёзды рассыпались и перемигиваются. Анфиса прижмётся к нему и молчит. И хорошо было сидеть на лавке. Просто сидеть и слушать ночь...

Склон обрыва давно уж зарос кустарником да деревьями. А по реке всё так же сновали юркие катера и медленно поднимались баржи. И вечерами к реке выходили лоси. Казалось, ничего не изменилось. Всё, как прежде, всё, как обычно, только жизнь прошла. Промелькнула и не заметил её — жизнь эту. Дед Василий спустился по меже. На небольшой полянке, увидев его, телёнок, крепко привязанный к колышку, понёсся по кругу, смешно взбрыкивая ногами. Залилась лаем юркая чёрная собачонка, кинулась было к телёнку, но остановилась от грозного окрика и, поджав пушистый хвост, подбежала и уселась рядом с лавкой, поглядывая на старика.

— Ну чего ты разгавкалась, Чернышка? — сказал дед Василий, с укоризной взглянув на собаку. — Телёнок обрадовался, а ты пугаешь его. Нельзя так, нельзя...

И погрозил шишкастым пальцем.

Погрозил, потом уселся на широкую скамейку, прислонился к берёзе, вытащил из кармана курево, достал спички и задымил, о чём-то думая и поглядывая по сторонам.

Собака легла возле ноги старика, положила голову на лапы и притихла, изредка поднимая башку, когда старик натужно кашлял или снова закуривал.

Казалось, недавно дом поставили, перебрались в него, а гляди ж ты, уж жизнь пролетела. Дед Василий покачал головой. Казалось, ещё вчера, с Анфиской, переселились в новую избу. Радовалась она, когда в дом зашла. Хозяйкой зашла, не снохой. Хотя, что уж душой кривить, Анфиса хорошо жила с его родителями. Особенно, матушке понравилась. От работы не бегала, как некоторые, всё исполняла, что ни попроси, за ребяташками присматривала и за Василием ухаживала, словно за дитём малым, а уж свёкор её любил — души в ней не чаял. Как куда уедет, так оттуда какой-никакой гостинчик привозил. А она радовалась. И Василий радовался, что в ладу жили, что жена почитала его родителей, а иначе нельзя. Так принято.

Едва перебрались в новый дом, Анфиса в первый же день пошла на речку, а когда вернулась, попросила, чтобы он поставил скамейку на обрыве, над рекой. Сказала, такой простор открывается, аж дух захватывает, и душа радуется. И Василий поставил. Крепкую скамейку сделал. Вкопал под берёзкой, чтобы солнце не палило. И в первый же вечер они пошли туда. Почти до утра просидели. Всё смотрели на реку, на широкую гладь воды, на которой отражались звёздные россыпи, слушали, как в ночи переговаривались рыбаки на берегу, которые расположились на отдых возле костров. Кто сидел, а другие лежали и лениво беседовали. Где-то звякнул котелок, а может, кружка. Тишина. А потом снова тихий говор. Ночь тёмная, а по небу яркие россыпи и звёзды перемигиваются, словно дразнятся. И Анфиса сидела, прижалась к плечу и не шелохнулась. Василий уж думал, что задремала, но она вздрогнула от ночной прохлады, зябко повела плечами и поднялась, домой позвала. И они направились к дому. А над головой бледнели звёзды. Начинался рассвет...

И всякий раз, когда переделывали все дела по

хозяйству, они уходили на свой крутояр, как Анфиса его называла. И детишек брали с собой. Они набегаются вволю по берегу, а потом притулятся к ним и дремлют, а бывало, что засыпали, и тогда Василий уносил на руках домой, укладывал спать, а потом возвращался к жене, и опять они просиживали почти до рассвета. Многие в деревне посмеивались над этим, над Анфискиной блажью, как говорили. Дурью мается эта городская пигалица, как её называли, а Васяка потакает, а потом перестали обращать внимание. Здесь бы в своей семье разобраться, а чужая семья — потёмки...

Дед Василий закурил и опять вздохнул, вспоминая жену. Что ни говори, а хорошо прожили жизнь. Всякое бывало. И ругачки были, и скандалы, правда, до рукоприкладства никогда не доходило. Дед Василий сызмальства помнил, что отец никогда мать не трогал, и дед не махал кулаками. У них было принято, что бить бабу — это последнее дело. Так и Василия воспитали. Другие мужики частенько гоняли своих благоверных. По поводу били и без повода, чтобы боялась, как они говорили. А Анфиса не знала, что такое мужнин кулак. Да, ругались. Да, бывало, в пух и прах разлаивались, а как же без этого, но никто и никуда из избы не уходил. Разругаются, а спать ложились вместе. Отвернутся друг от дружки, сопят, пыхтят, а утром глаза откроют, в обнимку лежат. Куда злость подевалась. Взглянут друг на дружку, посмеются и снова берутся за дела. А работы в деревне всегда много было. Трудись не покладая рук, а дела ещё останутся. И в колхозе работа была, день-ночь крутишься, чтобы успеть, особенно, когда посевная или уборочная, а ещё нужно за своим хозяйством приглядывать: свинки, овечки, куры да гуси, за ними нужен присмотр. И дети подрастали. Ух, озорники были! Дед Василий хмыкнул, вспоминая ребяташек. Собака тут же подняла голову, услышав его голос, но снова легла и задремала. Старший сын как-то посерьёзнее был. Всё книжками увлекался да всякими учебниками. Всё сидел, днями и ночами читал. А вырос — в инженеры пошёл. На заводе работает. Серьезный — страсть! А вот средний да младшенький — эти озорники. Погодки. Бывало, усядутся где-нибудь в уголочке и уговариваются, а сами так и стреляют глазами, так

и смотрят за ними. А потом выскользнут из избы, и жди, чего-нибудь обязательно натворят. Ладно, сами баловались, так ещё соседских мальчишек за собой утягивали. А вечером вернутся и стоят, с ноги на ногу переминаются или на печку залезут и притихнут. Ага, значит, что-нибудь натворили. Василий-то с Анфисой не лупцевали ребят, а вот соседским доставалось. Потом соседи жаловались Василию, чтобы приструнил своих озорников. Василий хмурился, грозился, что накажет, но всё на словах оставалось. У них не принято было детей лупить. Так и росли озорниками. И ничего, тоже в люди вышли. Средний сын, Колька, уехал железную дорогу строить и там остался. Далеко забрался! А младшенький в соседнем районе живёт. И у всех семьи, и жёны неплохие, и детишек нарожали. Редко, но, бывало, вместе приезжали в деревню, тогда пыль столбом! Ладно, невестки справлялись с ребяташками, а то бы умотали старика эти озорники, внучата. Ох, шустрые! А Анфиса всегда смотрела на них и посмеивалась...

И дед Василий опять вздохнул, полез за куревом.

Собака поднялась. Потянулась, зевая, и заскулила.

— Ну чего ты, Чернышка? — старик наклонился, потрепал по холке. — Надоело лежать? Ну, иди, побегай. Погоняй мышей.

Собака взлаяла и помчалась через кусты куда-то по берегу, лишь изредка доносился звонкий лай, а иногда злобное рычание.

Дед Василий посмотрел на реку. Взглянул на далёкий лес. Конца и края не видно. Словно море зелёное колышется. И река какой была, такой же осталась. Может, катеров да лодок стало побольше, и всё на этом. И вечерами рыбаки собираются на берегах. Там и сям мелькают огоньки костров. Ветром доносит ленивые уставшие разговоры. Дымком пахнёт и слышится звяканье котелка. А над головой всё то же бездонное иссиня-чёрное небо и хороводы сверкающих звёзд. Всё, как раньше, когда с Анфисой были молодыми, всё осталось прежним, лишь он составил, да Анфисы больше нет с ним. Померла...

Что ни говори, а с Анфисой прожили хорошую жизнь. Никто не верил, что городская худенькая пигалица приживётся в деревне. Все посмеивались, по-

встречав Василия в форме, когда с армии вернулся, а рядом была невысокая девчушка. Думали, враз от ворот поворот сделают родители, что без разрешения привёз невесту. Они добрались до дома, зашли, Василий поклонился родителям, а потом показал на девчушку и сказал, что это его жена. Мать, как стояла, так и уселась на лавку возле окна и расплакалась. А отец, тот лишь нахмурился. Суровый мужик был! Пальцем погрозил, брови сдвинул, зыркнул исподлобья на невысокую, худенькую, словно подросток, Анфису и вышел на улицу, лишь дверь с треском захлопнулась. А они стояли возле порога и не знали, что им делать. Ладно, мать поднялась, кинулась к ним, обняла, вроде засмеялась, а у самой глаза на мокром месте. Вечером гости собрались. Долго сидели за столом, разговоры вели, а сами на них косились, оценивающе смотрели на худенькую девчушку, на Анфису, и с недоумением пожимали плечами, как это городская пигалица решилась в деревню приехать, где взрослые-то не выдерживают всю эту тяжесть, а уж куда ей-то — тростиночке. И отец весь вечер сидел, хмурился, на Василия не смотрел. Осерчал, что с ним не посоветовался, привёл городскую неумеху в дом. За полночь было, когда гости разошлись. Василий вышел на крыльцо. Закурил. Сидел, поглядывая на спящую деревню, и радовался, что вернулся домой. Скрипнули доски. Рядом присел отец. Закурил. Долго молчал, искоса поглядывая на него, потом буркнул:

— Что собираешься делать? — и кивнул, словно на Анфису показал.

— Жить, — коротко сказал Василий, затушил окурок, поднялся и повторил. — Жить, как вы живёте, как другие, а может, и получше всех...

И зашёл в избу, притворив дверь.

Отец лишь качнул головой, оставшись на крыльце.

Так они стали жить. Чуть свет поднималась Анфиса. Помогала матери доить корову, потом выгоняла в стадо, убиралась по хозяйству, кормила мужиков, как мать говорила, а после этого вместе с ней уходила на работу. Анфиса не жаловалась. Не умела. Василий видел, как тяжело было ей. Иногда слышал, как всхлипывала, затаившись от всех: от боли, от усталости и тяжёлой жизни, но стоило появиться кому-нибудь,

как у неё просыхали глаза, и Анфиса опять хлопотала по хозяйству.

Родители не могли нарадоваться на неё. Гляди ж ты, вон как со всеми делами справляется, аж позавидовать можно. Отец всё гостинцы привозил. По нраву пришлась невестка, а уж мать как радовалась, словно у неё дочка появилась. Наверное, так и было... Родной дочкой стала. Анфиса не была балованной. Рано без родителей осталась, всё познала: и голод, и холод, и нужду. И сама потянулась к матери, прислонилась, будто родная кровинушка. Прикроют дверь в горницу, а сами шушукуются на кухне, всё секретам делятся, а сунься туда, вмиг выставят. Так и жили, а потом дом поставили и уже своим хозяйством зажили. Но всё равно то родители к ним приходили, особенно когда детишки стали подрастать, то они к матери с отцом приходили и сорванцов приводили. Вот уж был тарарам в избе! Бабка не знала чем угощать, хотя и жили-то неподалеку друг от друга, но всё же — это гости, а как же! И дед радовался, а ещё больше веселились сорванцы, что воля появилась, и такое устраивали, дым коромыслом, а деда заездят, тот бедняга, выберется на крыльцо и отдышаться не может, а ребятишки на нём висят, всё играть зовут. И дед уходил с ними играть. Что старый, что малый. А Анфиса не ругала ребят, всё смотрела на них и улыбалась...

Дед Василий завздыхал, вспоминая, как они жили. Детишек на ноги поставили и в жизнь выпустили. Сначала старший сын, Алёшенька, уехал учиться. Инженером стал. На завод устроился. Поздно женился. Еле заставили. Всё отмахивался, говорил, что на работе женат. А Василий настоял. Вроде неплохая девка досталась. Умная, а главное, что родителей уважает. Если уважает, значит, и сына будет любить. А как же иначе-то? Потом средний, Колька, ушёл в армию, а оттуда отправился на стройку, железную дорогу прокладывать. И остался там. Свою половинку встретил, и решили обживать новые места, а к ним обещали в гости приезжать. А следом младший в жизнь отправился. Правда, не захотел далеко от родителей уезжать. Нельзя, потому что младший. Он в последний путь должен проводить родителей. Так принято... И сынок остался неподалеку, в соседнем

районе живёт. Часто навещает. И жена у него хорошая и работающая. Глядишь на них и себя вспоминаешь...

Давно уж разъехались ребята. Младшенький-то частенько навещает, а вот Коленька да старший — эти редко бывали. А Василий с Анфисой не обижались. Чего обижаться, ежели Коленька на другом конце света находится, а старший с работы не вылезает, днюет и ночует там. И они остались одни. День проколготятся по хозяйству, лишь бы руки да голову занять, а вечерами уходили на крутояр, на свою скамейку. Спустятся по меже, усядутся, бабка Анфиса о чём-то своём думает, а бывало, носки да варежки для внуков вязала, а он сидел, поглядывая по сторонам, курил и тоже думал. О чём? Да обо всём: про ребятишек думал, про внуков, а тут ещё нужно картошку выкопать, а там забор повалился, надо бы подправить, и на кладбище сходить, родителей поведать и оградку подправить, а младшего попросить, чтобы краску привёз, нужно памятники покрасить. Не сидел бездумно. Мысли кружились в голове. Всё сидел и перебирал, что сейчас сделать, что на «потом» оставить, а ещё надо дрова заготовить, да пальтишко бы Анфисе купить, совсем поистрепалось старое-то...

Анфиса быстро сгорела. Дед Василий не замечал, что она разболелась, а может, она скрывала, не хотела расстраивать. Всё так же улыбалась ему, иногда хмурилась, младшенький приедет с семьей, она встречает, всё готовит. Правда, уставала быстро, а дед Василий как-то не обращал на это внимание. Анфиса накапает капель, выпьет, посидит и снова хлопочет. И в последний день суетилась. Всё из шкафа повытаскивала, перебрала и уложила. Везде порядок навела. Кастрюлю щей наварила, сказала, надолго хватит. А потом, как обычно, они отправились на обрыв. Она долго сидела. Всё на речку смотрела, на далёкий лес, а вечером семейство лосей вышло, давненько не появлялись, а тут вышли и долго стояли на берегу, отдыхали, а может, слушали реку и шум катеров, что сновали туда-сюда, а потом ушли. Солнце мелькнуло, последние лучи пробежали, потемнели вскоре и исчезли. Небо глубокое стало, чистое, а по нему звёзды заходили. И рыбаки на ночёвку стали устраиваться. Яркими огоньками костры вспыхнули. Ворохнулась

птица в кустах и притихла. Ночь. И они тихонечко поднялись и пошли домой. Спать легли, Анфиса про ребятишек вспоминала в темноте, говорила, что нужно сделать, потом притихла, долго молчала и неожиданно позвала за собой, сказала, что там хорошо и светло, аж душа радуется, а он отказался, мол, где ты свет увидела, коли глухая ночь на дворе, пора спать. Она опять позвала, потом ещё раз — пошли со мной, и сказала: «Ну ладно, ежели не хочешь, тогда оставайся, а я пойду, там ждут меня», — и замолчала. И дед Василий притих. Думал, она уснула. Утром поднялся, а Анфиса лежит. Подошёл, она не шевелится. Лицо спокойное, морщинки разгладились и руки на груди сложены, а подле неё, на табуретке одежда стопочкой сложена. Видать, чуяла, что уйдёт. Чуяла, ему сказала, даже за собой позвала, а он так и не понял. И ушла Анфиса — тихо, спокойно...

Затосковал дед Василий. Она же звала, говорила, чтобы с ней ушёл, а он отказался. Одну оставил её, Анфиску свою. А говорил, что всегда будут вместе: и здесь, и там... Отмахнулся от ребят, не захотел к ним уезжать, когда они позвали. Как же можно уехать, а на кого могилку-то оставишь? Нельзя, не по-людски получается. И он остался. Не думал, не гадал, что Анфиса первой уйдёт. Всё казалось, что переживёт его, в последний путь проводит, а она ушла, и поэтому на душе тяжело было. Словно какая-то недосказанность осталась. Звала его, а он не понял...

Не сиделось в доме, всё казалось, сейчас распахнётся дверь и она зайдёт. Не выдерживал дед Василий и уходил на улицу или к реке спускался и там до ночи просиживал. Вернётся домой, уляжется на кровать, и закрутились мысли в голове. Вроде начнёт дремать, а потом вскинется, глаза откроет — она рядышком сидит. Почти каждую ночь приходила Анфиса. Усядется возле него и молчит. Глядит и молчит. А сама вся светлая, в доме темень, а её видно. Посидит рядом, головой покачает и уходит. Дед Василий вскинется на кровати, словно хочет вернуть её, а потом плечи поникнут, сторбится и молчит, о чём-то думает. И так до утра...

А случалось, на крыльцо выходил. Набросит фуфайку на плечи, усядется на крыльцо, рядом притулится собака Чернышка и поскуливает, словно чувствует,

что хозяйки-то нет с ними, а потом умолкнет и лежит подле него всю ночь. Бывало, дед Василий с вечера соберётся, кликнет собаку и уходит с ней по меже на речной обрыв. Усядется на скамейку, прислонится к берёзе, а она разрослась за долгую жизнь, поразвесила косы над головой, и они шелестят-шепчутся, словно о чём-то рассказывают. Сидит дед Василий, курит, на реку посматривает. Вот уж последний луч погас, небо тёмным стало и глубоким, бездонным каким-то, там и сям звёзды замелькали. Иногда катер тархтел, но чаще стояла тишина, нарушаемая лишь рыбаками, которые устраивались на ночлег. Задумается дед Василий, а потом невольно взглянет на скамейку: всё казалось, что Анфиса рядом сидит. А может, и приходила на своё место, кто знает... Собака вскинется, заюлит хвостом, к земле припадает, словно ластится, а потом уляжется неподалёку и поглядывает на скамью, словно за стариками наблюдает, как прежде бывало...

Вечером, когда провели сороковины и соседи разошлись, в избе остались сыновья с жёнами, а дед Василий всё сидел за столом, всё на них поглядывал, словно что-то сказать хотел, но махнул рукой и вышел. Увязалась собака, заметив, что он стал спускаться по меже к речке. И помчалась впереди него. Обрадовалась. Взлаивала, когда он замедлял шаги, словно подгоняла, а потом снова останавливалась и его дожидалась, и опять несётся к реке. Дед Василий привалился к толстой берёзе и закурил, поглядывая на далёкий лес, и молчал. Наверное, жену вспоминал, кто знает... Долго сидел, а потом поднялся. Взглянул на небо, где всю полахали звёзды. Показалось, новая звёздочка появилась: чистая, яркая, зовущая. Дед Василий долго смотрел на неё, а потом сказал:

— Отпускаю тебя, Анфиса. Но придёт время, я снова буду рядышком с тобой, как всегда говорил, что вместе: и здесь, и там... Знаю, ты будешь ждать.

Сказал, позвал собаку и медленно направился к дому, потом повернулся, взглянул в сторону погоста и поклонился: низко, уважительно — до самой земли.

Земной поклон за прожитую жизнь... ■

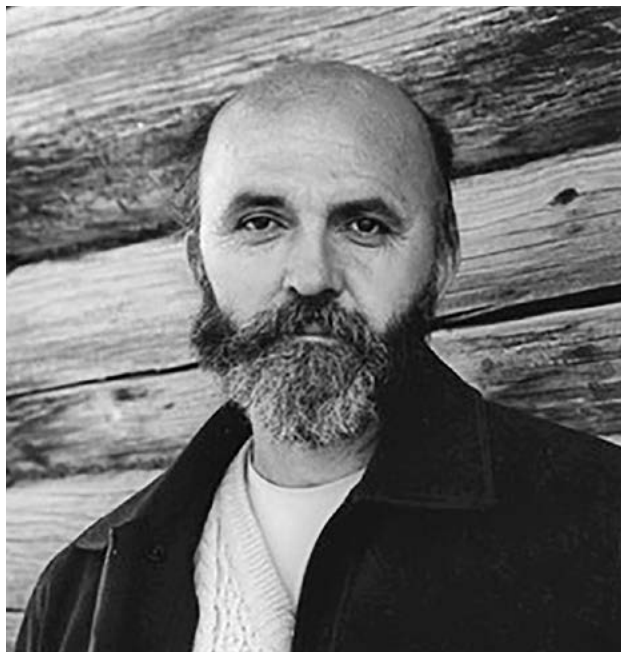
Знавала ты́сячи ступней,
Читала Плиния с Плутархом,
И, сколь подошвами ни шаркай,
Ты не сотрешь её камней.

И мы пускаемся по ней
И не боимся ножниц Парки:
Сюжет, пулавший прежде, стар как
Ахиллов, а не Божий невест.

И, помазев на Местоднев,
Мы выйдем в мир из древней арки:
На площади святого Марка
Нам улыбнется мудрый лев.

И не найде своих теней,

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

Родился в 1960 году в станице Кореновской Краснодарского края. Поэт, член Союза писателей России. Лауреат Международного конкурса газеты «Литературная Россия», Большой литературной премии России, Бунинской премии. Классик русской литературы. По мнению Ю. Павлова, Н. Зиновьев — самый выдающийся поэт современной России. Живёт в Кореновске.

БОЖИЙ ДАР ДАВНО СТАЛ КАРОЙ...

НОКТЮРН

* * *

*О, детство, — ты подарок Бога,
Жить можно было не греша.
Ещё не ведала душа
Слов: страх, сомнение, тревога.*

*В окошке помню россыпь звёзд,
И помню бабушкины сказки,
И то, как мы с ней после Пасхи
Всегда ходили на погост.*

*Всё было так необычайно
И вместе с тем так быстротечно...
Всё светлой музыкой печальной
Осталось в памяти навечно...*

* * *

*Кошка трёт мордашку лапой.
Не мешай нам, Мурка, брысь!
Ещё с вечера мы с папой
На рыбалку собрались.*

*Мама нас не поднимала,
Сами встали. Из сеней
Мы выходим. Ох, немало
Мы наловим окуней.*

*Холодит трава сырая
Ступни ног босых. Рассвет
Скоро встанет, весь пылая...
До изгнания из рая,
Бог весть, сколько ещё лет.*

*Не унывай, моя душа!
Жизнь потаённо хороша,
К ней надо только приглядеться
И непременно вспомнить детство.*

*Увидишь много новых красок,
Увидишь синюю траву
И персонажей старых сказок
Вокруг увидишь наяву.*

*Ошеломлённый этой новью,
Уже сдержать не сможешь слёз,
И всё, что в жизни перенёс,
Ты будешь вспоминать с любовью...*

* * *

*О, время любви и надежды,
С тобой не увижусь я впредь,
Глазами счастливец-невежды
Мне больше на мир не смотреть.*

*Была бы несносной досада,
Когда б не оставил Господь
Мне музыку старого сада
И тайной надежды щепоть,*

*Что всё ещё, может, вернётся
Когда-нибудь в мире другом,
Где мальчик от счастья смеётся
И к маме бежит босиком...*

ТО ДАЛЁКОЕ ЛЕТО

*Я признаюсь вам честно,
То далёкое лето
Никуда не исчезло,
Просто спряталось где-то.*

*То ли в тайных глубинах
Необъятной души,
То ли в песне любимой,
То ли в звёздной глуши,*

*То ли в этом закате
Посреди тишины,
А ещё, может, кстати,
И в улыбке жены.*

*Может... Даже не знаю...
Но оно не ушло,
А иначе б ночами
Так в груди бы не жгло...*

* * *

*Радуга весь день над речкой висла,
Через луг бежала коlea,
И была прекрасною без смысла
Жизнь неповторимая моя...*

*А теперь с улыбкою несчастной
Я гляжу на игры детворы,
Жизнь без смысла кажется ужасной.
Что же изменилось с той поры?..*

* * *

*Речушка в синь далёкую
Без лодки и весла
Под радужною плёнкою
Сама себя несла.*

*Хоть бы плотвичка вскинулась —
Глядел из-под руки
Полдня: нет рыбы, вывелась,
Остались рыбаки.*

*Сазан, вверх брюхом плавая,
Мне смрадом в ноздри лез...
Я знаю имя дьявола,
Его зовут Прогресс.*

СОВРЕМЕННОСТЬ

*Злые духи нынче рады,
И доволен главный бес, —
Нет давно на свете правды,
А теперь и стыд исчез.*

*Потрясающая новость
Обжигаяще свежа:
Исчезают честь и совесть,
Упраздняется душа.*

*Воцаряется надменность,
Как отсутствие души.
Вот она, брат, современность.
Хочешь, оду ей пиши...*

ВИДЕНИЕ

*Солдат спускается с пригорка,
С семьёю встреча впереди.
Медаль «За взятие Нью-Йорка»
Сверкает на его груди.*

*А вот и дочка его Танька
На речку гонит двух гусей,
Где с башни натовского танка
Сын Федька ловит карасей.*

ИСХОД

*Предо мною открылась дорога
И безбрежная даль без теней.
Почему не пошёл я по ней? —
Думал после я часто и много.*

*По каким-то проулкам глухим
Скорбный дух мой побрёл наудачу.
Ты хотел меня видеть другим,
Я поэтому, Боже, и плачу...*

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ САМОМУ СЕБЕ

*Не поверишь, потрачены годы,
Чтобы мысль растворилась в крови:
Ощутить всё блаженство свободы
Можно только под игом любви.*

*А что значит «потрачены годы»?
Не бросайся словами, дружок.
Берегись! Всё блаженство свободы
Ощутить — это минимум шок...*

* * *

*Божий дар давно стал карой,
И проклятьем, и обузой.
И душе моей усталой
Боль приносят встречи с музой.*

*Но по чьей, не знаю, воле,
То ли плохи, то ль плохи
Из вот этой самой боли
И рождаются стихи... ■*

*А вот жена с лучистым взглядом
Бежит навстречу по стерне,
Как её бабка в сорок пятом...
Вот что пришлось увидеть мне.*

СКОРЫЙ ПОЕЗД

*Сердце бешено стучится,
Поезд наш, как Вечный Жид,
Он не в будущее мчится,
Он от прошлого бежит.*

*Мчится мимо перелесии,
Ферм заброшенных, ракии,
И за нами, словно месяц,
Серп колхозницы летит...*

* * *

*В этом мире всё больше пустот,
Всё острее и зловещей тревога,
Но в душе постоянно растёт
Ощущенье присутствия Бога.*

*И как дьявол на зло ни горазд,
Его срок изначально отмерен.
Бог России погибнуть не даст.
И блажен тот, кто в этом уверен...*

* * *

*Я так любил смотреть на небо.
О, как мне нравилось оно!
Я верил в жизнь светло и слепо,
Как только в юности дано.*

*Теперь я выгляжу нелепо,
И мир вокруг совсем иной.
Теперь не я гляжу на небо,
Теперь оно следит за мной...*

МАРИНА
ШАХБАЗЯН

Родилась 3 марта 1962 года в Краснодаре. Доктор филологических наук, преподает в Кубанском государственном университете и Екатеринодарской духовной семинарии. Публиковалась в журналах «Кубань» (Краснодар), «Русский мир» (Санкт-Петербург), антологии краснодарской поэзии «Рубежники». Живёт в Краснодаре.

ГЕРОИНИ

*Ecquid, ut adspecta est studiosae littera dextrae,
Protinus est oculis cognita nostra tuis?*

Publius Ovidius Naso.

Что же, увидев листок, что прилежной исписан рукою,
Сразу твои глаза руку узнают мою?

Публий Овидий Назон
(Перевод С. А. Ошерова.)

ПЕНЕЛОПА – УЛИССУ

*Нитка за ниткой, нитка за ниткой —
Корчится Сцилла, стонет Харибда,
Глохнет Сирены песнь колдовская —
Я распускаю, я распускаю.*

*Плот твой разбит и смерть неминуча.
Но перевозчик мзды не получит!
Лодка Харона под пальцами тает —
Я распускаю, я распускаю.*

*Нитка за ниткой, нитка за ниткой
Враз тетивою свиваются гибкой,
И женихов разбегаются стая!
Я распускаю. Смерть распускаю.*

АВРОРА – ДЕЗИРЕ

*Оставляю тебе все долги,
Все бессонницы, страсти и скорби.
С этим пухлым бессмысленным горбом
Сны свободные будут туги.*

*Оставляю тебе нелюбовь,
Невниманье, еще — неответы,*

*Чтоб меня не тревожило это
Средь прозрачных сияющих снов.*

*В старом замке готовы давно
Плюш, шиповник, хрустальное ложе.
И легонько царапает кожу
Утаённое веретено.*

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ –
ИВАНУ ЦАРЕВИЧУ

*Снова осень, возлюбленный, манит крылом —
Разноцветным, жар-птичьим,
 немыслимым, райским —
В сад запретный, где клетка: её не касайся!
А коснешься — тебе поделом, поделом!*

*Снова осень, возлюбленный! С хмурым челом
Мудрый дуб гасит краски, да только без толку!
Мы коня променяем на серого волка
И умчимся, свой путь озаряя пером.*

*И пускай поджидают за каждым углом,
За мостом, за околицей, за косогором
Вероломные братья, убийцы и воры,
В эту осень, возлюбленный, мы не умрем!*

СНЕГУРОЧКА – МИЗГИРЮ

*Как солнце, нежно-жгущий
Твой взгляд, и, открывая
Ему навстречу душу,
Я знала: погибаю.*

*Потом меня лепили
Из снега, слёз и прозы,
Алмазной лёгкой пыли
Дыханья на морозе.*

*И в сказке вечной стужи,
Где из снежков синицы,
Ты мне совсем не нужен.
Но почему-то снится:*

*За все мои метели,
За ледяные травы,
За снежные постели,
Морозные дубравы,*

*Где сердце цепенеет
И замерзает слово,
Твой взгляд меня согреет,
И я растаю – снова.*

ЛАУРА – ПЕТРАРКЕ

*Когда душа тоскует по тебе,
То тело по тебе тоскует тоже –
Ресницей каждой, каждым вздрогом кожи.
Но никогда нам не сойтись на ложе
В извечной упоительной борьбе.*

*И я не помышляю о мольбе.
Я лишь молюсь о том, кто всех дороже
Мне достается. Плоть опять стреножив,
По небесам тоскует дух мой всё же,
Когда душа тоскует по тебе.*

ОФЕЛИЯ – ГАМЛЕТУ. ИЗ ТЕАТРА МАРИОНЕТОК

*Не помню я, зачем опять позвали
Из тьмы на свет,
Но по словам, по жестам, по деталям
Я узнаю сюжет.*

*И, вновь идя по избранному кругу,
Догадываюсь вновь,
Что буду вечною твоей подругой
И никогда – женой.*

*Но раз не можешь руки для объятья
Раскрыть – вокруг земли,
Люби меня, как сорок тысяч братьев
Любить бы не смогли!*

ПАМЯТИ БОДЛЕРА

*По трупам ты ступаешь, красота.
Клубятся тучи в помутневшем небе.
Вороны что-то каркают – о снеге.
Кружится ветер. Улица пуста.*

*И пустота стремится по прямой,
Вонзаясь в основание полусферы.
И тучи выползают, как химеры,
Из точки встречи неба с пустотой.*

*Кругами носится вороний грей.
Земля мертва. Её объемлет ветер.
Быть может, в чьём-то небе солнце светит –
Я вижу лишь нависшей тучи край,*

*Химерный образ, плач пустых небес.
Пространство вымерзло. Круги смыкает время.
И томик в переплёте из шагрени –
«Les fleurs du mal» – touche à sa fin.
Ça se termine, jeunesse.*

ВЕНЕЦИЯ

*1.
Знавала тысячи ступней,
Читала Плиния с Плутархом,
И, сколь подошвами ни шаркай,
Ты не сотрешь её камней.*

*И мы пускаемся по ней
И не боимся ножниц Парки:
Сюжет, пугавший прежде, стар как
Ахиллов, а не Божий гнев.*

*И, поглазев на Шестоднев,
Мы выйдем в мир из древней арки:
На площади святого Марка
Нам улыбнётся мудрый лев.*

*И, не найдя своих теней,
Благословим мы полдень жаркий
И в водах тёмных отблеск яркий
Небесных белых кораблей.*

*2.
Венеция. Зелёная вода.
Я в сумерках гуляю вдоль канала.
И маска, вечный спутник карнавала,
В моей руке зажата, как беда.*

*В рубаше полосатой гондольер
Манит в ладью и требует монету.
Какую цену я отдам за Лету –
Беспамятство, как высию из мер?*

*Личина на лицо мне наплзёт –
На правый борт заваливает лодку.
Ты не узнаешь, я забуду – вот как
Свиданье наше не произойдёт.*

*А гондольер простонет сто канцон,
Веслом небрежно отгоняя маску,
О праздничной Венеции, о сказке,
О городе каналов и дворцов. ■*

АЛЕКСАНДР СЕРИКОВ

Родился 13 февраля 1975 года в городе Челябинске. Публиковался в газетах «Технополис», «Алое поле», «Синегорье», в альманахе «45-я параллель» и др. Работает преподавателем в Южно-Уральском государственном институте искусств им. П.И. Чайковского. В 2003 году выпустил книгу стихов «Слова, способные видеть».

СТИХОМ СЧИТАЮ ПУЛЬС...

ПОКОЛЕНИЕ Z

*Когда время сгущается в сумрак,
монитор раскален докрасна.
Я в контакте более суток
без сна.*

*Обновил посты в ленте и на стене,
лайк поставил, понравилась аватарка.
Раньше бы встретился с ней на скамье
в парке.*

*У меня любовь строго онлайн,
в сети полно незнакомок.
Не то, что раньше, сел на трамвай,
проводил только одну до дома.*

*А сейчас видишь, Тамара пишет...
Интересно, что она там сказала,
а раньше только и слышал:
проводи меня до вокзала...*

*Постишь новости, смотришь мемы,
в «Тик-токе» видео новые от Милохина,
а раньше что, читал бы Лема
«Солярис» или «Магелланово облако».*

*Люблю сериал «Игра престолов»,
Дейнерис, мать ее Таргариен,
не нужны больше Астор Пьяццолла
и Юрий Гагарин.*

*Музыку разную скачиваю
на вкус любителя:
Инстасамка, Джизус и Клава Кока,
а раньше дядька в порванном кителе
слушал «Нирвану»
громко!*

*Полно друзей в «Инстаграм» и Facebook,
случайные незнакомые,
есть ники из Гродно, Вермонта, Инсвича,
подписчики мои — подхалимчики,
откуда взялась еще тысяча?*

*Ты в тренде, треки на Муз-ТВ,
туфли,
кроссовки модные на платформе.
Три даблю WWW — шифр поколения Z,
«цифра» в квадрате и в корне.*

*Были раньше мифы и Боги,
титаны русские классики,
но их победили обычные блогеры
Васи, Пети и Стасики...*

ЖАДНОСТЬ И ДУРАКИ

*Раньше «дебилов» никто не спрашивал,
сколько лет и какой айкью (IQ)?
Не хочешь учиться? Давай донашивай
синий жилет и мою клюку.
Выбери блог, в ютубе видео выщи,
число подписок за миллиард.
Сам бы от дома отдал ключи,
только б репостить день-ночь подряд.
Жадность и дурость — две ипостаси:
один мерседеса гладит туловище,
другой, идиот с рождения, выкрутасит,
поет про танк и дуло еще.
Сколько же, люди, надо вам хайпа?
Ходить вверх ногами или йога тибетского
взять внаймы,
чтоб изгибами изумил.
Лайкают, рекают, чекают, живут в ЖЖ
свидетели неИеговы из цифровой тюрьмы.*

*Раньше идешь недоразвитый,
несешь остаток природных данных в театр,
смотришь на высокое искусство долго,
обратно бежишь окрыленный.
Сейчас в тренде плясун, опиатом обкраден,
его треки звучат из таверн и джинов
от китайцев до обрусевших таджиков
слушают все моргенштерна.
В хаусе из дерь... сорри Дрима
рождаются тик-тока хиты,
в тренде новые трюки и треки.
Выйди в пачке балетной или надень трико —
все равно...*

*В блогах и чатах сидят идиоты,
миллионы, миллениалы, половина из них
просто боты,
муз тв, мтв обучит, обточит,
жми на кнопки, пиши свои твиты...*

*Битой дать бы вам по лопаткам
или всучить в руки лопаты,
чтобы рыли землю, копали...
Неужели ЭТО искусство???
Полуголый парень в татухах,
ладно бы одаренный?*

*Просто ритм отбивает четкий
в пляске неистовой, в пояске, равен черту.
Высекая искры из камня,
жгу занавес темноты,
накрываю муз тв черной тканью,
электронные часы сведу к нулю,
сломаю их тик, ток останавлию.
Наши дети не могут быть глупыми,
они обязаны быть счастливыми,
пуповина лопнет и малышка выкарабкается,
под луною рассмотрит мир восходящий!
Когда в море черном волна клубится,
зачерпнет из глубин ковш разной скверны
и шибанет об волнорез сердито
так и с вами будет бузовы, моргенштерны.
Схлынет пена, волна обратится,
согнетса душа дугою и
Люцифер станет Алишер.
Взметнется ввысь зеленая птица,
запоет зимородок песню*

*голосом арфы из струнных сфер!
Пока еще не поздно, наши дети взяты в прицел.
маска уже надета, остается миска и цепь.*

РОСТОК

*Ты был с рожденья андердог,
но выиграл тяжелый бой,
среди могил мостов перил,
отпочковался жилисто.
Набух и шилом сквозь асфальт,
дави из битума комки,
семь атмосфер в твоих висках
взвели зеленые курки.*

*Расти росток, стволом врасти, в породу,
не жалея сил.*

*Ставь стебли в ряд,
пучки ветвей,
из почек выйдет полк цветков.*

*Тяни в побег пластин листы,
тяни до самых облаков.
Сто метров дуба высота,
ты скоро будешь царь дерев,
расти кудрей, зеленый лев,
до солнца, до чужой звезды,
сто дней расти, сто тысяч лет!*

*Черти изгибами змеи
огромных трещин серпантин,
пуская корни в центр земли,
до магмы тянешься один.
Тяни до стука, до ядра,
до самой ветхой скорлупы,
вся жизнь — зеленая игла,
игра, где пилы все тупы...*

*И все ж я слышу скрип пилы,
борись, росток, живи, дыши...
Последний вдох, последний раз
обрыв отчаянной души...*

*Холсты
нечесаной травы
покроют прах твоих корней.
Ты был с рожденья андердог,
а стал легендой среди пней...*

* * *

*Не выкрасить боль и не выкрасть
рассвета холодную синь,
иду, рубаха навывпуск,
по сбитой дороге Руси...*

*Широка и неподдельна
бесшовных полей глубина,
охвачена пылью и прелью
в глазах беспрелью темно,*

*в них скрыта размытая совесть,
толченая в слякоть палитры,
шагаю уже в невесомость
и в спину толкаются титры...*

После отчаянья наступает покой,
а от надежды сходят с ума.

А. Ахматова

БЕГИ...

*Бегу к березе босиком,
в тяжелой зелени травы
тону по темя, кулаком
сбиваю слепней с головы,
среди нехоженных дорог
растут холодные холмы,
из праха черных мотыльков
из пены, пара и вины;
стеблей тяжелые столбы
легли на дно своих полей.
Бегу к березе босиком
мимо репьев, корней и тлей,
кружусь за деревом, крадусь
в тени вокруг своей оси
стою, стихом считаю пульс
до ста, до шелеста ворсин;
и снова в зелень напролом,
тону в тяжелой тьме травы,
луч солнца падает углом,
срезая темя с головы,*

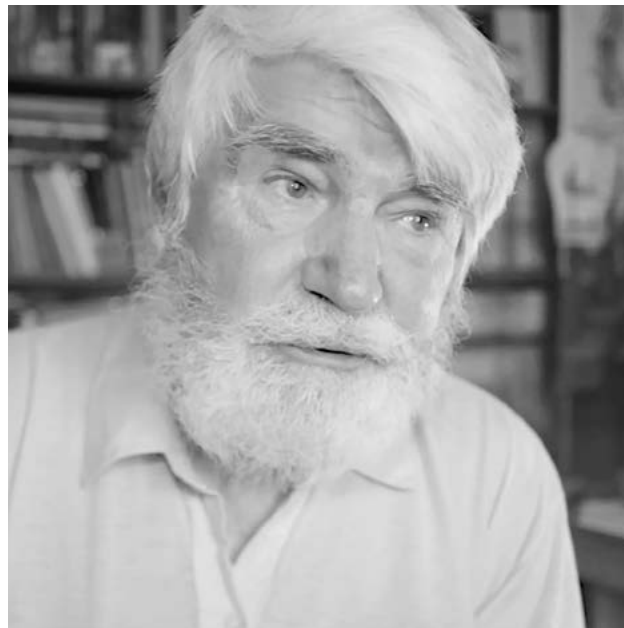
*и я лечу змеей с горы,
наперерез и вопреки,
цветок, увитый кумачом,
изломан пальцами руки,
с обрыва камнем брошусь вниз
в огромный ледяной овраг,
и в землю бешено войдет
мой с силой сомкнутый кулак,
и станет тихо и тепло
в суровой зелени травы,
ведь не осталось ничего,
одни зеленые холмы...*

* * *

*Белый столб, забитый колом в землю,
ты стоишь и смотришь в небеса,
на тщедушных ветках вспыхнет зелень,
раздувая листья-паруса.
Не шумят они, а вольные трепещут,
точные точеные клины.
В парках никогда не рукоплещут,
в дали все от всех отдалены.
И стоят они, седые и белоствольны,
в пятнах черно-белые столбы.
Так поэт, когда-то певший сольно,
душу рвал на струны у страны.
Станете березовыми пнями
или просто рухнете в овраг.
Выбирай: поодиночке в яме
или углем доистлеть в кострах.
Падают соцветья на ладошки,
отливаясь золотисто в медь.
В кулаке две тонкие сережки,
это прядь любимой или плетъ.
Я стою, сжимаю эти серьги,
воздевая руки к небесам,
твой портрет проявится на сером
небосводе в эти полчаса... ■*

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ

ГУРИЙ НЕМЧЕНКО

Родился в 1936 году на Кубани. Писатель, переводчик, публицист и общественный деятель. Член Союза писателей СССР с 1964 года, автор около пятидесяти книг прозы и четырёхтомного собрания сочинений. Первый атаман Московского землячества казаков.

ЗАШИФРОВАННЫЙ МИХТИМ

Мы стоим посреди неизмеримых бездн пространства и времени. Там и тут проникают только одни догадки.

Из романа Ивана Калашникова
«Автомат»

ВЕСЫ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

За время общения с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым не однажды мне приходилось удивляться неким странным совпадениям: на первый взгляд, вроде бы случайным, неизвестно кем посылаемым знакам, смысл которых становился мне хотя бы относительно ясен намного позже... Но поистине мистическое открытие ожидало меня потом, когда его книжка «От чужого порога до Спасских ворот» уже вышла в свет...

Может, и хорошо?

Если и нынче, после нескольких лет размышлений, так и не решил, что этот любопытный факт означает, сколько невероятной всячины и откровенной ерунды мог нагородить вокруг него я тогда, в пору романтической, почти юношеской влюбленности в Михаила Тимофеевича, когда чуть ли не единственной литературой, откуда пришлось черпать информацию, были справочники по стрелковому оружию да три пухлые папки с архивом Конструктора:

— В них всё есть, — сказал своим подрагивающим тонким голосом, — и ничего вам больше не надо: сидите тут и работайте! Здесь найдёте ответы на все вопросы...

Зато потом, потом!..

Как только после теплой на Юге зимы вместе с перелетными птицами возвращаюсь теперь с Кубани в Москву, первым делом иду в Национальную библиотеку, бывшую «Ленинку», и «листок

читательского требования» заполняю без долгих поисков шифра в каталоге — поглядываю на запись, которая вот уже несколько лет переходит из одного моего блокнота в другой... Для задумчивого нашего разговора о совпадениях этот библиотечный гриф, полагаю, не нужен, так и оставим его на страничке блокнота, зато пригодится остальное, давно заученное: «Автор: И.Т. Калашников. Название книги: «Автомат». Место издания: С.-Петербург. Год издания: 1841».

Разве не над чем тут поразмышлять?

Начиная с этого любопытного и странного, конечно же, факта: мало кому теперь известный роман «Автомат» писателя Ивана Тимофеевича Калашникова, сибиряка, родом иркутянина, появился в Санкт-Петербурге чуть ли не ровно на столетие раньше, чем знаменитый нынче во всем мире автомат АК-47 конструкции Михаила Тимофеевича Калашникова — в Ижевске...

После долгих и долгих размышлений над именами авторов и названиями их детищ, таких, на первый взгляд, разных, смею утверждать, что совпадения этим не заканчиваются, более того — в каком-то смысле безжалостный автомат Михаила Тимофеевича является весьма неожиданным продолжением сентиментального романа... Да что там, что там: как бы продолжением и всей русской истории, и судьбы России, поверьте!

А то и судьбы Земли.

Потому-то, отдавая листок молоденьким библиотечаршам, всякий раз с печальным любопытством поглядываю сквозь проемы полок у них за спиной — там, у противоположной стены, на тонких подвесках неслышно катят по роликам крашенные в серый цвет легкие металлические поддоны — «люльки» с выплывающими из хранилища книгами.

Через десяток минут появится на такой люльке и заказанный мною старинный, начатый, скорее всего, ещё при жизни Пушкина роман о страда-

ниях души человеческой, по виду похожий на часто бывавшую в руках плотную записную книжку средних размеров... Но как эти люльки напоминают мне те, что с воронёными, черными «изделиями» другого, нынешнего Калашникова также медленно, также почти торжественно движутся сквозь сборочный цех автоматов на «Ижмаше»!

В сознании моем который год и те, и другие «люльки» — будто весы...

Покачиваются, подрагивают...

Что перетянет?

Книжка о душе, страждущей справедливости и понимания? Или оружие, которое, как известно, имеет свойство от всех на свете страданий излечивать?

Что не только мы выберем — выберет белый свет?

«Большой дунэй», как Белый наш свет зовут черкесы.

Или он свой печальный выбор давно сделал, и на пути, которым все вместе давно идём, та самая «точка невозврата» теперь уже пройдена?

«НЕКАЯ» ЗОЯ АЛЕКСЕЕВНА

... Сперва были совпадения куда проще.

Ранней зимой 95-го года, перед тем как уехать в Дом творчества в Малеевке, где должен был надолго сесть за работу над третьим подряд «сибирским» выпуском «Роман-газеты» под названием «Огненный передел» — о грядущем разграблении черной металлургии Кузбасса, я вдруг решил зайти в Союз писателей России на Комсомольском проспекте: без определенной цели — так, вроде прогуляться.

Точно также на всякий случай стал вдруг набивать сумку недавно вышедшими своими книжками... Давно знал, что литературным чиновникам это всегда было не слишком интересно — чужие книги, нынче — тем более, но мало ли что, мало ли? Вдруг кого-нибудь встречу — будет что подарить.

Бесцельно заглянул в кабинет Миши Числова, вместе с которым еще недавно тянули лямку в издательстве «Советский писатель»: он — замом главного редактора по поэзии, я — заведующим редакцией «Русской советской прозы».

— О! — воскликнул при моем появлении Числов и протянул руку к сидящим за столом у противоположной стены двум скромно одетым женщинам. — Вы только спрашивали о нем, Зоя Алексеевна. А он собственной персоной — ваш Немченко.

— Правда? — чистосердечно удивилась старшая, пожилая красавица с добрым лицом и тугим пучком седеющих волос на затылке. — Вот он, значит, какой! А то я своим студентам о великолепной его прозе рассказываю...

— Да уж! — отозвался с насмешливой недоверчивостью. — Это где, извините, это где же?

— В Ставрополе, — сказала она. — Я там ещё недавно вела курс, — и слегка повернулась к младшей своей соседке. — Перед тем, как в наш Ижевск переехать...

— Зоя Алексеевна Богомолова, — с нарочитой почтительностью представил её Миша Числов. — Доктор филологии и замечательный человек... Если бы вы так обо мне, Зоя Алексеевна, сказали, я бы уже в лепешку разбился, но этот кубанский казачок, который столько лет притворяется сибирским медведем...

— Да ла-адно тебе! — осадил я бывшего коллегу, начиная обнародовать свой книжный припас. — Я как знал: для добрых людей — полная сумка, вот... Какую вам, Зоя Алексеевна, подписать?

— Что вам не жаль, все возьму, — сказала она запросто. — И не только мне, если можно. Вот моя ученица из Ижевска, без пяти минут кандидат. Это даже в ваших интересах...

— Ещё бы нет! — говорил я с охотой. — После ваших добрых слов обо мне...

— Как вы понимаете, это искренние слова.

— Верю, Зоя Алексеевна, спасибо, — продолжал я и в самом деле растроганно.

— Награда нашла героя, как всегда неожиданно, — пошучивал Миша.

— Не скажите, — улыбалась обаятельнейшая

Зоя Алексеевна. — Я ведь недаром о вас спрашивала — будто чувствовала, что встречу.

А я размашисто подписывал одну книгу за другой: «Одинокое дело», в которой старый роман «Пашка, моя милиция» соседствовал с относительно новым — «Вороной с походным व्यюком». «Голубиная связь», где была уже недавняя горькая проза и ещё горячая, с пылу да с жару, публицистика.

Все раздал, осталась только небольшая книжечка с моим портретом на мягкой обложке. «Я — не Гавриил Попов» — из дома захватил три одинаковых экземпляра.

— Может, вам это будет интересно? — сказала Зоя Алексеевна с некоторой загадкой в глазах. — Я живу в одном подъезде со знаменитым конструктором Калашниковым...

— Вот как?

Живо припомнились разговоры со старым станичным дружкой Славой Филипповым: бывший директор музея в нашей Отрадной, он работал теперь в районной газете «Сельская жизнь», но благодатную краеведческую борозду не оставил, наоборот — казался, взялся за неё с удвоенной энергией. Звонит мне однажды в Москву: «Представляешь, какая вдруг пришла информация: оказывается, знаменитый конструктор Калашников — наш земляк. Не совсем, правда... За несколько месяцев до его рождения отец и мать переехали на Алтай... но что такое — несколько месяцев? А перед этим они долго жили в Отрадной, он мог и у нас родиться, да так вышло... Но зачинали его в станице, закваска наша, о т р а д н е н с к а я... ты там при случае знающего кого порасспроси».

Ну не случай, и правда что, подвернулся?!

— А ему вы можете книжечку передать? Калашникову?

— Ну, конечно же! — горячо откликнулась Зоя Алексеевна. — Конечно, передам.

В автографе написал я что-то такое: хоть книжечка эта, мол, в основном — о сумасшедшей Москве, есть в ней и строчки о Богом забытой станице Отрадной на Кубани, в которой ходит упорный слух, будто бы Вы — наш земляк. Это правда?

Задним числом соображаю: не исключено, Михаил Тимофеевич просил перед этим Зою Алексеевну подыскать ему из писательской среды челочка, который помог бы ему с будущей книгой. И вдруг, вдруг...

Тоже — не совпадение ли? Не знак?

Сперва мне пришлось почти тут же забыть о возможном земляке: поджигали сроки сдачи в производство «Огненного передела», который всё чаще и чаще вершился тогда с помощью ставшего незаменимым его «АК», «автомата Калашникова», попросту — «калаша». И вдруг жена привезла мне из дома бандероль, пришедшую на нашу Бутырскую улицу: от Михаила Тимофеевича.

Кроме его книги «Записки конструктора-оружейника» с короткой дарственной надписью в ней была весточка от Зои Алексеевны.

«Дорогой Г.Л.!

Простите за задержку с письмом. В Ижевск привезла московский грипп. Месяц болела.

Еще раз благодарю Вас за щедрый подарок — книги.

Михаил Тимофеевич Калашников тоже благодарит Вас за дорогой подарок. Он прочел книгу с интересом, сказал мне: «Остро пишет».

Все, что знала, рассказала о Вас, и знаменитый конструктор попросил меня сделать Вам такое предложение: не сможете ли Вы, прочитав его книгу, не только высказать о ней своё мнение, но и начать с ним работу по дополнению её, доработке, редактированию и пр.

Он хотел бы сотрудничать с Вами, пригласить Вас в Ижевск — командировка, гостиница и прочие условия для работы будут созданы.

Михаил Тимофеевич хотел бы переиздать «Записки» (после доработки) в Москве, чтобы книга пошла за рубеж. Он сказал: «Хочу дописать две-три главы о последних годах моей жизни, о своем личном».

Я не знаю Ваших творческих планов (а такие планы у писателя всегда есть), но искренне посоветовала бы Вам, дорогой Г.Л., не терять возможности общения с М.Т. Калашниковым. Около него всегда рой пишущих.

Только что вышла о нем книга во Франции, раньше — в Америке. Я уже «вижу» Вашу будущую книгу с ним: Ваше предисловие, составление, обработка текста, комментарии и пр.

Общение с Михаилом Тимофеевичем очень приятно. Правда, есть одно затруднение: он чуть-чуть потерял слух. Но это не мешает разговорам. А сколько у него материалов, документов — это история не одной жизни, а целого государства и мира. А какой у него музей оружия!

Его нелегко застать дома, но по телефону можно поговорить — вечером или рано утром.

Желаю вам в Новом году здоровья и творческого состояния, знакомства с М.Т. Калашниковым и Удмуртией.

Если Вы примете предложение М.Т., то договоритесь с ним о сроках встречи. У него много приглашений за рубеж, в том числе от Ф. Кастро. Напишите ему.

С добрыми пожеланиями, сердечно — Зоя Алексеевна Богомолова.

Постскриптум.

Я, очевидно, на неделю уеду в Венгрию — с 27/2 по 3/3. Возможно, буду в Москве в конце января. Позвоню Вам».

Письмо Зои Алексеевны перечитал, помню, несколько раз.

А книжка вызвала у меня не то что скуку — вызвала сперва самую настоящую тоску. Сколько не принимался за неё, тут же откладывал — казалось, весь текст был вперемешку набит одним и тем же: сокращенными названиями стрелкового оружия — все эти, кроме АК-47, ППШ, ППС, РПД — и номерами обозначенных римскими цифрами съездов КПСС.

То, что среди моих друзей-приятелей издавна иронически называлось: «и д я н а в с т р е ч у». Очередному съезду партии, разумеется.

Но, может быть, размышлял я, Калашников ни при чем — виноват литературный записчик? Наверняка, замшелый какой-нибудь полковник-подполковник из профессиональных политработников — недаром же «Записки» вышли в «Воениздате».

Ох, и не хотелось мне над ними работать!

Но в очередной свой приезд в Малеевку жена сообщила, что кроме других звонивших была Зоя Алексеевна. Спрашивала: ответил ли я Калашникову на его предложение?

Хочешь не хочешь, надо было садиться за письмо в Ижевск.

И «Записки» я всё-таки одолел...

«Дорогой Михаил Тимофеевич!

Прежде всего прошу простить меня за некоторую задержку с ответом. Я как раз был в Доме творчества под Москвой. Жена приболела, привезла мне книжку не сразу, а потом уже начало своё действие чувство ответственности — и очень увлекло Ваше заманчивое предложение, и заставило серьёзно задуматься: а моё ли это занятие? А смогу ли выполнить работу на уровне, достойном и самого Калашникова, и его знаменитого на весь мир, уникального АК?

Ваша книжка наполнена удивительными историями и удивительными документами — воспринимать их не мешает даже нарочитая сухость. И все же в некоторой «модернизации» она, пожалуй, нуждается. Ведь там столько очень выигрышного материала, который либо не использован «на все сто», либо вообще остался в тени. Да и грустно: американский историк, значит, и пишет о Калашникове, и приезжает к нему домой, а что же мы — русаки?

Не знаю, показала ли Вам Зоя Алексеевна книжку «Голубиная связь» — там есть большой очерк под названием «Русская работа». Конечно же, я давно «болею» этой темой: предки были кузнецы и паровые механики, сам я начинал работу на ударной стройке Западно-Сибирского металлургического завода под Новокузнецком (пробыл там с 1959-го по 1971-й) и езжу туда до сих пор — по несколько раз в год. Наши спецы, мои ровесники, разъехались потом во все концы, так что я бывал у них и в Мариуполе, и в Череповце, и в Туле, и в Старом Осколе. Мастерство очень ценю, иногда кажется, что и мое собственное — какое есть — умение писать добыто вовсе не из книг, а получено как бы «из первых рук», от людей, которых хорошо

знал и на чью работу часто смотрел с уважением, с любовью и с «белой» завистью.

Что тут говорить, тем более нынче, когда вся надежда как раз на народный талант и народное чутьё — большее всего смотреть, как у нас и то, и другое подвергнуто унижению, как оболгано.

Впрочем, это уже идеология, но как без неё, и правда что, обойтись?! Защита Руси — дело святое, и тут, видимо, наша общая с Вами великая цель.

Вот какой у меня расклад, Михаил Тимофеевич: в последнее время я составил для «Роман-газеты» три специальных выпуска — «Кузнецкая крепость» (о Запсибе), «Сказание о Железном Волке» (переведенный мной черкесский роман с рассказом об Адыгее в предисловии) и «Лава» (шахтерское движение в Сибири, вообще — «шахтёрская» революция). Сейчас занят четвертым выпуском: «Огненный передел». Числа 12-го сдам в набор очередную часть сборника и полечу в Новокузнецк «добирать» остальное. Пробуду там, вероятно, около месяца.

Как раз в апреле Союз писателей собирается провести в Ижевске Дни литературы. Если они не состоятся, готов приехать сам.

Буду счастлив встретиться с Вами, поговорить, немножко ума набраться и, Бог даст, об этом написать. А там уж «толкач муку покажет», как в моей станице говорят. Убедитесь для начала, что работу осилю, — значит, возьмусь. Ведь я хорошо понимаю, к а к а я это работа и к а к а я честь сделать её достойно.

Сейчас вдруг догадался, что в писательском справочнике должен быть телефон Зои Алексеевны, нашел!.. Но что-то с утречка у неё занято. Поклон ей и сердечная благодарность за дружеские хлопоты. Отправлю письмо и ей, буду дозваниваться.

С глубоким уважением — »

Вскоре пришло ответное письмо:

«Добрый день, уважаемый Г.Л.!

С интересом прочитал Вашу книгу «Я — не Гавриил Попов» и был рад получить от Вас письмо.

Я с удовольствием готов встретиться с Вами и, раз «зерна начали прорастать», обсудить все вопросы нашего сотрудничества.

Интересно читаемая книга нужна не только для россиян, но и многих иностранцев с предполагаемым переводом её на несколько языков.

Ваше сомнение: «А мое ли это занятие? А смогу ли выполнить работу на уровне...», думаю, благополучно рассеется после литературно-художественного оформления первых глав книги. Зоя Алексеевна и я будем беспристрастными критиками и рецензентами этой работы.

Преобладающую часть работы желательно провести в Ижевске. Руководители республики и города готовы оказать необходимую помощь и проявляют заинтересованность в ускорении этой работы.

С добрыми пожеланиями здоровья, счастья, благополучия Вам и Вашему семейству — М. Калашников.

9.04.96 г.»

Несмотря на столь многообещающую переписку я, признаться, как бы отлынивал от предстоящей работы: не спешил в Ижевск... Может, это было что-то вроде предчувствия?

И вдруг в рабочем моем кабинете, где в квартире у нас стоит телефон, раздался звонок, и незнакомый голос, не только уверенный и строгий, но как бы даже сердитый, уже обвиняющий меня в нежелании помочь великому человеку, взялся напористо расспрашивать, говоря обо мне в третьем лице: что происходит?.. Его давно ждут в Ижевске, и кто, к т о ждет?! Сам Калашников!.. А он тут прохлаждается и даже сообщить не удосужится, когда, наконец, намерен приехать?!

Стал было объяснять, что пока не решил, держат дела в Москве, но говоривший чуть ли не возмущился: какие ещё дела?! Дело у меня сейчас одно: помочь знаменитому конструктору. Это — долг. Гражданский долг, да! Или я этого ещё не понял?

Мне пришлось чуть ли не оправдываться: да понял вообще-то, понял. Тоже, мол, так считаю, да, но...

— Какие тут могут быть «но»? — возмутился незнакомец. — Конструктор велел напомнить, что вас ждёт также некая Зоя Алексеевна... я правильно имя-отчество? Кто такая?.. Она обождёт, ладно. А Калашников — нет. Это уже решено: писатель должен отвезти конструктору генеральский китель, который тут сшили ему в специальном военном ателье... может, придется искать другой способ передать его в Ижевск?.. Более надёжный, разумеется. Или я перестану волынить — хватит!.. Когда я возьму билет? Когда сяду в поезд?

Это я уже знал: к 75-летию Калашникова президент Ельцин привез ему в Ижевск орден «За заслуги перед Отечеством» под номером первым и генеральские погоны... Выходит, без кителя?

Не знаю, что больше заставило меня бросить дела и отправиться за железнодорожным билетом в Ижевск: либо эта миссия, должная исправить упущение президента, либо произнесённое вскользь упоминание о моей благожелательнице — соседке Калашникова... Много ли в наше печальное время читают нашего брата, тем более что количество литераторов вдруг многократно увеличилось? Сколькие о нас добром помнят?

Имени Зои Алексеевны Богомоловой я радовался теперь, как проглянувшему сквозь ненастные тучи и обогревшему меня солнышку.

Купил билет, позвонил по телефону, оставленному мне человеком с командирским голосом, и он назначил мне встречу возле станции метро «Фрунзенская».

— Ждите здесь! — чуть не приказал, когда мы, наконец, увиделись.

Скрылся в подъезде многоэтажного здания и вышел оттуда с пластмассовыми «плечиками» в руке: на них висел новенький генеральский китель:

— Доставите?

С кителем я спустился в метро, остановился на платформе и, когда уже подошел поезд, вдруг понял, что дело мне предстоит не такое простое. Народ валил с ярмарки в Лужниках, с этого главного торжища страны — «вещевого рынка», и в вагонах было битком. Тюки, мешки, сумки, разго-

ряченные лица, мокрые от пота рубахи, плечистые девчата в трико, норовящие, словно в борцовском зале, взять тебя «на бедро»... Я покачивался с кителем в приподнятой руке, и тут вдруг, несмотря на вполне понятное напряжение, невольно начал ощущать на себе внимание окружающих и как бы некую тихую задумчивость: мол, кто таков? Почему с этим генеральским кителем? Купил себе? Или наоборот — продать хотел, да не вышло: просил дорого?

Размышлять обо всём этом, видя на себе пыльные взгляды, было и горько, и чуть смешно: в сложное живем время!

Дома я повесил китель в шкаф рядом со своими сугубо гражданскими вещами, потом жена отыскала для него полиэтиленовый чехол, и на завтра мы отправились на Казанский вокзал: к ижевскому поезду. Стоило нам выйти на перрон, как навстречу бросилась женщина средних лет, заговорила торпливо и радостно:

— Как хорошо, что я вас увидела! А мне описали, как выглядите, да и китель... хорошо, что в руке! Полковник вам по ошибке другой отдал — откуда ему знать? Вот привезли бы! Этот — на богатыря. А ведь и обмеривала Михаила Тимофеевича я, и кроила — он же, как школьник, худой и маленький!

До отхода поезда оставалось ещё добрых четверть часа: вошли в купе, и она достала из сумки аккуратно свернутый кителек, размером, и в самом деле, чуть ли не вдвое меньше, а я взялся вынимать из чехла этот, «богатырский»... хорош был бы, и действительно, в Ижевске с чужим кителем! Спасибо доброй женщине: вовремя спохватилась!

Конечно же, когда остановился поезд в Ижевске, в окно я вглядывался с особым чувством: где же там новоиспеченный генерал, каков он?

Напротив вагонной двери, чуть поодаль от неё, стоял невысокий сухонький человек с весёлыми молодыми глазами: с дружеской улыбкой посматривал то на меня, то на предназначенную ему «передачу»...

...В первое утро у него дома я проснулся от

громкого голоса где-то в глубине квартиры. Он что-то выкрикивал нараспев, и я быстренько оделся, вышел из своей комнаты:

— Доброе утро, Конструктор! — добрые люди уже успели подсказать, что это обращение приятно Михаилу Тимофеевичу. Также как другое, сокращенное имя-отчество: Михтим. — Разрешите дослушать?

— Пожалуйста! — позволил он добродушно. — Это Сергей Есенин. Я часто вспоминаю его с утра, такая своего рода разминка...

Небогатырского росточка, сухонький, крепкий, был он только в шортах и босиком: приподнял руку около груди, повёл седым хохолком, и слегка прерывистый его голос зазвенел ну так по-мальчишески:

— Я никому здесь не знаком, а те, что помнили меня, да-авно забыли!

Нет, недаром швейцарцы во время его поездки к ним первые уловили в Калашникове явное сходство с Суворовым, даже внешнее.

Собираясь к нему в Ижевск и решая, какие вещички с собой захватить, рассуждал я примерно так: мировая знаменитость... генерал теперь... человек достаточно пожилой. Конечно же, ему наверняка придётся по душе некоторый, скажем, здоровый консерватизм. И я взял с собой шерстяной спортивный костюм, синий, с белыми лампасами: покупал его десяток лет назад перед поездкой на чемпионат мира по хоккею — тогда ещё в ФРГ... А он теперь с весёлой хитрецей спрашивал:

— А не жарковато вам будет?.. Может, и для вас шорты поискать? Кажется, у меня есть и безразмерные, на резинке. Всё-таки удобная штука, а? Чуть ли не единственный ощутимый плод так называемого «нового мышления» — надо пользоваться!

Впрочем, в тот вечер оба мы были, что называется, при параде: в квартире этажом выше нам устроила настоящий приём моя «сваха», познакомившая нас с Калашниковым, Зоя Алексеевна Богомолова: известный литературовед, талантливая писательница, заведующая кафедрой рус-

ской литературы Государственного университета Удмуртии.

Как она нашему нарочито торжественному приходу с традиционным букетом и большой коробкой конфет радовалась!.. Ну ещё бы: в её чуть ли не сплошь уставленной комнатными цветами гостиной с многочисленными, явно подаренными авторскими картинами на стенах, где она привыкла встречать и своих учеников-аспирантов, и местных «начинающих», и уже маститых литераторов из разных городов и весей страны, её знаменитый на весь мир сосед будет читать главу с интригующим названием «Мой черный ящик» — тайное тайных, доселе не известное ещё никому: о раскулачивании семьи Калашниковых в самом начале тридцатых годов, о «спецпереселении» с Алтая на Север, о своём побеге из ссылки...

Как Зое Алексеевне хотелось и поддержать в своём доме высокий салонный дух, и заодно хорошенько попотчевать гостей на свою не столь щедрую профессорскую зарплату!

Казалось, она это излучала всем своим благородным обликом — в просторной комнате, одновременно похожей на оранжерею с диковинными цветами и со вкусом подобранную картинную галерею, возникло трогательное ощущение и взаимного понимания, и взаимной признательности, которое становится самой благодатной почвой для человека с рукописью в руках: работой, сеятель!..

А сеять было что: настолько искренен, настолько сокровенен и вместе с тем настолько бесхитростен был рассказ о трагедии русского крестьянства, а значит — и всей русской Земли, что Калашников не выдерживал. И без того прерывающийся его голос вздрагивал вдруг куда явственней, он начинал комкать платок, который всё время держал в руке, складывал машинописные листки и снимал очки...

Красивое лицо Зои Алексеевны, полное осеннего очарования и мудрого спокойствия, одухотворялось вдруг таким откровенным сопереживанием и таким высоким сочувствием, каких, и

правда, давно не видел в своём оболганном, замордованном народе... А ведь как он добр, как щедр, как талантлив! И жив, несмотря ни на что и вопреки всему — жив!

Само собой, Зоя Алексеевна суежилась на кухне и возле стола одна, нам не было позволено помогать даже по мелочам... Потом уже она покажет большую общую фотографию, на которой среди нескольких десятков всё больше молодых мужчин либо юношей в казачьей форме — донской, уральской, кубанской — снялась и она, единственная из женщин: чтящая свой род и свою историю оренбургская казачка в строгом «профессорском» костюме.

Вот она, думал я потом, ниточка, некогда связавшая её с Северным Кавказом, соединившая со Ставрополем и подспудно обозначившая, может быть, путь к моей прозе...

Но разве не скрепляла она их соседский союз с Конструктором?

Кому как не истинной казачке с уважением относиться к оружию?

А Михаил Тимофеич сказал мне потом однажды:

— Буду очень доволен, если вы всё-таки докажете мне с документами в руках, что я казацкого роду-племени...Ваш товарищ в нашей станице всё продолжает там свои архивные поиски?

Когда-то, в горькие годы изгнания, часть казачьей интеллигенции, бедовавшая у братьев-славян в Праге, придумала символ будущего — они в этом не сомневались! — казачьего возрождения: «Слово. Меч. Перо. Техника».

То Слово, которое было вначале, и было — Бог. Меч — прежде всего меч духовный. Перо — как непереносимое его продолжение: умение постоять за себя и в устной речи, и в письменной. А техника — настоятельная необходимость идти в ногу со стремительным временем: чуть ли не все первые русские летчики были казаки из разных земель, и воинские звания носили казачьи.

В счастливые свои минуты в Ижевске я размышлял: может, близкое соседство профессо-

ра литературы, красивой, умной, обаятельной женщины, и конструктора безотказного оружия — это и есть тот символ, о котором мечтали изгнанники Гражданской войны?..

...Но вот Зоя Алексеевна в очередной раз вышла зачем-то на кухню, и из прихожей раздалось вдруг такое растерянное и такое женское: ах!..

Тут же громко хлопнула дверь, я быстренько поднялся, шагнул было в прихожую, но наша хозяйка уже входила в гостиную:

— Можете представить? Так была рада вам, что не только забыла замкнуть дверь — вообще открытой оставила!

Справилась с собой, сказала уже полушутливо:

— Правда, никто бы не решился войти, зная, что тут — Калашников!

И Конструктор весело откликнулся:

— Как же, как же!.. Все воры в Ижевске прекрасно знают, что Калашников без своего тяжёлого ручного пулемёта в гости не ходит!

Эта шутка, которой я был свидетелем, греет меня долгие годы: может быть, высокая атмосфера в гостеприимной квартире Зои Алексеевны была и впрямь тогда столь ощутимой, что даже на бытовом уровне вызывала в нас лишь достойные смыслы и тонкие, изящные слова?..

Права была Зоя Алексеевна, писавшая мне в письме, что «общение с Михаил Тимофеевичем очень приятно»: ну ещё бы!.. К той жёсткой школе чуть ли не всенародного выживания, которую страна проходила в годы раскулачивания-раскачивания, у Калашникова прибавился долгий опыт преодоления препятствий на пути изобретателя-самоучки, а потом, уже в годы признания и громкой славы, его до блеска отшлифовали, и длительное — шесть созывов подряд — депутатство в Верховном Совете, и бесконечные поездки: сначала по необъятной стране, а после — по всему свету...

Конечно же, Конструктор был — само обаяние, и я то и дело названивал в Отрадную ну чуть ли не с таким же напором, с каким меня вытаскивал в Ижевск настырный московский полковник: что

там, братцы, притихли? Ищите кубанские корни Михаила Тимофеевича?.. Или вам недосуг?

Как-то однажды главного отрядненского «краеведа» не оказалось дома, трубку взяла Наташа, его жена, и стала меня почти виноватым тоном утешать:

— Он старается, Г.Л.! Он так старается. Если сложить все его маршруты, наверняка получится, уже раз десять станицу обегал... Знаете, что мне тут — на нашем базаре? В воскресенье. На «ярманке»... Идём с ним, и вдруг пожилая женщина отзывает меня в сторонку, шепчет: «Наташа!.. Да не завел твой какую-нибудь краля на нашем краю?.. И раз гляжу, как на пожар мчится, и два, и три... ты присмотришься-ка!..» Вы представляете? И в следующее воскресенье — почти то же самое. Уже другая бабушка: «Ты ещё молодая, Наташа, не знаешь, как это бывает... А бережёного и Бог бережёт. Ты пригляди за своим, пригляди. А то пойдёшь потихоньку следом: что-то он зачастил на нашу улицу!..» А улица эта в противоположном конце. Чуть отошли от этой бабушки, я смеюсь: Славка!.. Что ж они у тебя, твои девчата, так далеко живут друг от дружки?.. А он рассмеялся: да, говорит, мать!.. Мало того что ноги бью, я уже на новых туфлях подошвы протёр: завтра понесу в мастерскую...

Кому-то покажется, что они тут не к месту, эти мои упоминания о станичниках, но что делать?.. Я ведь и взялся-то помогать Михаилу Тимофеевичу кроме прочего потому, что — земляк. Наш, о т р а д н е н с к и й.

Будущую книжку Конструктора я себе представлял как отеческую беседу народного заступника со своими осиротевшими соотечественниками: разве не такое тогда было время?.. Одолеваемой бесконечным враньём России нужен был сокровенный, спасительный разговор по душам. А кто же и должен был начать его, если не известный всем человек, исповедующий то, что на Кубани считается главным: голову повесил — уже пропал.

«Ещё не вечер, братцы! — должен был он сказать. — Ещё не вечер».

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ С КОНСТРУКТОРОМ

Как он был не похож на этих богатырей в распахнутых на груди богатых кафтанах, которые царь, как раньше водилось, жаловал лучшим ижевским мастерам русского оружия!

Всякий раз, выходя с Михаилом Тимофеевичем из Дома правительства Удмуртии, в столовой которого мы обычно обедали, я поглядывал на них, запечатленных на высоко вознесенной панели справа от выхода, а то просил Толю, водителя Калашникова, если вдвоём ехали по городу, остановиться возле этой мозаичной достопримечательности Ижевска...

Непрерывно выходил, минуту-другую опять всматривался...

Интуицией чувствовал, что помогут мне потом что-то разгадать?.. Или также подсознательно пытался восстановить безжалостно прерванную когда-то в Отечестве связь времён?..

Как-то однажды перед обедом мы с Калашниковым вышли из дома, чтобы сесть в Толину машину, и тут нас увидела Зоя Алексеевна, которая, судя по всему, возвращалась из университета домой.

В милой своей манере, окрашенной на этот раз не только царственно степенной благожелательностью, но и вырвавшимся вдруг восторгом, свойственной ей бесконечной душевной молодости, она сказала, всплеснув ладошками:

— Боже мой, вы не представляете, как я рада, что два таких замечательных человека теперь вместе!..

Этим её словам я сперва не придавал значения: вовсе не потому, что тут же поверил в собственную равноценность с личностью легендарного Конструктора, нет. Уж чему-чему, а бедствию завышенной самооценки подвержен не был, с лихвой хватало других давно осознанных недостатков.

В ответном порыве трогательного, вполне объяснимого чувства проводил Зою Алексеевну до подъезда, открыл перед нею дверь: или мы — не рыцари?!

Вернувшись, тут же спросил Калашникова о чём-то, что нужно было для рукописи: «творческий процесс» не затихал во мне в те дни ни на минуту, то было удивительное время. Ещё в ту пору, когда работал над переводом черкесского «Железного Волка», понял очень отчётливо: если ты щедро отдаёшь что-то другому, Господь почти тут же возмещает тебе намного щедрей. И то и другое вместе не только рождало ни с чем не сравнимое ощущение полноценной духовной жизни, но как бы даже счастье взаимной связи с Творцом: я, пожалуй, не знаю состояния более радостного и благодарного.

Обед наш прошёл, как всегда, в «тёплой дружеской обстановке», но когда мы потом спустились в вестибюль, произошла одна любопытная история...

...Куда деваться! Только что пришлось встать из-за компьютера, чтобы снова взглянуть на книги, одна за другой привезённые когда-то из Ижевска. Удивительное дело, но нашлись они сразу: как будто терпеливо, все вместе ждали своего часа.

И тут первой окажем честь даме: вот составленный Зоей Алексеевной внушительный сборник «Восхождение», издание 1996-го года, о классике удмуртской литературы Флоре Ивановиче Васильевиче... Но её тогда заботило уже и другое. На внутренней стороне обложки её рукой написано: «Дорогой Г.Л.! С трепетом душевным дарю эту книгу о прекрасном Поэте ещё и потому, что делаю это в доме человека великого и благородного — М.Т. Калашникова, прикосновение к судьбе и творчеству которого, я верю, даст последствия удивительные — Вашу неповторимую книгу. Счастья Вам, талантливый писатель, чудесный человек. Сердечно — З. Богомолова».

Как-то, ещё в начале нашего знакомства, она сказала мне: не сомневаюсь, мол, что вы поможете Михаилу Тимофеевичу сделать книгу, которой он достоин, а потом, присмотревшись, напишете о нём уже собственный роман. Зная вашу творческую манеру, твёрдо верю: вы просто не сможете не написать его!

Размышляя о Зое Алексеевне, часто думаю: пожалуй, она лелеяла эту мысль точно так же терпеливо и бережно, как растила в своей домашней оранжерее лучшие из своих любимых цветов... Есть ведь такие люди, от доброго слова которых идут в рост не только растения, есть!

Да и не права ли черкесская мудрость: «Работаешь для другого — учишься для себя»? Верность этого наставления я уже испытал, когда переводил «Железного Волка». Настолько проникся старым джигитским духом, что написал потом несколько ну прямо-таки аульских рассказов. Не это ли ожидает меня и тут?

Пожалуй, ещё и оттого-то хранил я эти привезённые из Ижевска книги, что годами собирался написать роман о Конструкторе, а эти мои окрашенные теперь печалью заметки о Зое Алексеевне — всего лишь терпеливо дополненные извлечения из самого начала романа.

Нынче, бывает, горько улыбнусь: моей книги о Калашникове скорее всего не будет, слишком много других забот, но, может быть, до сих пор неведомый мне Промысел в этом и состоял? Чтобы я написал о добрейшем, обаятельнейшем профессоре — хранительнице и радательнице и родной русской словесности, и всей нашей многонациональной российской литературы.

В лихую для нас годину...

Вспомним об этих двух «люльках», с библиотечной книгой и с бездушным автоматом, об этих двух по всему миру весах, одну чашу которых уже явно перетягивает грозное, безжалостное оружие... Эти мои запоздалые слова благодарности в адрес женщины с символической фамилией Богомолова, конечно же, не решат дела. Но разве каждый из нас не должен стараться поступать так, чтобы на белом свете стало хоть чуточку светлее и чище: и в самом деле, дорогие мои, ещё не вечер!

Нашлись в моей «ижевской библиотечке» сразу три книги талантливого писателя и дельного краеведа, историка-эрудита Евгения Фёдоровича Шумилова. Первая — изданный тоже в 1996 году красочный альбом «Православная Удмуртия», подаренный Конструктором с подкупающей его

надписью, наверняка подсказанной заботницей-соседкой: «Дорогой Г.Л.! Пусть эта книга благословит нас на доброе дело. М. Калашников».

Но не «дарственная» Конструктора снова теперь меня обрадовала — больше обрадовал забытый было стих Игоря Северянина «Предвоскresие», предпосланный Шумиловым главе «Судьба Православия в XX веке»:

*На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала, —
Как любовь, как солнце, как весна —
И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слёз,
Божьей волей воскресала снова, —
Как весна, как солнце, как Христос!*

Два других издания Шумилова не без помощи Зои Алексеевны я уже сам разыскал потом в книжных магазинах Ижевска: альбом «Удмуртия», вышедший в серии «Памятники Отечества» и книгу «Город на Иже» с подзаголовком — «Историческая хроника с прологом и эпилогом в 12 главах, повествующих о славных традициях и богатой истории столицы Удмуртии».

Само собой, все три книги стали для меня не только важным — и в самом деле, незаменимым подспорьем в работе над будущей книгой Калашникова «От чужого порога до Спасских ворот». Не уверен, хорошо это или плохо, но в силу разных обстоятельств я и нынче ощущаю на себе серую, порядком изношенную и не однажды штопаную шинель провинциального литератора... Одежка, конечно, не очень щёгольская, зато давно привычная и удобная, а кроме прочего чуть ли, не постоянно напоминающая о том, что в этом смысле я не одинок, нас таких много. Пожалуй, до сих пор даёт себя знать неистребимое родовое наследие? Закалённое жаркой артельной работой на жестоком сибирском холоде: спасибо тебе, родная, «ударная-комсомольская»!

Кто-то иронически, а то и высокомерно улыбнётся: мол, как же его понять? Только что не без пыла цитировал стихи Северянина о Христе, а через

два абзаца опять кланяется угрюмой «Совдепии»!

Кланяюсь!

И понять это просто. Если ощущать себя русским и любить Россию: просторное и вольное, на сто народов-братьев, Отечество...

...В 1961 году на нашу Антоновскую площадку, тогда ещё чуть ли не пустынную, приехали два выпускника ВГИКа: будущий режиссер Вадим Виноградов и оператор Никита Хубов. От нас им предстояло вернуться с дипломной работой на одну из неперенных в ту пору тем — «Великая стройка коммунизма». Вместе с одним из литсотрудников газетёнки «Металлургстрой», где я тогда был «безответственным секретарём», с земляком-ростовчанином Робертом Кеслером, мы вызвались страдальцам помочь, и сценарий свой так и назвали: «ЗАПСИБ».

Какой на стройке ажиотаж был вокруг съёмок! Как горячо потом обсуждали фильм, впервые показанный телевидением Кузбасса!.. Как упрямо пытались его дополнить новыми — героическими, естественно, — подробностями!

Что говорить, защитились москвичи с блеском.

Сперва мы с Вадимом нет-нет да перезванивались, потом связь между нами прервалась... Но разве это не маленькое чудо? Несколько лет назад в Подмоскowie он рассматривал фотографии в доме у нашего сына, у Георгия, начинавшего «фермерствовать» врача-травматолога, и вдруг протянул ему один из пожелтевших снимков:

— Откуда у тебя фотография этой пары?

И Георгию только и осталось сказать:

— Это мои мама с папой!

Через месяц он переслал нам три кассеты с документальными фильмами Виноградова о последних днях Российской империи, о внутренних и внешних причинах национальной трагедии. Фильмы и в самом деле уникальные: смонтированные в него потрясающие воображение архивные киноленты соседствуют с сокровенными беседами Вадима с покойным ныне митрополитом Виталием, главой Зарубежной церкви — как оказалось, Вадим несколько раз приезжал в Штаты к этому легендарному служителю Православия,

долгие годы бывшему духовным оплотом русской эмиграции по всему белому свету.

К последнему фильму, «Гефсимания царя-мученика», прикреплена была заграничная, с русским сюжетом пасхальная открытка. Под красочной картинкой златоглавого храма стояла надпись на старинный орфографический лад: «Моимъ дорогимъ записовскимъ друзьямъ Гарику и Ларисе с любовью». В приписке на обороте открытки кроме буквы «ять» имела место «точка над «и»: «Сии фильмы являются всего лишь продолжением того дела, которое по милости Божией было начато с Вашей помощью на Записбе».

Но разве сам этот коротенький текст не является своего рода «точкой над «и»? В одолевавших стольких из нас горьких размышлениях о закономерности нашего права на историческое прошлое, а значит, права на будущее: в том долгожданном образе, в котором оно видится не тем, кто по чужому наущению всё беспрестанно кается — кто тяжело, а, тем, кто как ломовая лошадь, работает на одну и ту же измученную тёмной силой страну. Свою родину.

Давнее братское сотрудничество с создателями фильма о «великой стройке коммунизма» осталось для меня светлым пятном на темном фоне того беспардонного грабежа, которому заезжие столичные знаменитости подвергали и подшивки негнибавшего «Металлургстроя», и наши первые книжки. То была, пожалуй, самая надёжная, самая долговременная прививка от неуважения кропотливого труда почти незаметных для столицы стойков российской глубинки.

И вот в Ижевске тогда увидел, какую богатую «жилу» много лет разрабатывал Евгений Шумилов... Героическая история «ижевского арсенала» живо напомнила мне и хорошо знакомую историю промышленного Кузбасса, и давно ставшие родными Череповец да Старый Оскол, и славную летопись многовекового подвижничества Тулы, с которой к этому времени точно так же, «на местности», посчастливилось ознакомиться. Неравнодушные страницы шумиловских книг не только дополняли разрозненную

мозаику той самой «Русской работы», постоянно занимавшей моё воображение, но и давали к ней некий шифр, столь многое объединяющий и объяснявший.

Исход побеждённых в братоубийственной «гражданской» до этого представлялся мне всё больше отчаянным бегством из черноморских портов... И вдруг, вдруг: «Не собираюсь я восторженно всхлипывать о боевом пути белых ижевцев, но о душах их забубенных скажу, — пишет Евгений Шумилов в «Городе на Иже». — Как древние скифы — с женами и детьми в повозках прошли они всю Сибирь под белым знаменем Ижевской дивизии с вышитым золотом Георгием Победоносцем, разящим дракона — «большевистскую заразу»... Ижевская рабочая дивизия была гордостью и козырной картой Колчака».

Помните знаменитую «психическую атаку» белых из фильма «Чапаев»?

Реальным её прообразом как раз и были бесстрашные, самоубийственные рейды ижевцев под командованием генерала Каппеля, у германцев перенявшего эту жестокую науку, тоже вместе с ижевским полком, во время предшествовавшей революционным событиям Великой войны.

Но за рубеж ушли не только «искусники-оружейники» и «храбрые воины». Ушли лучшие из инженеров давно сложившейся старой уральской школы. Уже наслушавшийся легенд о создателе первого телевизора Зворыкине, ставшем гордостью Соединённых Штатов, об изобретателях уникального мотоцикла «Харлей-Дэвидсон», который по праву должен бы называться «Харламов-Давыдов», я всё собирался позвонить Шумилову, чтобы договориться о конспиративной встрече с ним... почему конспиративной?

Михаил Тимофеевич, делавший первые шаги на малознакомом ему литературном поприще, в ту пору был не то чтобы простодушно — прямо-таки яростно убеждён, что для «литературного записчика» с лихвою хватит и трёх его папок: сиди и трудись. Без особой охоты он вёл меня даже в сборочный цех, как бы на своё рабочее место. Еле уговорил я его потом устроить для меня экскурсию

на заводской испытательный полигон: зачем, мол, нам эта пустая трата времени?..

Правда и то, что нас «поджимали сроки»: книга должна быть готова к открытию очередной выставки оружия в Арабских Эмиратах, а сколько там до этой выставки оставалось?!

Модные в своё время разговоры о хэмингуэвском «айсберге», шестая часть которого видна над водой, а пять шестых скрыты мировым океаном, Конструктора убеждали мало. Когда я попросился на «Ижсталь», он решительно заявил, что мне там «нечего делать». Было, конечно, время, когда они там пускали в переплав «неудачные образцы», но кому это нынче интересно?

А во мне, конечно же, кипело, как сталь, моё «западно-сибирское» прошлое...

Позвонил в Москву старому другу Игорю Каленскому, занимавшему тогда в Минчермете должность главного эколога отрасли... Ещё недавно он предлагал мне отправиться в не ограниченную ни временем, ни расстояниями поездку по старым, ещё Демидовским заводам, чтобы написать о сохранении окружающей этих промышленных реликтов среды. Боже мой, какая удивительная экскурсия в прошлое меня ожидала!.. Но слишком много сил я отдавал тогда вот-вот готовому исчезнуть с лица земли нашему настоящему...

Попросил теперь Игоря: не мог бы ты через свою службу устроить для меня коротенькую экскурсию по «Ижстали»? Отзвонил он почти тут же, назвал фамилию начальника заводской экологической службы и номер его телефона: как жаль, что не могу извлечь из записных своих книжек фамилию этого доброго человека, а бывший главный специалист Минчермета по «охране окружающей среды», доктор наук, не хочет о своих бывших заботах и разговаривать: «Какая нынче экология? Не трави душу. Забудь, как я забыл. Всё!»

А тогда специалист-эколог «Ижстали» первым делом привёл меня в кабинет главного инженера завода: мол, посидим тут минуту-другую, а потом уже отправимся по цехам. Хозяина кабинета не было и десять минут, и двадцать... За

разговором о том, о сём, как будто уведившим меня от главной цели тайного моего визита, я поглядывал то на ельцинский портрет над столом со множеством телефонов и непременно селектором, а то на другой, куда больше и длинней, торцом приставленный к малому. На почти безразмерной его столешнице рядом лежали какие-то блестящие стальным холодком детали, лежала стопка книг.

— Может, мы сперва пройдём по цехам? — спросил я у моего провожатого. — А потом уже...

Он не дал мне договорить: нет-нет! У него строжайший приказ — сперва дождаться главного инженера.

Уже с нарочитым вздохом отошёл к большому столу, принялся разглядывать лежавшие на нём стальные штуковины, приподнимать книжки и читать названия: и в мыслях не было, что всё это вот-вот станет моим...

В кабинет стремительно вошёл усатый, средних лет человек, очень похожий лицом и на меня самого, и на Вилю Липатова, и на одного из сибирских моих друзей-металлургов:

— Здравствуйте, мой любимый писатель! — сказал радостно и громко. — Извините, что пришлось ждать: не мог закончить совещание раньше.

— Это я хорошо понимаю, — посмеивался я, отвечая на крепкое, долгое рукопожатие. — Но вот что касается «любимого»...

— Это я вам сейчас объясню...

Прошёл к малому столу, сунул руку в один из ящиков и протянул мне роман-газетовский экземпляр моего «Проникающего ранения»:

— Не станете отказываться?

И тут уже я принялся трясти его руку.

Как долго, как хорошо, как искренно мы говорили!..

Прощаясь уже после нашей экскурсии по «Ижстали», он растроганно сказал:

— Поверьте: для меня это — подарок судьбы.

Но разве не была наша встреча настоящим подарком и для меня?!

Несколько лет назад, когда совершенно неожиданно для самого, московские земляки

«кликнули» меня атаманом, чуть ли не первым мне позвонил обозреватель еженедельника «Собеседник» Дмитрий Быков, мало кому известный тогда поэт. Подготовился он прилежно: сумел-таки растрогать меня знанием моей прозы. Я согласился на интервью, и Дима, изящный в ту пору, тоненький мальчик, то задавал мне вполне корректные вопросы о казачьем движении, а то принимался вновь чуть ли не восхищённо цитировать мои книжки... Четыре часа записывал он на магнитофон нашу беседу, которая и сейчас, конечно же, хранится в архиве у аналитиков-разрушителей: к материалу, который Быков опубликовал потом в родном издании, она почти не имела отношения. Очерк назывался «Белое. Красное. Чёрное», и каким угрюмым антисемитом я в нём выглядел!

Похожая история произошла и с «Литературной газетой». Сначала меня долго обхаживал её «специальный корреспондент» Киселёв, потом к делу подключился ненадёжный кузбасский землячок Соломонов, ставший к тому времени заместителем главного, и «Литературка» опубликовала полосу под крупно набранной «шапкой»: «Шашки к бою готовы: осталось найти врага!» Тут уж я был не только антисемит — жидоед.

И в самом деле, «специальный» корреспондент — специальный!

Со мной перестали знаться даже добрые знакомцы из московских евреев... да только ли, только ли!... Старый дружок Александр Никитин, известный публицист, вместе с другими своими однокурсниками с журфака МГУ, приехавший в Кузбасс на несколько лет раньше меня и вместе с ними принимавший меня потом в Кемерово — после обязательного «испытательного срока»! — в «Общество Коней», в нерушимое, казалось тогда, факультетское братство «коников», исповедующих грубовато мужское, но по-своему рыцарское «Ржать, пить и бить копытом!» — так вот, он, Александр Никитин, давно живущий в Москве и неожиданно встретивший меня возле дома общего нашего товарища неподалёку от Савеловского вокзала, громко, почти истерично закричал мне:

— За что ты хочешь разбить наши головы?.. За что нас гонишь в Израиль?!

Я тоже закричал — уже ему вслед:

— Ты что за чушь несёшь, Саня?!

И вот мы стоим в кабинете у настоящего, судя по всему, труженика, у Русского Работника из родимой глубинки, у Михаила Абрамовича Лойфермана, который наверняка не ищет в сильно пожелтевшей прессе этих прямо-таки любовно взращиваемых межнациональных дрызг, а предпочитает им новейшую техническую литературу: прежде всего ему дело делать надо.

Но что вы-то творите, разрушители всегда скреплявшей Россию щедрой солидарности чистых сердец?.. Не хватает любимой вашей «толерантности», чтобы соответственно определить суть чёрной вашей работы!

Не т о т а л е р а н т н о с т ь ли на самом деле давно исповедуете?!..

Но нашлись, нашлись теперь в моей «ижевской библиотеке» и те серьёзные книжечки, что вручил мне тогда главный инженер-технолог Михаил Абрамович Лойферман: «Ижевская сталь» Александра Михайловича Фомичёва и «На «Ижстали» идёт реконструкция» Ильи Израилевича Ривелиса...

Взглядом ловлю и нынче здесь и там стоящие среди остальных «цацок» из разных концов страны — так ворчливо честит их жена, много лет стирающая с них московскую пыль — подаренные мне благодарным читателем «Проникающего ранения» «образцы продукции» любимой его «Ижстали», которые я сперва вынужден был прятать под кроватью в квартире Калашникова...

Михаил Тимофеевич, наверняка, на этом месте подумает, а то и тонким голоском насмешливо проскрипит, что прятал я там не только металлические болванки, но и кое-что в хрупкой стеклянной таре... что было, то было. Человеку, не имеющему ни генеральского звания, ни соответствующей пенсии сегодня, невыносимо трудно оставаться честным русским писателем. А книжку «От чужого порога до Спасских ворот», за которую я тогда взялся благодаря прямо-таки влюблённой

в Калашникова, простодушной в самом лучшем смысле Зое Алексеевне, Конструктор и нынче считает лучшей из своих книг — об этом он недавно заявлял «городу и миру» по телевизору.

Но что мне делать с моей манерой письма, в основе которой лежит не выверенный чертёж, а еле ощутимая ассоциативная связь?!

...Мы с Конструктором — теперь уже несколько страничек назад — вышли из столовой Дома правительства, спустились в просторный нижний холл и направились к гардеробной стойке. Он остановился в двух-трёх шагах от неё, а я протянул гардеробщице оба наши пластмассовых номерка...

За то время, что я жил у Михаила Тимофеевича, так повелось, что я подавал ему у порога пальто, когда утром провожал на «Ижмаш» либо куда-то ещё, и помогал ему раздеться, когда открывал дверь в конце дня. Не только казак, к тому же бывший атаман, проповедовавший прежде всего уважение к чужому достоинству, но ещё и «приписной черкес», у которого дети от корки до корки, что называется, изучили «адыге хабзе» — кодекс чести адыгов, мог ли я поступать иначе?..

Этот знак уважения Калашников принимал с должным, хоть был в нём элемент некоторой игры, пониманием, это сближало нас точно так же, как долгие разговоры о нашей Отрадной, где зреют розовошёрстные абрикосы почти с кулак — знаменитая «калировка» и почти такой же величины сочные и сладкие сливы «ренклюд» — «гранклёт»...

Так и тогда: в сторонку отложив продувной свой турецкий куртец, я взял кожаное пальто Михаила Тимофеевича, расправил его, слегка приподнял, и он уже занёс было руки за спину, подставляя их под одежду, как тут кто-то вошедший в холл с улицы приветственно вскинул ладонь и ещё издали поклонился Калашникову.

— Это Шумилов, — негромко выронил Конструктор. — Здешний писатель. Обождите здесь.

Сделал шажок-другой от меня, но как бы заодно в сторонку от вешалки, а я с приподнятым его кожаным пальто остался у своего лежавшего на стойке турецкого «ширпотреб»...

«Шумилов, гм-м-м», — соображал я.

Как бы сказали у черкесов: «Ым, Шумилов!..»

Высокого роста, он уважительно наклонился к Михаилу Тимофеевичу, а тот взял его за локоток и отвёл ещё чуть в сторонку.

Попробовал кивнуть Шумилову издали, но куда там! Чего ж это он будет глазеть по сторонам, если его удостоил вниманием сам Калашников?

Может быть, всё-таки Конструктор догадается нас познакомить: передавал ведь мне его альбом «Православная Удмуртия»... нет!

Пошел было к гардеробу обратно, и я тут же снова приподнял пальто выше... попросить его попридержат Шумилова? Окликнуть самому?..

Но Конструктор с полдороги опять вернулся к нему, почтительно провожавшему его взглядом... Вновь пришлось приопустить пальто: а что делать?..

Повторялось это несколько раз, и вдруг я понял: да ведь он меня нарочно кой-чему наставляет, великий мой землячок по тёплой и зелёной Кубани!.. «Ишь ты! — насмешливо небось думает. — Два таких замечательных человека теперь вместе! Держи карман шире!»

«Милая Зоя Алексеевна! — это уже подумал я. — Открытая, незамутнённая ложными амбициями душа!.. Не так всё просто в нашем мире, не так... Ваша профессия, как и моя, спасает, конечно же. В итоге. Но лишает защиты в будние дни».

Как в Адыгее, опять же, говорят: «Ты будешь первым!»

И через малую паузу добавляют слегка насмешливое: «За моим плечом».

Так как размышлял о малой своей родине всегда, чуть ли не постоянно, а в Ижевске ещё и в силу необходимости понять характер Конструктора — особенно, то вспоминал я, конечно же, не только о «калировке» да о «гранклёте»...

«О, аульские мудрецы! — временами думал. — О, станичные хитрюганы!.. Не только шашкой да кинжалом учившие друг дружку отчаянной храбрости, но — и змеиной изворотливости, без которой в то время — никуда!..»

А в наше, в наше-то время — а?!

«АВТОМАТ» ИВАНА КАЛАШНИКОВА

Есть такая условная форма подачи советов, о которых тебя не просят — ну знаете: «Если бы я был президентом...», «Если бы я был премьер-министром...» Да чего уж там мелочиться: был бы «Председатель Земного Шара», о высоком титуле которого когда-то размышлял беспокойный Велемир Хлебников.

Теперь-то дело вполне понятное: утешение для дураков.

И тем не менее: если был бы тем человеком, от которого хоть что-то в стране зависит, я бы — точно так же, как любой из бесчисленных нынче телохранителей получает боевое оружие, в том числе и специальный какой-нибудь, особо безжалостный «калаш» — так вот, охраняемому «телу» выдавал бы под расписку, для изучения с неременным последующим экзаменом, эту бесхитростную, наивную, можно сказать, книжечку, впервые вышедшую в Санкт-Петербурге полтора века назад: «Автомат» Ивана Тимофеевича Калашникова.

Главный её герой — добропорядочный русский человек. Верующий. Патриот. Честный чиновник.

Не бывает, скажете?... Но ведь бывало!

А почему следует верить — будущий писатель сам родился в Иркутске в семье бедного чиновника, по причине верности служебному долгу пострадавшего в одной из «чернильных пунических войн» между провинциальными ведомствами, которые всегда велись в России, по этой причине вынужденного оставить службу, но не подавшегося обстоятельствам, не сломленного, а только окрепшего духом... или говорю опять о главном герое?

Пожалуй, это и по тем временам редкий, а по нынешним — вообще уникальный случай искреннего слияния взглядов, характеров, судеб автора и его литературного создания.

Ещё до окончания губернской гимназии Иван Калашников был зачислен подканцеляристом в Иркутскую казённую экспедицию, позднее был

протоколистом совестного суда, ассессором в Иркутском губернском правлении. Служебное его рвание не осталось незамеченным: тогдашний генерал-губернатор Сибири Сперанский сперва назначает его советником Тобольского губернского правления, а после поспешествует переезду в Санкт-Петербург. Кое-кому это покажется малоинтересным... Мне же ласкает глаз: столоначальник и секретарь в Министерстве внутренних дел; старший помощник и исполняющий обязанности производителя дел в Собственной его императорского величества канцелярии.

Не потому ли радуется сердце, что по всем этим чиновным ступенькам поднималось не высоко-родное дитя — человек из простецов, за спиной у которого не было ни оставленного наследства, ни собственного большого дохода. А семью ему дал Господь многодетную... «Испытывая материальные затруднения», как скромно сообщают «Брокгауз с Эфроном», откуда берутся сведения, «Калашников совмещает основную службу с педагогической деятельностью: в 1827 году сдал экзамен и получил аттестат при Петербургском университете; гувернёр в Царскосельском лицее, преподаватель русской словесности в 1-м кадетском корпусе; наставник-наблюдатель в Дворянском полку...»

В отставку Иван Тимофеевич вышел тайным советником: кому, как не ему знать жизнь русского чиновничества!

И главному герою, не сомневаюсь, обдуманно и в совершенном уважении к Александру Сергеевичу Пушкину он даёт имя: Евгений.

«Отец Евгения, титулярный советник Судьбин, — сообщает Калашников на первых же страницах «Автомата», — был один из тех презабавных оригиналов, которые теперь столь превосходно осмеяны. С начальниками: да-с, нет-с; поклоны по табели о рангах; сохрани Бог вздёрнуть нос перед старшим!.. Словом, ходячая выписка из законов, воплощенный Генеральный Регламент!

Должно, однако, сказать правду, что этот смешной оригинал служил всегда честно и прилежно; с постоянным вниманием перед начальниками, но

и с неколебимым благородством в душе; он был скромный, но не подл; терпел крайнюю во всем нужду, но не запятнал себя ни одним несправедливым делом. Если бы история отмечала на своих листах скорее подвиги скромной добродетели, чем шумной славы, то сколько прекрасных поступков самоотвержения мы увидели бы в осмеянном чиновничьем мире!»

«Автомат» — роман о самоотвержении. Полном!

Первым произведением пятнадцатилетнего в ту пору Ивана Калашникова была прочитанная им и оценённая не только в Губернской гимназии ода «Торжество России»: о победе над Наполеоном. А вот отрывки об Отечественной войне 1812 года уже из «Автомата»: «В Иркутске, за шесть тысяч вёрст от столицы, всякая рана, всякий удар, наносимый Отечеству, столь же живо и сильно были чувствуемы, как и в самом сердце России...»

Молодой чиновник Евгений Судьбин и его старший друг Матвей Петрович через всю Сибирь спешат в народное ополчение... вот опять!

Не будущий ли это путь добровольных сибирских дивизий, отстоявших Москву уже в войне с германцами — в 1941-м?!

Оба иркутянина принимают участие в Бородинском сражении: «Славный пир, — говорил Матвей Петрович, стоя в колоннах, охраняющих батарею, — задали Наполеону! Долго будет у него в голове кружиться! Гости пьяны и хозяева веселы, но пирушка что-то замолкает — знать, кровавого вина не достало!»

Младшего земляка, Евгения, он призывает «не лезть на штыки», но тот прямо-таки укоряет его: «Как мне думать о себе, когда тысячи гибнут?!»

Он будет ранен, но останется жив, а тело Матвея Петровича они найдут потом вместе с однополчанином Бурцовым среди обезображенных трупов...

«Ваше благородие! — сказал Бурцов. — Теперь делать нечего: не воскресишь. Позвольте мне взять тело и отнести на тот вон холмик. Там зароем его с солдатскою молитвою, а потом священник отпоёт всех вместе: кто здесь умер, тот и без того наследует Царствие Божие...

На берегах войны Бурцов зарыл тело Матвея Петровича. Некогда было ставить памятника: ничто не служило напоминанием, что тут схоронено сердце, любившее отечество. Сокрыт человек, умерший за спасение своих собратьев. На следующую весну могила заросла травой, покрылась цветами — и любопытный путешественник, может быть, обозревая поле битвы, попирает её своими ногами. Ни история, ни предания не сохраняют имени, ничем не заметного в толке многих. Ни современники не знали, ни потомки не будут знать не только затерянной могилы, но и самого существования безвестного защитника отчизны.

Такова-то судьба воина, судьба, служащая образцом великого, святого самоотвержения!»

Евгению Судьбину после Бородино предстояли испытания в сожжённой Москве, где его, взятого в плен, привели к новому градоначальнику, французу Мортье. Тот предложил Евгению единственный способ спасти жизнь: перевести с французского «прокламацию к русскому народу, в которой ясно сказано, чего хочет великий Наполеон». Но Евгений сделал свой выбор уже перед этим: «Генерал! Независимость отечества для нас дороже всех благ в мире: скорее вся Россия будет представлять огромное пожарище, чем хотя один русский преклонит колени пред врагами отчизны!»

Но вот война окончена, и начались злоключения мирного времени...

Евгений Судьбин, приехавший в Петербург с рекомендательным письмом крупного сибирского чиновника, бывшего его духовным наставником, и тут пытается жить по высоким нравственным правилам. Для него звучит как завет: «Одна идея бессмертия держит порядок общественного устройства, с которым сопряжено не только развитие умственных сил человека, но и самое существование его».

Жалованье у Евгения малое, но от взяток он решительно отказывается и вскоре в департаменте своём становится белой вороной, над ним не только посмеиваются — начинают открыто издеваться: «Ваши понятия отстали от времени! Кто нынче в Европе думает о браке, о вечных связях? Знаме-

нитейшие европейские политики давно решили, что умножение народа вредно для государства... Наслаждение должно быть нашей целью, а правилом — старайся жить как можно счастливее, не разбирая средств...

— Ужасное правило!

— Однако же ему следуют нынче во всей Европе... Да знаете ли, милостивый государь, знаете ли, кто бог века сего?! — Габбе вынул туго набитый ассигнациями бумажник и, развернув его, с дерзостью произнёс. — Вот боги, которым поклоняется ныне род человеческий.

— Правда, правда! — вскричал внезапно пробежавший по комнате Яков Адреевич. — В Европе нынче так все мыслят».

Коллега по департаменту Габбе рассказывает Евгению, что в Петербург приехал «один весьма ученый и глубокомысленный немецкий профессор, к сожалению, профессор без кафедры», и советует послушать его: «чтобы избавиться от предрассудков».

Евгению не до того: он мучительно размышляет, как одолжить у Габбе хотя бы малые деньги: квартира не оплачена, дома голод, маленький сын при смерти... Но Габбе — старый развратник, который давно поглядывает на его жену-красавицу. Что делать?

А вечером домой к нему приходит человек с бумагами княгини Сутягиной и отдельным конвертом от неё: стоит поставить в бумагах подпись — и семья Судьбиных спасена.

Сделать это Евгений отказывается, у него начинается горячка, и посреди неё он видит «немецкого профессора»: «В руках его была мёртвая человеческая голова. Разбирая её нервы, профессор доказывал материальность душевных явлений, скотоподобность человека, мечту нравственности и добродетели... Окружавшие кафедру молодые люди слушали его с восторгом.

— Итак, — говорил профессор, — нет более сомнения, что человек есть автомат. Великие учителя Германии наконец открыли глаза слепому человечеству. Отныне обязанностью человека должно быть наслаждение, целью его действий земное блаженство, его собственное «я». Прочь

добродетель, любовь к ближнему, великодушие. Нам нечего думать о других: жизнь нам дана для нас. Поспешим ею воспользоваться вполне.

— Злодей! — вскричал с гневом Евгений. — Это ли ты называешь философией? В том ли состоит премудрость, чтобы отвергать всё то, что возвышает человека над материальным миром и приближает его к Богу?

— Друг мой, — отвечал профессор с ужасным равнодушием. — Ты горячишься потому, что ещё я не показал тебе истину лицом к лицу. Подойди ближе. Укажи мне на любого из этой толпы — и ты увидишь своими глазами справедливость моих слов.

После того профессор подозвал одного из слушателей, снял с него волосы и, нагнувши его к Евгению, сказал ему:

— Смотри!

Евгений с ужасом увидел, что голова слушателя была алебастровая. Он решил постучать в неё рукою. Звук подтвердил видимое глазами. Профессор молча надел опять волосы на голову слушателя и с адским самохвальством сказал трепещущему Евгению:

— Вот плоды исследований девятнадцатого века!

— Боже милосердный, ужели так созданы все люди?

— Все, — с торжественным видом подтвердил философ. — Все и ты сам. — Он поднёс к Евгению зеркало, и Евгений увидел с трепетом, что и его голова была также алебастровая. — Благодарю, что я открыл тебе глаза!

— О, будь проклят ты с твоими адскими открытиями! — вскричал Евгений. — Злодей, ты лишил меня навсегда единственного утешения, веры в бессмертие. Горе мне, горе!

— Кто смеет поносить нашего великого наставника! — воскликнула толпа, бросившись на Евгения. — Смерть дерзкому!

Потом Евгений «видел себя посреди шумного пира. Та же толпа автоматов его окружала. Мужчины и женщина, полупьяные и полунагие, сидели за столом, уставленным бутылками. Вино лилось рекою. Раздавались развратные и безумные крики

и песни. Профессор был председателем праздника и примером развращения. Обняв одною рукою сидевшую подле него прелестницу, а другою, подняв кверху бокал, он возгласил зловещим голосом:

— Да здравствует ничтожество!

Пирующие... опоражнивая стаканы, запели с неистовыми воплями:

Слава веку просвещения!

Чужды мы предрассуждения,

Чужды веры мы оков,

Нам не страшен гнев богов.

.....

Жизни быстрые мгновенья

Посвятим для наслаждения.

.....

Ближних нет для автомата,

Нет ни друга, нет ни брата.

.....

Чужды мы предрассуждения!

Слава веку просвещения!»

...Русский инженер Владимир Кузьмич Зво-рыкин, изобретатель первого кинескопа, родится полвека спустя после того, как в Петербурге вышел роман «Автомат», но каким, любопытно, образом его автор Иван Тимофеевич Калашников мог видеть передачи сегодняшнего нашего многоканального телевидения?

«Одни догадки!»

А ТО БЫЛ РОМАН-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ...

Благодаря изобретению Владимира Кузьмича, имеющему двойки, как у многих великих изобретений, последствия, теперь уже определённо сделалось ясно: не только мечта — рабочий план мировых управителей, которым так или иначе подчинены правительства большинства стран мира, — вооружить «автоматы» Ивана Тимофеевича Калашникова автоматами Михаила Тимофеевича Калашникова ...

И тянутся, тянутся две эти конвейерные линии: воронёная сталь на одних люльках, книжки — на других...

Вздрагивают чаши мировых весов: что перетянет?

Если над стальными изделиями целенаправленно трудятся тысячи лучших инженеров, то создатели книжек какой только оголтелой чепухи не нагородят: по слабоумию своему, из-за дурных природных наклонностей, либо откровенной наживы ради.

Над этими люльками, дух человеческий нянчающими как недоношенного ребёнка, а то его деловито пригнетающими, склоняется вечно молодая женщина-профессор не то что старой — старинной, ещё со времен Екатерины Романовны Дашковой, русской школы... Она не только глазами — духовным зрением видит, что происходит на белом свете и что происходит на её родине, от которой столько нынче зависит.

Всепоглощающий материнский инстинкт, сродни спасительному предназначению Божией Матери, велит ей посылить облагородить окружающий мир, похожий сегодня на зарастающий уже почти неистребимыми сорняками космический огород.

Удастся ли?

Но она пытается поднять над ним свой романтический, сохранившийся нынче только в провинции, литературный омофор...

До её болезни, так вышло, мы не успели поговорить с Зоей Алексеевной о романе-предупреждении Ивана Тимофеевича Калашникова «Автомат». Не знаю, успела ли она с ним познакомиться из-за обилия других забот — люди вроде неё чьими только проблемами не загружены. Часто в ущерб себе.

Но, не сомневаюсь, она тоже верила старинному присловью, которое было святой заповедью страдающего из-за собственной порядочности честного чиновника Евгения Судьбина, главного героя романа: «За царём служба не пропадёт». Как за Царём Небесным — молитва.

...В один из своих последующих приездов в Ижевск сказал ей: мол, попросил у Конструктора три фотографии малого формата. На документ. Зачем они, пока не сказал ему. Сам он только посмеивается: к каким только неожиданным почестям ни привык. Как вы думаете: то ли привезти в утешение ему удостоверение кубанского казака станицы Отрадной, а то ли отдать на членский билет в Союз писателей?

Она накрыла мою руку своей ладошкой:

— Отдайте в Союз. Это для него сегодня гораздо важнее.

— Как и для Союза?

— Как и для него, да.

Потом они вместе были на праздновании дней удмуртского классика Кузубая Герда в Москве, в Союзе писателей России на Комсомольском проспекте, 13. Как бы уже на равных правах.

Надо было видеть, какой почти видимый глазом свет исходил от Зои Алексеевны, сидевшей рядом с Калашниковым в президиуме!

Никто не писал для него рекомендаций: достаточно было трёх крошечных фотографий и одной всей России известной фамилии.

Ясное дело: на всё воля Божия. Но проводником её была Зоя Алексеевна Богомолова.

Но это уже будет потом, потом.

...А сначала я вернулся в Майкоп, чтобы одному, в тишине и спокойствии, начать работу над первыми, задающими тон всему повествованию, главами.

Почти тут же отправил Конструктору письмо, ответ на которое должен был дополнительно прояснить для меня некоторые любопытные обстоятельства, и вскоре получил такую весточку:

«Добрый день, Г.Л.!

Получил Ваше Майкоповское письмо, в котором Вы озадачили меня отвечать на ряд простых и непростых вопросов. Буду надеяться на помощь Архистратига, вдвоём мы как-то осилим. Ну вот, я уже и нахожу увертку. После того как мы уехали из Ижевска и Росвооружение взяло на свои плечи всю заботу по нашему проекту, только тогда я почувствовал, что мы стоим на твёрдой основе.

Первоначальная ориентация на Ижевск плохо

укладывалась в моей голове, не потому что я плохой патриот города, а потому, что хорошо знаю непредсказуемость бюрократического аппарата, который сегодня скажет одно, а завтра может сказать другое. Тут хоть снова ссылайся на Архистратига Михаила.

В осуществление общего плана в Ижевске были из Росвооружения Алексей Алексеевич, фотограф Афонин и журналист из журнала «Военный парад» Неделин. Были сфотографированы 40 опытных образцов различного стрелкового оружия. Жаль, что некоторые разработки были уничтожены. Такая же поездка будет и в С.Петербург в Музей Артиллерии, где хранятся следы конструкторской деятельности. Думаю, что альбом будет впечатляющим.

По Вашему совету я прочёл «Науку побеждать».

Г.Л.! Надо ли воспроизводить то несовершенное творение в виде стихов и эпиграмм?

На второй Ваш вопрос о майоре, с которым я разговаривал в аэропорту в Саудовской Аравии. Жаль, что я не запомнил его имя, а беседа была достойна описания. Майору было поручено проводить меня на самолёт. Вот мы сидим в зале аэропорта, майор говорит через переводчика: «Ваше имя чаще других известных имён повторяется на всех языках мира, как вы к этому относитесь?» Отвечаю: «Отношусь совершенно спокойно». Следует осторожный, с оговорками, вопрос: «А знаете ли вы, сколько людей погибло от вашего автомата?»

Отвечаю: «Оружие я создавал для защиты рубежей своего государства, а не для межнациональных конфликтов». Он спрашивает: «А знаете ли вы, что ваш автомат в некоторых странах изображен даже на знамени?» Ответ: «Я не вижу в этом ничего плохого, если он служит делу мира». Далее майор говорит: «Мы почти каждый день видим, как много людей гибнет от сконструированного вами оружия...» И добавляет: «Я, человек верующий, считаю, что Вы, русский изобретатель, имеете на своей душе много грехов в своей вере, переходите в нашу мусульманскую (магометанскую) веру, и Аллах снимет с Вас все грехи». Я благодарю за такой совет, жму майору руку и говорю: «У меня есть время подумать, а сейчас нас приглашают в самолёт».

Прошу передать привет Вашей правой руке Лари-

се Александровне. Успехов в Вашем нелегком труде.

Привет и добрые пожелания от Фаи.

Всегда Ваш...

10.09.96 г.».

Может быть, подумалось тогда, стали прорастать не только «ижевские зёрна», но потихоньку начали всходить и общие наши, кубанские семена?

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

Это пока не о Калашникове.

Больше — о Зое Алексеевне, которая нынче потихоньку приходит в себя после тяжкой болезни, и я как будто протягиваю ей братский посошок: для первых, Бог даст, прогулок по зелёной травке под теплым осенним солнышком.

В мае на филологическом факультете МГУ состоялась трёхдневная научная конференция «Россия и Северный Кавказ. Взаимовлияние и взаимопроникновение культур». Кроме московских писателей и учёных, в ней участвовали коллеги, приехавшие из горских республик, и на открытии книжной выставки, которая предшествовала первому пленарному заседанию, с понятным интересом я вглядывался в лица собравшихся: неужели не встречу старых товарищей?

Но первой подошла ко мне незнакомая молоденькая женщина, аспирантка филфака Ставропольского университета Елена Чурилова. Обращаясь к моим земляческим чувствам, деликатно и вместе с тем чуть не категорически потребовала: после закрытия выставки всё, что мне тут принадлежит, я должен передать не кому-либо — непременно ей.

— Отвезу в Литературный музей северокавказской литературы при нашем Университете, для нас это очень любопытно. Неужели вы, кубанец, нам не поможет?

На полушутке спросил:

— Вы-то откуда родом?

— Из Джубги.

Осталось только руками развести:

— Н-ну, если из Джубги!.. Только как вы всё потом донесёте?

Изящная, хрупкая, с тонкими чертами мило-видного лица, она упрямо тряхнула локонами:

— Мы из Джубги такие... мы донесём.

Книг было, и правда, немало: четыре объёмистых сборника горской прозы, составленных мной для «Фонда Филатова»: «Война длиной в жизнь», «Цепи снеговых гор», «Лес одиночества», «Дорога домой». И авторские мои «кавказские» книги: «Счастливая черкесска», «Газыри», «Вольный горец»... А она ещё готова забрать мой четырёхтомник: московские, мол, друзья помогут сесть в поезд.

К концу третьего, заключительного, дня ситуация в прямом смысле немного облегчилась: сборник «Дорога домой» с моим печальным, навещающим на горькие размышления предисловием «Хаджи-Кавказ и Жилин с Костылиным» исчез с выставки ещё до её закрытия. Ничего не поделаешь: тот случай, когда пропажа обозначает дорогой сердцу автора знак внимания.

Но и остальные книги еле-еле вошли в почти безразмерный пластиковый мешок упрямой ставропольской аспирантки.

— Без меня не уходите, — попросил её. — Помогите хоть до метро донести.

— Вообще-то я опаздываю, — сказала она. — Главное, не забудьте потом прислать «Дорогу домой»...

— Не уходите, дождитесь, слышите?!

Но тут называют мою фамилию, мой черёд говорить, и уже из-за кафедры вижу, как это хрупкое создание на высоченных каблуках, сильно наклонившись набок, тащит тяжеленный пластиковый мешок... муравьишка, да и только!

Позор, позор нам всем, пишущим и издающим пудовые фолианты!

Отправить посылку в Ставрополь удалось, так вышло, не сразу... Уже на почте не удержался-таки, приписал к письму: «Хочу напомнить, дорогая Елена Александровна, что обещали спросить старших коллег, помнят ли они профессора русской литературы Богомолову. Пусть пожелают ей доброго здоровья. Все эти книги, которые Вам пришлось, мягко говоря, сопровождать в Ставрополь — ещё и на добрую память о Зое Алексеевне».

«НЕ ХОЧЕТСЯ ЛИ ВАМ ПОПИТЬ ЧАЙКУ...»

После трех полновесных бокалов крепенького, с кипреем, чайка потянулся было налить четвертый, промелькнуло, а не хватит ли с утраца, и улыбнулся полузабытому присловью...

Ведь как купцы-то раньше, а?

Гоняли чай, пока «ключи на поясе не становились торчком»!

Однажды, давным-давно, за дружеским чаем, это было мне сказано с щедрой улыбкой, но вместе с тем как бы в ненавязчивое, но суровое наставление.

Говорившему и мне. Нам обоим.

Казаков сказал. В Гаграх.

Скорее всего, когда солнечным днем в Приморском корпусе Дома творчества сидели на лоджии его номера в добела иссушенных за жаркое лето плетеных креслах, поглядывали на серебрившееся внизу Черное море.

— А т-ты знаешь, старичок, как раньше к-купцы...

А может, не заикался. Потому что был в духе.

О, эти счастливые, как понимаешь уже издалека, полные не то что благодати, а — благодати, минуты!

Ведь как все вышло. В конце шестидесятых, еще на сибирской стройке, стал вдруг ловить себя на мысли, что мне уготована судьба романиста-«производственника». Что для кого-то (и я уже начал понимать, для кого) это не только удобно — необходимо. И очень выгодно.

— Ну вот и наш «паровоз»! — вырвалось однажды, когда я вошел, у молодой сотрудницы отдела прозы столичного журнала. — Наша «палочка-выручалочка». А то наши авторы уже заждались...

Как на неё вдруг шикнула заведующая отделом!

Я долго размышлял потом: почему?.. Пока не понял: молодая дуреха простодушно выдала редакционную тайну.

Ведь к моему чумазому «паровозу» с ударной сибирской стройки они прицепили потом столичный «вагон» с модно одетыми элегантными пассажирами...

Не исключено, что подняло бунт провинциальное самолюбие. Или, наконец, достучалось призвание?

Сойди, расслышал, с длинной беговой дорожки! Ты — бегун на короткие дистанции.

Потом, почти полвека спустя, когда собирався в беломорскую Лопшеньгу, на Казаковские чтения, не только снова нашел, но как бы заново вдумался в строки дневника Юрия Нагибина за 1973 год.

В каком-то смысле, выходит, то время было особенное?

Для нас всех.

«...где-то в стороне от проезжих дорог, разбитых копытами першеронов Маркова, Чаковского, Алексеева и иже с ними, — писал в «Дневнике» Нагибин, — начинает натаптываться, покамест едва-едва, тропочка настоящей литературы. «Пастух и пастушка» Астафьева, «Доказательства» Тублина, рассказы Г. Семенова, «Северный дневник» Ю. Казакова, интересный парень появился на Байкале — В. Распутин, рассказы Г. Немченко. Бог даст, к ним присоединится Беломлинская (В. Платова), лучшая из всех, великолепный взрослый писатель пропадает в Балле, все лучше пишет В. Пикуль, хороши очерки злобного Конеч-

кого, но он может не развиваться в писателя по причине узости души, и не сказал последнего слова Аксенов. А Валерия Алфеева, а сколько неизвестных мучаются вынужденной немотой по всей громадной стране. Дай только немного свободы, повторился бы золотой девятнадцатый век».

Разве не искали мы тогда эту самую «свободу»?!

Каждый на свой манер.

В нагибинском списке, за который так запоздало ему благодарен, мы с Казаковым не подалеку, «через» Валю Распутина, но кто был тогда Юрий Павлович, и кто — я?

Но вот, словно взятая опытной рукой Великого Игрока, жалкая моя «фигура» глубокой осенью 1972-го перемещается в опустевшие Гагры, где, сраженный русским недугом, только что упал тоже «мучившийся вынужденной немотой», отчаянно искавший свободы Мастер.

Вдоволь насмотревшийся на своих сибирских братьев, а больше на себя самого, пару лет назад «морским узлом» завязавшего, я с осознанной готовностью подставляю Мастеру непродажное плечо, и он, очнувшись, наконец, стал полон искренней благодарности и вновь полон надежд...

Одно из писем его ко мне позволю себе привести целиком:

«Достославный мой Гарий Леонтьевич!

Не хочется ли вам попить чайку в Гагре — у меня в комнате или в Гагрипше, а? Кипятильник есть, чай индийский — тоже.

Море бушует, верхушки гор в облаках. Зябко.

Зато работать хорошо, на пляж не тянет.

Итак, может быть, до скорой встречи?

Мандарины, груши, хурма, виноград изабелла...

Водки и вина не употребляем.

Вышла у меня книжка «Сев. дневник» — не попадалась? А то могу и подарить, если встретимся.

Следующий заезд сюда числа 12 ноября.

Всего доброго, пиши!

1 ноября 1973.

Ю. Казаков».

Ну как было на этот чистый, как журавлиный клик, прозрачный по осени голос не отзываться?!

И вот — награда.

Может, самая главная в моей жизни — литературная. Может быть, самая главная вообще.

Книжечка небольшого формата, в серенькой, как приполярный короткий денек, обложке: «Северный дневник». С надписью под фотографией Юры, где с черными очками и темной одеждой так контрастен его сияющий лик и белые руки: «Дорогому Гарию Немченко — сердечно и с нежностью. Ю. Казаков. Гагра, ноябрь 1973».

Как нам всем нынче не хватает и того, и другого!

Братской сердечности прежде всего... уж какая там в наше фальшивое время нежность!

А ведь тогда была.

Или при той нашей несвободе заметней виделась? Трогательней ощущалась?..

Теперь об этом многие говорят, но больше всех остальных упомянуть хочется кубанского земляка Юру Пахомова, прекрасного, со своим голосом, прозаика, но прежде всего — порядочного человека, морского офицера, врача по первой профессии. Не однажды страдалца-тёзку Казакова спасавшего. В одной из «крайних» книг Юрия Николаевича, названной пушкинской строкой «Мне грустно и легко», тоже прямым текстом говорится, что Казаков был и предтечей «деревенской прозы», и как бы ее родоначальником.

Но временами кажется вот что. Как наши «деревенщики», пусть тот же Василий Иванович Белов, один из самых ярких и выразительных, печалились о брошенной человеком земле-кормилице, так Юрий Казаков уже тогда оплакивал и словно отпевал сиротское одиночество преданной неблагодарным человечеством всей Матери-земли.

Не этот ли предроковой мотив уже слышен в раннем рассказе «Плачу и рыдаю», опубликованном еще в «Огоньке» в 1963-м? Не он ли, в конце концов, звучит в «Свечечке», которую он дописывал как раз в декабре 73-го, в Гаграх?.. Не то же самое — в мученическом венце его творчества, в рассказе «Во сне ты горько плакал»?

«Такое отчаяние охватило меня, такое горе! Но хриплым, слабым голосом звучала во мне и надежда, что души наши когда-нибудь опять сольются, чтобы уже никогда не разлучаться. Да! Но где, когда это будет?

Впору, братец ты мой, было и мне заплакать...»

Разве это только — о разлучении душ взрослого отца и маленького его сына?

Или же — о неизбежно предстоящей нам всеобщей разлуке с теплым, «голубым и зеленым», миром?

В ящике моего стола лежит листок, подаренный Тамарой, вдовой Казакова, и сыном его Алешей: несколько лет назад на «Казаковских чтениях» в Литературном институте они были вместе. Листок этот — ксерокопия одного из первых рассказов, «Вон бежит собака», написанного в 1961 году.

Над текстом, где многие из нас обычно ставят свою фамилию, мелким, с хорошей портативной машинки, рукою Юры набито: «Господи, благослови!»

Человеком Юрий Павлович был верующим, и от этого, не сомневаюсь, и тот особенный свет в душе, который озарял его короткие, как бы имеющие отношения к волхвам, тексты, и та дополнительная душевная нагрузка, без которой не может быть истинно верующего...

Теперь вот думаю: скорее всего, это от «отца-эконома» из Троице-Сергиевой Лавры Казаков слышал старое присловье: как раньше купцы чай пили.

В больничке поселка Семхоз по Ярославской дороге, что недалеко от Абрамцева, где жил тогда Юрий Павлович, они оказались в

одной палате. И подружились. И наверняка потчевали друг дружку лучшим в те поры индийским чайком — «со слонами».

Конечно же, они обменялись телефонами. Нет-нет перезванивались. И однажды отец-эконом, не знаю, к большому сожалению, доброго его имени, пригласил Юрия Павловича на общую монастырскую трапезу. В честь актера Андрея Мягкова, блестяще сыгравшего Алешу в «Пырьевском», по Федору Михайловичу Достоевскому, фильме «Братья Карамазовы».

Об этой торжественной трапезе слышал от Казакова не однажды. Испытание велико, но не стану пытаться рассказать о ней Юриной прямой речью.

Как наш общий с Казаковым товарищ, писатель Константин Гердов из Гагр, Котэ, давно теперь постаревший Котик, бывало, убежденно советовал: «Включи подсознание!» Так и я теперь обращаюсь к вам с просьбой: «Включите воображение!»

Просторная и благолепная трапезная главного на нашей Руси монастыря. За длинным-предлинным, щедро накрытым столом, согласно не вчера заведенному порядку уселись гости, священники, монахи в черных своих одеждах.

Чего только нет среди красочно сервированного изобилия!

И жареные поросята с гречневой кашей, и красная да белая рыба, и красная да черная икра. Жареные гуси да рябчики. И всякое, на вкус каждого, соленье: капуста, огурчики-помидорчики, грибки...

И — ни единой бутылки на столе.

Многих ли из крепких духом героев не посетит не только земная — прямо-таки богопротивная — мысль: такая закуска пропадает!

Как в торопливости жизни сожалеем обычно: «Такая закуска!..»

На этой не очень высокодуховной мысли, заранее омрачающей предстоящее торжество, делал упор, рассказывая о трапезе, и Юра.

Как он тогда, в монастыре, невольно заскучал...

И вдруг потом услышал чей-то неясный, шепот: «Прости нас, Господи, согрешим!.. Прости нас, Господи!»

И увидел, что несколько монахов достали из-под одежд и выставили на стол богопротивные, но так в сей миг желанные бутылки. С нею, проклятой...

И вот уютно, сытно, тепло. И вроде — ко Господу поближе.

Выпил рюмку еще — и вроде уже совсем близко. А наутро просыпаешься посреди духовных развалин мира...

Вдруг это — самый болючий нерв нынешней нашей жизни?

Хорошо видимая граница между раем на земле и адом на ней. И — невидимая межа в бескрайнем будущем странствии наших душ...

«...души наши опять когда-нибудь сольются, чтобы уже никогда не разлучаться. Да! Но где, когда это будет?»

Пожалуй, коли Бог продлит мои дни, попробую потом рассказать и о своем, так рано разлучившемся с нами семилетнем сынишке Мите, о котором, тогда трехлетнем, мы так часто беседовали с Казаковым в осенних Гаграх.

Может, то было общее наше предчувствие?

Так же, как считаю общим предчувствие полного исчезновения искренности и прищипывание затопившей мир фальши и повсеместного обмана.

Всех. Во всем. Всюду.

Предчувствие нравственного тупика, в который завели нас управители мира... ладно!

Чего только в голову не придет за утренним чайком из высушенного кипрея, который издавна называют у нас «иван-чай».

Старинный «копорский» чай. ■

1-2 сентября 2015 г.

Редакция, авторы и читатели «Родной Кубани» сердечно поздравляют Гурия Леонтьевича с юбилеем и желают творческого долголетия, крепости духа, здоровья и новых свершений на благо России.

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

ИГОРЬ СИРИЦА

Родился в 1961 году в Краснода-
ре. Кандидат юридических наук.
Автор публикаций
по историко-правовым аспектам
деятельности правоохранитель-
ных органов и спецслужб
Кубанской области.
Живёт в Краснодаре.

И.Г. Дудин. Воспоминания об организации Кубано-Черноморской областной рабоче-крестьянской милиции в 1920 году

(Окончание)

СВЯЗЬ С РАЙОНАМИ

Работа в областной милиции стала интерес-
ной, содержательной. Каждый день приносил
новое. Разосланы приказы, протоколы совеща-
ний с изложением принятых решений, письмо
об очередных задачах милиции и запрос о чис-
ленном составе милиции, и, наконец, было раз-
множено и разослано постановление областного
Ревкома о нуждах милиции с приложением мое-
го доклада Ревкому. С периферии стали получать
большую почту.

В августе участились донесения об оживле-
нии бандитских налетов. Участились вылазки
бело-зеленых. В станицах и на хуторах появи-
лись белобандитские агитаторы. Распростра-
нялись среди казаков листовки с призывом го-
товиться к восстанию. Крупная банда пыталась
захватить Армавир. Мелкими бандами изоби-
ловало все Азовское побережье, особенно плав-
ни. Милиция несла тяжелую службу¹. Состав
районных милиций пополнялся за счет отрядов
самообороны. По полученным сведениям, Рев-
кому была доложена общая численность мили-
ции области, достигшая одиннадцати тысяч че-
ловек. Встал остро вопрос о едином понимании
задач рабоче-крестьянской милиции. В отделах²
во главе милиции стояли командиры Красной
Армии, командиры красно-зеленых партизан и
красногвардейских отрядов. Каждый из началь-
ников милиции по-своему, чаще по-военному,
строил милицию. Наряду с героической борьбой
милиции, проявлением беззаветного служения
делу революции, были случаи, когда предатели
переходили с оружием в ряды белых банд, уча-
ствовали в ограблениях.

По мере приближения 14 августа 1920 года, с
каждой почтой всё настойчивее вставал вопрос о
необходимости чистки милиции, но как это сде-
лать? Этот вопрос не покидал меня. Несомнен-
но, надо обратиться за помощью к народу, но как
это сделать, как избавить милицию от преступ-
ного элемента?

* * *

На одно из служебных совещаний мною были
приглашены начальник уголовного розыска, на-
чальник гормилиции, секретарь и старший ин-
спектор облмилиции. Я предложил обсудить ме-
роприятия, которые освободили бы милицию от
примазавшихся элементов. Состоялся большой
разговор. Было высказано несколько предложе-
ний. Все же сошлись на том, что надо провести
чистку, но как?

В виде опыта было решено разработать план
чистки городской милиции. Для этой цели была
избрана комиссия из трех человек.

В начале августа Ревкомом было созвано экс-
тренное совещание с узким кругом приглашен-
ных лиц. В президиуме были: от Ревкома — Ян
Полуян и Коробкин, от обкома и горкома партии
— Лаврентьев и Паня Вишнякова³, от командова-
ния 9-й Армии — Василенко, от облвоенкомата
— Дорошев, от ЧК — Георг Атарбеков и другие.

Открывая собрание, Ян Полуян сделал волну-
ющее заявление.

— Товарищи, — говорил он, — злобный враг
трудового народа черный барон Врангель гото-
вит десант на Кубань.

Он говорил о том, что казаки, горские наро-
ды и иногородние принялись за восстановление
хозяйства. Вновь на Кубани прольется кровь, но
пусть это будет последнее испытание.

— В грозный час опасности пусть никто из вас

не усомнится в нашей силе. Враг будет разбит, враг должен быть уничтожен. С завтрашнего дня все как один дружно будем помогать нашей родной Красной Армии.

Затем слово было предоставлено Атарбекову. Он сказал, что по агентурным сведениям в Феодосии и Керчи стягиваются крупные воинские подразделения. Сюда же стянуты и десантные суда. Все готово к броску, эти два города были переполнены не только военными, но и гражданскими лицами из числа бывших помещиков и фабрикантов. Они очень истосковались по Кубани и жаждали прежней привольной жизни. Нам надо быть готовыми. Каждый день, каждый час мы должны использовать, чтобы дать сокрушительный удар по врагу.

Затем с очень кратким словом выступил Василенко:

— Наша трудность заключается в том, что мы не знаем, где произойдет высадка. Побережье двух морей довольно обширное. Может случиться и так, что возникнут два-три фронта. Будем готовы, товарищи!

Собрание приняло обращение к трудовому населению Кубани.

10 августа при облмилиции было созвано расширенное совещание, на которое, кроме ответственных работников аппарата, были приглашены начальники районов и секретари партийных ячеек. Повестка дня: «Укрепим охрану города». На собрании было решено на посты по городу поставить самых лучших, самых надежных милиционеров, а из остальных — создать резерв с круглосуточным трехсменным дежурством. Об исполнении необходимо было доложить не позднее 15 августа.

Во время заседания Чрезвычайной комиссии быстрым шагом вошел Атарбеков и пригласил меня к себе. Котляренко встал, но Атарбеков усадил его на место, а сам, поглаживая бороду, напряженным взглядом просмотрел список контрреволюционеров, дела которых разбирали. Внимательно и вдумчиво прочел протокол и быстро пошел в свое помещение.

Мирзабекян нас встретил приветливо, открыл кабинет, и мы вошли в прохладную большую комнату.

— Усаживайся, Дудин, — сам поднял трубку телефона. — Командующего! — сказал Атарбеков.

Я сидел и наблюдал: Георг был встревожен, видимо, что-то неладно. Он стоял и пощипывал бороду. Вот он оживился:

— Как дела? Что нового? — спросил он. Выслушав ответ, сказал: — Ну хорошо, — и положил трубку.

— Так вот что, Иван, дела трудные. Как у тебя с милицией?

Я ответил:

— Милиция укомплектована и даже имеется рота сверх штата.

— Это хорошо, а как боевое состояние и надежность? Учти, что враг грузит войска на корабли. Самое трудное для нас, что мы не знаем, где будет высадка. Командование 9-й Армии в большом затруднении. Не сегодня ночью, так завтра утром десант будет где-то высажен. Крепко охраняй город и готовь милицию к бою, и никакой паники.

На другой день, 14 августа 1920 года, я пришел в управление в пять часов утра. По дороге в управление меня задержал постовой милиционер. Пока мы разговаривали, прошел военный патруль. При входе в управление меня окликнул постовой. Поднимаясь на второй этаж, я думал: «Город ошетинился. Службу несут хорошо, значит, народ чувствует опасность. Надо отдать все силы на то, чтобы сделать милицию боевой и надежной».

Зазвонил телефон — говорил заведующий отделом управления Ревкома Каплан.

— Дудин, вы знаете, что Врангель высадил большой десант в Приморско-Ахтарской? Враг с ходу ее занял и движется на Екатеринодар. Милиция готова к эвакуации? Бери машину и приезжай ко мне, вместе обсудим план эвакуации.

Всё это было сказано с большой тревогой в голосе. Я держал трубку телефона и думал — это паника. На пути от Приморско-Ахтарской до

Екатеринодара много крупных станиц и железнодорожных станций. В этом районе расположены крупные воинские соединения. Какие бы силы враг ни высадил, им будет оказано серьезное сопротивление. Конечно, многое зависит от поведения казаков.

В телефонной трубке что-то затрещало. Вновь голос Каплана.

— Вы что, Дудин, молчите?

— Что я могу сказать? Об эвакуации, мне думается, вы рано заговорили. Милицию я готовлю охранять город, бороться с паникерами, а если понадобится, пойдем биться с врагом.

— Вы с ума сошли!

Мне ничего не оставалось делать, как повесить телефонную трубку.

...О чем я думал? Да, надо милицию сделать боевой, надо ее очистить...

Снова звонок. На этот раз звонил Атарбеков.

— Здравствуй, Иван, что делаешь?

— Как тебе сказать? Размышляю над тем, чем милиция может помочь фронту.

Атарбеков долго и натужно кашлял.

— Прости, Дудин, проклятый приступ.

Он не сказал, а как-то прохрипел. Атарбеков был болен астмой и легкими. Что я мог сказать ему в утешение?

— Ты лежи, отдохни немного.

— Хорошо, я тебе позвоню, ты не уходи.

Я сидел и думал о жизни коммуниста. Георг был образцом преданности делу революции, делу партии. Атарбеков был требователен к себе, но и беспощаден к врагам революции. Последние дни он работал дни и ночи...

На Кубань были посланы агенты Врангеля. В Екатеринодаре готовилось восстание. Георг Атарбеков работал над раскрытием, над захватом главарей готовящегося восстания, и это ему удалось, зато себя довел до полного изнеможения сил.

Раздался звонок.

— Это я, Атарбеков. Немного отлегло, отдышался!

Я хотел сказать: «Побереги себя». Но он пере-

бил меня и уже строгим голосом сказал:

— Ты знаешь, что десант высажен?

— Да, знаю.

— Знаешь, что враг имеет успехи? Я сейчас звонил командующему 9-й Армии. Он заперся с начальником штаба у себя в кабинете, но мне сообщил, что десант высадился и что сейчас Левандовский и начальник штаба стараются расшифровать стратегический план противника. Где будет главный удар? В Приморско-Ахтарской или это маневр, чтобы отвлечь наши силы и ударить в другом месте? Как у тебя с милицией?

Я рассказал Атарбекову о принятых мерах: лучшие бойцы милиции будут стоять на постах. Нужна чистка, ненадежный элемент имеется, но как его выявить?

— Держи со мною связь, звони почаще, — сказал Атарбеков.

* * *

В тревоге прошли два дня 14 и 15 августа. Враг смял наши передовые отряды. Брошенные в бой части 9-й Армии вели ожесточенные бои. Озлобленный враг, имея превосходства в численности, теснил наши части. Обе стороны несли большие потери.

В Екатеринодаре создалось очень грозное положение. В это трудное время пришла радостная весть на Кубань: с агитпоездом прибыл всеми глубокоуважаемый Михаил Иванович Калинин⁴. Эта весть не только обрадовала, но и воодушевила. Всё стало выглядеть по-другому. Врангель рассчитывал на восстание богатого казачества. Приезд на Кубань Михаила Ивановича и его выступления в ряде станиц, беседы со старыми казаками, простые душевные слова сделали свое дело.

* * *

В 10 часов утра 16 августа меня вызвали в Ревком. Приемная Ревкома была полна посетителей. Несмотря на это, я был принят немедленно.

Ян Полуян встретил меня вопросом, как дела с милицией? Облвоенком Дорошев, находив-

шийся с докладом у председателя, также задал вопрос, как идут дела с укомплектованием?

— Милиция, товарищ председатель, укомплектована, даже немного превысили утвержденные штаты. Создана запасная рота 220 человек, лошадей мало, и почистить милицию не успел, — отрапортовал я.

— Садись, товарищ Дудин. Ты, надеюсь, знаешь положение на фронте. Мы пока отступаем, — сказал Полуян с горечью.

Вошла секретарь и доложила, что пришли профсоюзные представители и три рабочие делегации.

— Проси, — сказал Полуян.

Кабинет быстро наполнился народом.

— Так вот, Иван Григорьевич, готовь к бою милицию, чистку пока отложить, война очистит, — сказал Полуян и вопросительно посмотрел на меня.

Выйдя из Ревкома, я немедленно отправился в городскую милицию. Пока мы ехали, в моей голове гвоздем засели слова Полуяна — «война очистит». И еще Полуян впервые назвал меня по имени и отчеству, и вопросительно посмотрел. Что это значит?

Долго размышлять мне не пришлось. Машина остановилась у гормилиции. На совещании было доложено, что весь наличный состав профильтрован дважды. На постах стоят наиболее дисциплинированные милиционеры. Хорошее впечатление производят вновь принятые.

— Запасная рота — это боевые ребята. С ними смело пойдем в бой, — сказал Майборода.

В заключение беседы мы обсудили формы созыва районных и общегородских собраний милиции.

Последующие дни (16 и 17 августа) прошли в непрерывных собраниях, заседаниях. Каждый прожитый день был полон тревог. С фронта приходили безрадостные сведения. Враг нас теснил. С 15-го по 22-е августа на объединенном совещании Ревкома, областкома РКП(б), Реввоенсовета 9-й Армии, областного Совета профсоюзов была объявлена «неделя борьбы с Врангелем». 17 и 18 августа были тяжелыми днями для нашей армии.

Поражение под Роговской и занятие Брюховецкой открыло путь белым на Тимашевскую — это большая станция и важный железнодорожный узел, прямой путь на Екатеринодар и другие важные в стратегическом отношении пункты.

Бой под Роговской и нахождение на этом фронте командующего Левандовского со всей убедительностью показали, что именно здесь враг направил свой основной и главный удар.

Еще 17 августа в Екатеринодаре создалось нервно-паническое положение. Некоторые руководители вроде Каплана занялись эвакуацией и, погрузив свои учреждения, сидели в товарных вагонах на станции.

Несмотря на очень грозное положение Ревкома, обком, штаб армии, милиция, ЧК, реввоен трибунал, облвоенкомат и другие усилили свою работу.

18 августа Тимашевская была занята противником. Положение на фронте было тяжелое. Наши силы 9-й Армии в упорных и жестоких боях сильно поределели. Враг с ожесточением обреченного рвался к Екатеринодару.

В ночь на 21 августа Губкомом и Ревкомом было созвано экстренное собрание ответственных. На повестке был один вопрос: доклад командующего 9-й Армией. В 11 часов ночи слово было дано Левандовскому. Он спокойный и сосредоточенный, немного мрачный, рассказал собравшимся, что положение на фронте критическое. Обещанная Юго-Восточным фронтом помощь находится в пути. Наша армия, находящаяся в непрерывных боях на линии Ахтарск — Тимашевская, понесла большие потери как рядовыми бойцами, так и командно-политическим составом. Некоторые части не боеспособны. Нужно немедленно произвести переформирования и пополнения. Но на это надо время, хотя бы три дня, и победа будет за нами.

— Как обстоят дела у противника? — спросил председатель ЧК Котляренко.

— У Улагая⁵ дела обстоят не лучше, а много хуже. У них просчет. Надежда на восстание казачества не оправдалась, а его войска понесли большие потери.

Левандовский переложил стопку бумаг и продолжал.

— По сути дела карта Врангеля бита. Но Улагай, как азартный игрок, должен пойти ва-банк. Надо полагать, что такую ситуацию он не пропустит. Нам надо принять срочные меры и готовить город к обороне. Надо вырвать у противника только три дня и в наших руках победа.

Сразу начались предложения. Все понимали, что сейчас не до разговоров, нужно действовать. Враг у ворот. Было принято решение: все силы — фронту.

Город был объявлен на осадном положении. Началась организация отрядов из рабочих и добровольцев, а их оказалось столько, что облвоенкомат работал днем и ночью, создавая боевые подразделения. Совместно со штабом армии отряды вооружали и отправляли на фронт.

Милиция оказалась на высоте. Областное управление совместно с гормилицией в одни сутки проделало всю организационную работу.

Утром 19 августа нарочным был вызван Шипулин. После рапорта и обмена мнениями о положении города, мы приступили к главному.

— Сегодня будет подписан приказ. Завтра, 20 августа, к 12 часам дня собери весь наличный состав милиции. Сократи посты и разные дежурства. Нам нужно выступить с докладом о положении на фронте.

Мы долго сидели над планом города, сокращая посты и намечая пункты обороны. Когда Шипулин ушел, позвонил председатель ЧК Котляренко.

— Товарищ Дудин, как у тебя обстоит дело с милицией?

Я ему рассказал, что завтра созываю общее собрание, на котором будет объявлена мобилизация милиции. Думаю создать отряд, чтобы быть готовым.

— Это хорошо, это правильно. Ты знаешь положение на фронте?

— Да, знаю.

— Спокойной ночи. Действуй!

* * *

Рано утром я ходил по кабинету, обдумывая свое выступление. Мне вспомнились слова Полуяна — «война очистит». И тут мне пришла мысль объявить мобилизацию, создать отряд и приказать завтра явиться в полной готовности — это будет репетицией готовности, это будет чистка милиции. Все гнилое, наносное отсеется. Кроме того, милиция будет готова выступить на помощь фронту.

В 12 часов 20 августа в каком-то заброшенном помещении (вроде железнодорожного хранилища) были выстроены милиционеры. После обычного приветствия, я выступил с обращением.

— Товарищи милиционеры, товарищи начальники! На Кубани опять запахло порохом. Злобный враг высадил десант в Приморско-Ахтарской.

Я им рассказал о составе белогвардейской армии, что она состоит наполовину из озлобленных офицеров и бежавших с белыми кубанских и донских казаков. Разъяснил им, что собой представляет черный барон Врангель: он лелеет мечту стать правителем России и установить монархическо-царский строй. Рабоче-крестьянская милиция будет оберегать не только родной город, но и будет стойко и мужественно защищать на фронте свободу, земли, фабрики и заводы.

— Итак, товарищи, сегодня будет подписан приказ о создании милицейского отряда. Завтра здесь же соберемся к семи часам утра, имея с собой пару чистого белья и немного на сутки продовольствия.

Затем выступили начальник гормилиции, начальник городского района и два милиционера. Все они говорили о необходимости раздавить белую гадину, что милиция с честью выполнит свой долг, куда бы ни послала их советская власть.

* * *

Поздно вечером раздался телефонный звонок.

— Говорит Атарбеков.

— Слушаю.

— Иван, очень неприятные вести с фронта. Белые думают наступать. Завтра надо ждать ры- вок на Екатеринодар. Как у тебя с милицией?

Я ему рассказал о проделанной работе.

— Сколько бойцов в отряде?

— На митинге было около пятисот. Сколько явится утром — не знаю.

— Я сейчас только что вернулся с военного совещания обкома. Командующий доложил об очень тяжелом положении на фронте. Когда бу- дет готов отряд?

— Завтра будет готов.

— Ну хорошо, действуй!

Я позвонил Шипулину, и мы договорились в шесть часов утра встретиться в областном управ- лении. Разговор будет об отряде, который дол- жен немедленно выступить на фронт.

Несмотря на тревожные дни — молодость есть молодость. Я уснул крепким освежающим сном. В шесть часов утра я, бодрый, сидел за столом и ду- мал. Подумать было о чем. Кого назначить коман- диром отряда, кто будет комиссаром? В какую часть вольют милицейский отряд? Как наладить связь с отрядом, как помочь семьям бойцов? Надо органи- зовать маленький лазарет. Больницы переполнены, много других вопросов. Всё надо предусмотреть.

Позвонил Котляренко и, узнав, что милиция готовит отряд на фронт, сказал, что Чрезвычай- ная Комиссия очень нуждается в помощи мили- ции для оперативной работы.

— Хорошо, учту.

— Учти, что сегодня в 12 часов дня заседание ЧК.

— Прошу перенести заседание на пять часов вечера. Я пойду провожать отряд.

— Хорошо, перенесем!

Пришел Шипулин. Не успели сказать и пару слов, как позвонил Лаврентьев.

— Как думаешь помочь фронту?

— Готовлю отряд. Сколько человек, еще не знаю.

— Ну а все-таки?

— Бойцов триста пятьдесят — четыреста. ЧК тоже просит помощи.

— Ты, я думаю, знаешь положение?

— Знаю.

— Когда отправишь отряд?

— Сегодня, примерно в девять—десять часов утра.

— Хорошо.

Не успел рассказать Шипулину, кто звонил, как вновь звонок. У телефона предревкома По- луян. Разговор все тот же: когда, сколько. Велел связаться с Дорошевым.

С Шипулиным мы быстро договорились. Ко- мандиром отряда он рекомендует Майбороду, а военным комиссаром себя. Это не выйдет — на- чальник городской милиции будет охранять го- род, а в отношении комиссара я поговорю с губ- комом и губвоенкомом. Снова раздался звонок, на этот раз звонил облвоенком Дорошев.

— Отряд готов?

— Готовлю.

— Когда будет готов?

— Примерно через два часа.

— Сколько бойцов?

— Человек триста пятьдесят — четыреста.

— Хорошо. Минутку, даю направление, — по- слышался голос Дорошева. — Маршрут пешим строем до станции Новотитаровскй, где отряд будет погружен в вагоны. На станции Медведов- ской отряд поступит в распоряжение начальника гарнизона.

К семи часам утра мы были на месте. Сбор- ный пункт гудел, как потревоженный улей. Раз- далась команда строиться.

Майборода подошел с рапортом. Милицио- неры стояли с котомками за плечами серьезные и сосредоточенные. Началась проверка по списку. Выяснилось, что не явилось 82 человека. Стар- шему инспектору облмилиции Черняковскому мною было дано распоряжение совместно с на- чальником городской милиции строго проверить и выявить дезертиров для предания суду. «Вот она и чистка, — подумал я. — Полуян предвидел».

Пока шла проверка, ко многим, уходящим на фронт, пришли жены, дети и близкие. Решено дать полчаса на прощанье.

Майборода дал команду быть свободными. Появился оркестр, хотя и небольшой, но контра- басы и валторны начали между собой «перегова- риваться». Отряд оживился.

Вновь команда: «Строиться! Кончай про- щаться!»

В восемь с половиной часов утра 20 августа отряд милиционеров в количестве около четы- рехсот человек с музыкой, пройдя через центр города, вышел на шоссе близ станции «Екатери- нодар-вторая».

Идя по улицам большого города с музыкой, отряд собрал массу народа и казался довольно внушительной силой. В перерывах, когда музы- канты отдыхали, отряд пел песни.

За городом первый привал был сделан на пол- пути до станции Новотитаровская. Отряд сопро- вождали две подводы и легковая машина, на ко- торой сидели две сестры и с ними много коробок с медикаментами.

На привале бойцы отряда шутили:

— Сестрички, какие вы хорошенькие, — гово- рил правофланговый.

А другой боец спрашивал:

— Всё ли, сестрички, захватили? А то у меня живот что-то... того.

— Налей ему, сестра, стопку касторки, пусть его прохватит!

— Стройся! — раздалась команда.

Дорога до Новотитаровскй с перекурами за- няла около пяти часов. Бойцы шли весело. На двух привалах шутки и остроты не прекраща- лись. Во время марша пели песни «Смело мы в бой пойдем» и «Кузнецы» — это были излюблен- ные песни, их пели дружно и воодушевленно.

В два часа мы прибыли на станцию. Отряд от- дышал, жители нас встретили радушно. Две сер- добольные старушки принесли сливы, абрикосы и яблоки — угощали бойцов. К ним присоеди- нились казачки: одна старенькая, другая молодая. Подошли ко мне:

— Возьми, родимый, чай на смерть идешь,

Поглядев своими подслеповатыми глазами, старенькая спросила:

— Где ты орден заработал?

— В Красной Армии в боях с белыми.

— А мой «Геоργия» за войну с немцами имел. Беляки порубали...

Еще что-то хотела сказать разговорчивая ста- руха, но к нам подскочил адъютант.

— Кто здесь командир отряда? — крикнул он.

— Начальник гарнизона требует к себе.

Майборода посмотрел на меня.

— Идите, вас требуют, — сказал я.

Через несколько минут он вернулся.

— Ну что? — спросил я.

— Сейчас подадут вагоны для погрузки.

На станции маневренный паровоз громы- хал порожняком. Раздалась команда строиться. Через несколько минут отряд был на запасном пути. Паровоз подкатил шесть товарных вагонов.

Начальник отряда, взяв под козырек, спро- сил:

— Товарищ начальник, попрощаетесь?

— Да, попрощаюсь!

Раздалась команда ряды сдвоить и стоять вольно.

— Добрый путь вам, дорогие товарищи! Вы идете защищать не только Кубань, вы идете за- щищать Родину, нашу родную Советскую власть. Я верю, что победа будет быстрой. Черный барон Врангель надеялся на восстание казаков, но про- считался. Советская власть — наисправедливей- шая власть во всем мире! Мы вас будем ждать. Я верю, что многие из вас вернуться героями. Да здравствует непобедимая Красная Армия! Да здравствует Советская власть и большевистская партия!

Как обычно прокричали: «Ура!»

Кто-то хотел выступить, но дежурный по станции сказал, что надо скорей грузиться, так как подходит поезд из Екатеринодара, и нас должны к нему подцепить.

— По вагонам! — раздалась команда.

Через десять минут все было погружено. Моя машина подъехала на переезд и ожидала. Маневро- вый паровоз подхватил вагоны и помчал на стрел- ку, чтобы подцепить их к подошедшему поезду.

Я, стоя в машине, смотрел на удаляющихся милиционеров. Теперь они стали красными бойцами, весело пели: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...»

Я стоял, пока они не скрылись в мареве жаркого августовского солнца.

КУБАНЬ ПОБЕЖДАЕТ

22 августа 1920 года, возвращаясь домой с заседания ЧК, я не спешил, хотелось пройтись по городу, подышать свежим воздухом и поразмыслить. Город на осадном положении, погруженный в темноту. На улицах встречались одинокие прохожие, да и то больше военные.

На часах было тридцать пять минут первого. Город казался безжизненным. Однако пристально присмотревшись можно заметить, что город не спит. Во всех этажах и почти в каждой квартире затемнен тусклый огонек. Жители большого города не спят. С занятием белыми Тимашевской и объявления Екатеринодара на осадном положении тревога за судьбу родной Кубани охватила всех советски-мыслящих граждан. Сегодня истекают три дня, которые были нужны командованию 9-й Армии. Враг замешкался, не смог с хода взять город. Теперь брошен под Тимашевскую последний армейский резерв и подошедшие рабочие отряды и милиция, а они состоят из бывалых солдат. После этих размышлений мне стало ясно, что победа за нами.

* * *

На другой день рано утром первым позвонил председатель ЧК Котляренко. Он сказал:

— Есть добрые вести. Рабочие отряды и милиция совместно с армией потеснили противника, бои идут под Тимашевской.

Лишь только я положил трубку, как снова звонок. У аппарата Атарбеков.

— Ну как дела, начальник милиции?

По голосу ясно было, что дела наши неплохи.

— Как будто хорошо...

— Мало того, — перебил меня Атарбеков, — пришло подкрепление. Войска, обещанные Юго-Восточным фронтом, прибыли, разгружаются и направляются на линию огня.

Это сообщение взволновало меня. Ясно, это победа. Хотелось обнять Георга и крепко потоварищески расцеловать, а вместо этого я только и смог сказать:

— Вот это здорово, ведь это победа, черт возьми!

Атарбеков понял мое состояние.

— Звони почаще, — сказал он и положил трубку.

* * *

В два часа дня было созвано совещание гормилиции, уголовного розыска и облмилиции.

— Товарищи! — обратился я к присутствующим. — Мы собрались в добрый час. Угроза Екатеринодару отпала. Враг, заняв Тимашевскую, не смог двинуться дальше. Армейский резерв, отряды рабочих и милиция остановила разбойничью банду. Сегодня мною получены сведения, что войска Юго-Восточного фронта прибыли.

Это сообщение всех взволновало. Поднялся Прокофьев.

— Товарищ Дудин, треба перекур, сидеть невозможно...

Через десять минут мы вновь собрались. Я продолжил.

— Сегодня мы собрались обсудить, каково положение милицейского отряда? Всё ли мы сделали как по обеспечению семей, так и по готовности к приему раненых? Поговорим и о наших дальнейших мероприятиях. Слово предоставляется начальнику гормилиции.

— Товарищи! — начал Шипулин. — Первый рапорт я получил со станции Ведмидовка от Майборода. Он сообщил, что отряд сдал армейскому командиру, и отряду дано специальное задание в районе Поповических хуторов. Больше сведений не получал. Для приема раненых подготовлено два номера на десять коек. Назначена медсестра,

которая связалась с госпиталем. По вопросу помощи семьям, ушедших на фронт: организована выдача бесплатных обедов из милицейской столовой. Заведующий снабжением через ремонтную бригаду оказывает помощь в подготовке жилья к зиме.

— Кто желает высказаться?

Выступили начальник угрозыска, начальник снабжения облмилиции и начальник снабжения гормилиции. Прокофьев обратил внимание на то, что бандитизм усилился, преступность возросла, милицейская служба ослабела, надо срочно принимать меры.

Было решено сообщение Шипулина принять к сведению. По выступлению Прокофьева начальнику гормилиции провести расширенное совещание с руководящим составом, указать им о необходимости усилить работу по борьбе с бандитизмом. В своей работе опираться на помощь населения, для каковой цели провести беседы и освещать в печати случаи помощи населения милиции.

В заключение мною предложено подумать о встрече наших героев-фронтовиков. Начальнику Екатеринодарской милиции дать указание о сборе сведений отличившихся милиционеров как на фронте, так и в тылу.

* * *

На фронте шли жестокие бои. Улагай видел, что план Врангеля не выдержал серьезного испытания, просил о помощи, а затем начал отступать.

Екатеринодар ожил. Как только положение на фронте определилось, было снято осадное положение.

Милиция несла тяжелую службу как в городе, так и по районам. Распад армии Улагая происходил по мере отступления. Большинство казаков не хотело уходить с Кубани, они истосковались по родному очагу. Начали пачками сдаваться в плен.

Милицейский отряд стал опорой, а порой и организатором Советской власти в освобожденных станицах и хуторах.

Начальник Екатеринодарской городской милиции докладывал, что наш отряд сыграл выдающуюся роль. Он отлично бился с врагом, затем стал центральным резервом по организации и защите вновь создаваемой Советской власти в освобожденных станицах. Но беда в том, что вернутся, видимо, не все. Многие рядовые милиционеры стали начальниками. Вернутся только те, у кого есть оседлость.

— Как выполняется приказ о сборе сведения о героях отряда? — спросил я Шипулина.

— Когда был отряд, то хотя бы скудные сведения, но поступали. А теперь поступают редкие письма и случайные сообщения, не подтвержденные документами. Мною выделен человек для связи с оперативным отделом армии. Лучшие сведения и более верные мы получим тогда, когда вернутся наши воины.

* * *

Время шло. По мере продвижения нашей доблестной Красной Армии распад банды Улагая возрастал. Не все осознали, что борьба с Советской властью беспочвенна. Некоторые белые офицеры и рядовые казаки (из богатых), отколовшихся от Улагая, ушли в горы и плавни, образовали мелкие банды.

Задача советской милиции по охране спокойствия граждан стала наиболее острой. Много времени пришлось уделять работе в ЧК.

28 августа 1920 года я был вызван в Ревком. Ян Полуян встретил меня приветливо.

— Садись, товарищ Дудин, — он подвинул мне кресло, — как дела с милицией?

— Дела с милицией трудные. Уходя, враг оставил банды. Мною вам подан рапорт.

— Вот он, — сказал Полуян. — Но учти, что быстрой помощи я не обещаю.

Немного подумав, он сказал:

— Я поговорю с командующим. Скоро снова поможем милиции. Как вернется армия, мы милицию не забудем.

— У меня есть еще просьба: за время боевых операций некоторые милиционеры отличились. Разрешите мне отличившихся наградить ценными подарками?

— О каких ценных подарках идет речь? — спросил Полуян.

— В уголовном розыске и гормилиции имеют-ся разные ценные конфискованные вещи, как-то: золотые, серебряные и вороненой стали часы, серебряные портсигары и отрезы на костюмы.

— Хорошо, готовь список лиц с описанием подвига. Может, найдутся и такие, которых надо представить к награждению орденом?

— Пока ничего сказать не могу. Вернутся из армии — этот вопрос будет уточнен, а пока идет подготовка.

— Хорошо, готовь, — сказал Полуян.

* * *

31 августа 1920 года областное управление милиции издало приказ № 123, где говорилось, что начальнику угрозыска и начальнику гормилиции выслать в мое управление по описи все конфискованные золотые, серебряные и вороненой стали часы, а также серебряные портсигары и другие ценные вещи, пригодные для целей награждения отличившихся в борьбе с десантом Врангеля.

Вскоре начали возвращаться милиционеры-фронтовики. 8 сентября начальник гормилиции обратился в управление облмилиции с рапортом, в котором просил разрешения дать десятидневный отпуск милиционерам, возвращающимся с фронта.

Горячая организационная работа по восстановлению органов милиции в освобожденных станицах заставила мобилизовать всех ответработников управления милиции. Весь руководящий состав после проведенного совещания выехал на периферию по организации и инспектированию милиции.

Меня и начальника гормилиции вызвали на заседание Ревкома. Там Коробкин, член Ревко-

ма, кратко доложил о нашей просьбе по утверждению милицейской формы, разработанной комиссией, наглядно изображенной приглашенными художниками. Принято решение: второй эскиз милицейской формы утвердить. Выделить для нужд милиции необходимый материал. Пошив произвести в мастерских в индивидуальном порядке.

Радостное, повышенное настроение царило всюду. Оно и понятно — ликвидирована грозная опасность. Милиция получила форму и приступила к пошиву.

К этому времени возвратились из отпуска милиционеры-фронтовики. Начальник милиции издал приказ. Помещаю его полностью, ибо он очень характерен и по обращению отражает то время и царившие настроения.

«Приказ по Екатеринодарской отдельской городской Советской рабоче-крестьянской милиции № 190 от 24 сентября 1920 года, город Екатеринодар.

...§ 2. Приветствую дорогих товарищей милиционеров, в тревожный момент горячо откликнувшихся на призыв Рабоче-Крестьянской Вла-сти, а в настоящее время вновь вернувшихся в ряды Екатеринодарской милиции.

Выполнив свой долг на фронте, вы, товарищи, отдохнув должны вновь с новыми силами и энергией приняться за старую будничную работу, за тяжелый труд по охране порядка в городе, по защите жизней и очагов трудящихся.

Непосильная работа, выпавшая в ваше отсутствие на оставшихся товарищей, сломила у слабых энергию и силу, несколько налаженная было служба пошатнулась. Но теперь, когда к нам вернулись наши старые товарищи, я хочу верить, что Екатеринодарская милиция вновь встанет во весь свой рост.

С сегодняшнего дня упреки и нарекания должны смениться благодарностью и доверием тех, кто вручил вам оружие.

Помните, товарищи, что охраняя с ружьем в руках тыл, и тем давая возможность созидать и закреплять на Кубани власть Советов, вы вы-

полняете такую же боевую задачу, как и красные полки на фронте. Идите же, товарищи, на посты и будьте твердыми, надежными защитниками вашей народной, рабочей власти, подавая пример сознательным и добросовестным отношением к делу всем молодым и малосознательным милиционерам.

Да здравствует единая, трудовая семья Екатеринодарской отдельско-городской милиции, спаянная дружескими, товарищескими отношениями, сознательным пониманием своего долга и революционной дисциплиной».

В областном управлении старший инспектор Червяковский и секретарь управления готовили материалы к областному съезду милиции.

Кубано-Черноморский областной ЧК по согласованию с Ревкомом, за неустанную работу по борьбе с десантными войсками Врангеля наградил меня золотыми именными часами.

Все шло хорошо, но вот 18 сентября 1920 года меня вызвало Кавказское бюро ЦК нашей партии в Ростов-на-Дону. На заседании присутствовали А.И. Микоян⁶, Назаретян⁷ и Стопани⁸. Разобрав мое заявление, постановили «рекомендовать тов. Дудина И.Г. начальником Донской милиции».

Мне было очень жаль оставлять большую развернутую работу по организации рабоче-крестьянской милиции на Кубани. Работая начальником Донской областной милиции, я использовал опыт, накопленный на Кубани. По эскизу № 2, утвержденному Кубано-Черноморским ревкомом, Донская областная милиция была одета: милицейская форма должна быть единой. ■

**Бывший начальник
Кубано-Черноморской милиции И.Г. Дудин.
22 октября 1965 года.**

1. В описываемое мною время на Кубани было 29 значительных банд (Примеч. И.Г. Дудина).
2. Отдел – это административно-территориальная единица Кубани в 1920–1924 годах (Примеч. И.Г. Дудина).
3. Вишнякова Прасковья Ивановна – в 1920 г. член Кубано-Черноморского обкома РКП(б) и облизполкома.
4. Калинин Михаил Иванович – с 1919 по 1922 г. председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК).
5. Улагай Сергей Георгиевич – генерал-лейтенант, командующий войсковой операцией Русской армии при высадке десанта из Крыма на Кубань в августе 1920 г.
6. Микоян Анастас Иванович – в 1920 г. секретарь Юго-Восточного бюро РКП(б), затем председатель Северо-Кавказского краевого комитета партии.
7. Назаретян Амаяк Макарович – с 1920 по 1922 г. секретарь Кавказского бюро РКП(б).
8. Стопани Александр Митрофанович – в 1920 г. член Северо-Кавказского Ревкома.

ГОСТЬ НОМЕРА

Марина Шахбазян

Что еще я вспоминаю с невероятным трепетом и благодарностью? Дело в том, что эта историческая тема была бы невозможна, если бы владыка Исидор не благословил острые темы в газете. Еще в начале 1990-х, когда все боялись, он дал добро говорить об этом. Я ведь помню, как трудно вводилась антикоммунистиче-

«ДАЖЕ О СМЕРТИ МЫ ПИШЕМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЕЧНОСТИ»

Беседа Лейлы Гаджиевой с Мариной Шахбазян

Когда расшифровываешь диктофонную запись интервью и понимаешь, что практически ни одного слова менять и переставлять не нужно — все ложится на бумагу логично и предельно точно, — ясно одно: ты имеешь дело с профессионалом. Я знала, что так и будет с Мариной Анатольевной — доктором филологических наук, профессором, редактором газеты «Православный голос Кубани». С 1999 года она без преувеличения влюблена в издание.

В этом году газете 30 лет. Она прекратила свое существование на такой знаменательной дате.

— *Марина Анатольевна, спасибо за то, что нашли время для нашей беседы. Очень хочется оглянуться назад. В этом году газете «Православный голос Кубани» исполнилось 30 лет, и Вы наверняка помните, как она начинала свой путь и каким непростым он был в начале 1990-х? Вы можете назвать эти воспоминания теплыми?*

— Когда появилась газета, я еще в ней не работала. Это было событие для православных верующих не только Кубани, но и вообще страны, потому что газета была одной из первых. Мы были то ли третьей, то ли четвертой тогда еще даже в Советском Союзе, потому что был 1990 год. Издание появилось по инициативе владыки Исидора, который в 1987 году приехал на Кубань. Первым редактором стал протоиерей Сергей Овчинников — тогда еще молодой священник, выпускник филологического факультета КубГУ. Мы с ним были знакомы еще со

студенческих времен, и, конечно, его личный жизненный выбор, когда он связал свою жизнь с Церковью и стал священником, произвел на всех нас, студентов, большое впечатление. То, что он стал редактором газеты, для меня было вдвойне интересно, потому что это не какой-то неизвестный человек, а мой знакомый, вместе с которым я училась.

Нужно еще помнить, что такое 1990-е годы. Это бум СМИ. Газеты и журналы выходили огромными тиражами, был невероятный информационный голод. После того, как многие темы, включая религиозную, были под запретом, вдруг такой прорыв. Конечно же, эта газета в тот момент не была профессиональным газетным изданием: она была скорее, знаете, смесью журнала и прокламации, если можно так выразиться, потому что там были агитационные материалы. В газете было все: проповеди, миссионерские листки и воззвания, перепечатки из книг религиозных мыслителей Серебряного века, что сегодня трудно себе представить. Были и перепечатки святых отцов, потому что такую литературу было не достать, а у отца Сергия Овчинникова — открою секрет — огромная библиотека святоотеческой литературы, в которую мы ныряли периодически, и она стала источником подобных публикаций. Позже они заложили основание и моей кандидатской диссертации, то есть мой интерес к газете способствовал тому, что эти редкие тексты пробудили уже научный интерес к религиозному проникновению в литературу и журналистику Серебряного века.

Тогда газета очень быстро набрала тираж — 5000 экземпляров, что для религиозного издания довольно много. Она была четырехполосной. Обычно две внутренние полосы включали перепечатки из дореволюционных изданий и шли с продолжениями. Их покупали и даже сшивали номера, для того чтобы иметь у себя какую-то статью или небольшой трактат целиком благодаря нашей газете. Также там были церковные документы, которые вызывали огромный всплеск интереса и обсуждались в прессе. Помню, когда я уже стала членом редколлегии (я в редакцию пришла в 1999 году), мы публиковали обсуждение «Социальной концепции Русской православной церкви» с продолжением.

Это тоже было впервые: Церковь определяла свое место в социальной жизни, в жизни общества российского, а это так ново и непривычно, потому что 70 лет Церкви вообще не было — ее вытеснили на периферию в некое изолированное гетто: отпевать и причащать публично нельзя, для того чтобы причастить больного, необходимо разрешение главного врача. Обычно там, где был священник, зашторивали пространство кровати больного от остальной палаты, поэтому можете себе представить, насколько Церковь вытеснили из общественного сознания. Священник не имел права появляться на улице в священнических одеждах, ведь это расценивалось как пропаганда религии. А тут широкое обсуждение места Церкви в жизни общества. Конечно же, это ново и интересно. Это была не просто теплота — горячность. Мы тогда жили этими обсуждениями. В 1990-е годы на территории, например, Литературного музея у нас проходили встречи со священниками. Мы обсуждали церковные документы, публикации. В Доме творческой интеллигенции на улице Коммунаров, там, где располагались Союз писателей и Союз композиторов, была гостиная с кабинетным роялем и круглым столом. Мы

собирались, дискутировали. Если народу было больше, чем вмещала гостиная, мы шли в зал. К сожалению, сегодня таких площадок нет. Литературный музей остался — там порой проводятся такого рода встречи, как и в Пушкинской библиотеке. Но такой горячности, как тогда, в 1990-х, конечно, мы уже не встречаем.

Помимо отца Сергия, я хочу сказать о нашей игуменье Зосиме, настоятельнице женского монастыря в честь иконы Божией Матери «Нерушимая Стена» в Апшеронске. Тогда ее звали Зинаидой Евгеньевной Быстровой. Она была ответственным секретарем газеты: планировала расположение материалов, ездила в типографию, куда привозила набранные материалы, привозила верстку, вычитывала ее, отвозила обратно, все это подписывала к печати и была такой неусыпной матерью этой газеты. Нельзя не сказать о епископе Сочинском и Туапсинском Германе, который вошел в состав редсовета в 2002 году и вел очень трудный раздел — переписку с теми, кто находится в узах.

— *Конечно, духовные запросы человека 1990-х годов существенно отличаются от запросов представителя современности. Тогда люди, как Вы сказали, испытывали информационный голод, в том числе и в православии, а сейчас, когда мы свободно об этом можем говорить, общество уже абсолютно по-другому мыслит. Как Вы можете сравнить эти периоды?*

— Знаете, есть такая особенность: чем шире информационный поток, тем проще в нем захлебнуться. Однажды в 1990-х годах я была в гостях у Григория Ивановича Василенко, генерала службы госбезопасности. На тот момент он уже был в отставке и я была редактором его повести, над которой мы вместе работали. Она выходила в журнале «Кубань». Интересно, что в его библиотеке были авторы, которые, скажем так, в свое время в комитете госбезопасности не очень приветствовались. Когда я увидела их,

рассмеялась и сказала: «Григорий Иванович, ну и зачем было убирать этих авторов в спецхраны? Ведь достаточно было просто опубликовать их большим тиражом, и это перестало бы быть интересным». В свое время, когда трудно было достать книги, мы передавали их друг другу, читали с фонариком, давали на один день и одну ночь. Помню, как я прочитала «О рабстве и свободе человека» Бердяева за сутки, а «Столп и утверждение истины» священника Павла Флоренского — за трое. Сейчас, когда все это лежит в магазинах — можно спокойно пойти купить или погуглить и найти в Интернете — народ читает только сообщения или текст на не более чем 1500 знаков. К сожалению, утрачена культура чтения, навык лонгридов и работы со сложными текстами. Это тоже прививается с детства. Ну, собственно, к чему ворчать (смеется)? Слава Богу, это все издается, и к этому есть доступ. Я очень рада, что причастна к тому, что какие-то книги стали доступными. У нас с супругом был проект, где мы издали более десятка книг святых отцов. Мы брали дореволюционные издания, переводили их на современную орфографию и издавали. Так что, кто хочет, тот сможет найти.

— *Конечно, тогда технологии печати были совершенно иными, и в целом времени на подготовку номера уходило намного больше, чем сегодня. Каким был этот процесс, и правда ли, что Вам порой ночами приходилось работать над номером? Настоящая романтика.*

— Сейчас компьютеры, и все очень просто: не выходя из дома, можно связываться друг с другом, с типографией, издательством, автором. А тогда нужно было заранее созвониться с автором или другим своим источником информации по домашнему телефону, договориться о времени, приехать на трамвае, взять интервью, напечатать его на машинке (кто-то писал от руки, а потом отдавал машинистке). В газете

«Православный голос Кубани» собственной машинистки не было, но она была в епархиальном управлении. Вот она печатала в том числе и для газеты. Матушка Зосима писала от руки, и потом ее рукописи набирались на машинке. Отец Сергей любил надиктовывать, но тоже писал от руки иногда.

Это ведь тоже очень важный момент, когда человек привыкает к форме собственной творческой деятельности. Когда ты пишешь рукой, она является твоим продолжением, и ты, как только начинаешь набирать на компьютере, испытываешь затруднения в выражении своих мыслей, ведь гораздо проще написать от руки. Это дело привычки, конечно. Мама отца Сергея была корректором, и я помню такие случаи, когда нужно было уложиться в сроки, а авторы затягивали, например. Очень мало времени на то, чтобы вычитать ошибки, отредактировать текст. И вот она вычитывала текст, звонила сказать, что занесет его, шла по улице и, чтобы не тратить время, стучала мне в окошечко, отдавала верстку. Я тут же садилась за нее, потому что на счету была каждая минута, чтобы успеть до закрытия типографии.

Представляете, ведь в типографии тоже набирали текст — а это еще был набор металлическими литерами по линейке. Потом отдают корректурный лист-оттиск, с которого мы вычитывали. Оттиски были низкого качества, и принтеры первые были очень слабенькими. А еще мы вычерчивали макеты от руки — даже такое было время.

Огромную благодарность и молитвенную память мы храним о нашем художнике Михаиле Дёмочко. Он разработал шапку для «Православного голоса Кубани» и «Подсолнушка» (причем, это все гравюры), шаблоны рубрик — это касается и «Русской кухни», и «Божьей аптеки» с его рисуночками, «Училища благочестия», «Вечной памяти». Они сохранились до последнего вре-

мени, и даже на 30-м году жизни газеты мы использовали рисунки Миши.

— *Вы стали редактором газеты в 2013 году и 7 лет занимали этот пост. Как менялась редакционная политика издания?*

— Вначале выраженной политики не было. Это была такая всеядность, мы захлебывались информацией, старались ей поделиться, что постепенно стало превращаться в настоящую газету с полосностью, четкой рубрикацией. Я хочу сказать еще о других людях, которые работали в газете: священник Вячеслав Гнеденко и Сергей Шептун. В 1999 году пришли мы с Анной Титовой. Она тогда взяла на себя редакцию детского приложения «Подсолнушек», подыскивала рассказы и писала паломнические материалы. Мы с ней по шесть полос для себя разделили и четко продумывали, где что будет. наших читателей, конечно, нужно было приучать к тому, что находится на каждой полосе. Дело еще в том, что они привыкли читать эти огромные, как говорят журналисты, кирпичи, где перепечатывались святые отцы. «А вот почему вы перестали это публиковать?» Приходилось объяснять, отвечать на письма и звонки, что теперь можно эти книги покупать и не обязательно такие тексты печатать в газете. Или нам присылали огромные статьи по 12—14 страниц и тоже обижались, когда мы говорили, что для газеты нужны покороче материалы. Постепенно приучили к тому, что такое газета.

У нас появился свой авторский актив — равнодушные люди, которые писали о живых церковных проблемах. На четвертой полосе, как правило, были конфликтные материалы в рубрике «О духе времени». Также мы впервые стали говорить на тему, которая замалчивалась в Советском Союзе — жизнь заключенных. У нас появились свои авторы в колониях. Они писали для нас материалы, творческие работы. У нас был автор, замечательный поэт, стихи ко-

торого мы всегда публиковали на Рождество и Пасху. Это тот случай, когда мы обрадовались тому, что перестали от него получать произведения: это означало, что он вышел на свободу. До последнего дня у нас сохранялась четвертая полоса с «Вестями из УФСИН». Сейчас этим занимается целый отдел в епархии: люди ездят в колонии, встречаются с заключенными, дают концерты, оказывают помощь, духовно укрепляют этих людей в их благих намерениях и перепечатываются с ними.

Я также помню, как мы поднимали разговор о пенсионерах. Когда в начале 2000-х были все эти эксперименты с монетизацией льгот и многие СМИ, взяв эту тему, решили отчитаться, что все прекрасно и стоит эту инициативу внедрять, мы, опираясь на опыт наших пенсионеров, которые ездят в храмы, говорили об опасностях, с которыми они могут столкнуться. Мы говорили, что нельзя отменять проездные, ограничиваться 30 талонами на проезд в месяц, потому что это означает, что пенсионеров просто запрут дома. Им трудно ходить пешком — нужно перемещаться на общественном транспорте, а ведь часто и с пересадкой — в тот же самый храм. Потом оказалось, что мы правы. Государство вернулось к этой системе проездных, так что порой очень приятно чувствовать себя причастными к тем нововведениям, которые пошли во благо беззащитным слоям населения, а это дети и старики.

А вот в «Подсолнушке» мы старались детей не назойливо и занудно учить, а с высоким целеполаганием. Говорили о том, что ты должен чувствовать свою ответственность не перед мамой, бабушкой и учительницей, хотя и перед ними тоже — а что есть более высокая ответственность. Ты человек, и твое человеческое достоинство требует того, чтобы ты постоянно об этом помнил. Тебя Господь так сотворил. Ты не можешь быть таким, как собачка, котик или

белочка. Они хороши, но не умеют отвечать за свои поступки, а ты умеешь, ты отличаешься от них. Например, такой у нас замечательный сказочник Станислав Брейэр — немец по национальности и уроженец Краснодара. В свое время он уехал в Германию с мамой, но постоянно был с нами на связи и на протяжении 30 лет присылал свои сказки, где замечательно умел об этом говорить с ребятами. Еще для нас писали Людмила Малышкова и Инесса Ямбулатова, которая в течение последних трех лет присылала замечательные рассказы скорее не для детей, а для взрослых.

— **Чем для Вас всегда был «Православный голос Кубани»? Каким Вы хотели его видеть, чем были недовольны или напротив — восхищены?**

— В газете была очень сильна историческая рубрика. То, что меня восхищало, внес в издание протоиерей Сергей Овчинников — человек, который был не только филологом, но и почти профессиональным историком. От истории литературы он перешел просто к истории, и писал, в частности, о казачестве, ведь был первым войсковым протоиереем Кубанского казачьего войска более 20 лет. Кстати, он был первым, кто написал о гимне Кубани «Ты, Кубань, ты, наша Родина...» Он этот текст, можно сказать, вернул в оборот — написал о нем построфный разбор с литературным и историческим анализом. Протоиерей Сергей Овчинников писал о разных сторонах жизни и быта кубанских казаков, об их менталитете, особенностях мышления и веры, кубанской иконе и кубанской храмовой архитектуре. Этот огромный пласт нашей истории был возвращен во многом благодаря отцу Сергию. Он писал и о теме лихолетья, о том, что здесь творилось в Гражданскую войну, потому что на самом деле история Кубани времен Гражданской войны до сих пор всерьез не написана, нет её художественного осмысления. В этом отношении я могу назвать лишь двух ав-

торов — Виктора Лихоносова («Наш маленький Париж») и Анатолия Знаменского («Красные дни»). Виктор Иванович в большей степени показал дореволюционный Краснодар, а Анатолий Дмитриевич писал как раз о Гражданской войне, о круговерти. Но понимаете, он больше сконцентрировался на войне, а была же еще и невоенная жизнь в эти три года, с 1919 по 1921, которые были совершенно уникальными для Екатеринодара. Здесь находился цвет русской интеллигенции, который подарил нам вузы. Ведь все они — и политехнический, и аграрный, и Кубанский государственный — все родились тогда. Здесь, на Кубани, появилась профессура, интеллигенция, которая уходила вместе с белыми — об этом тоже было не принято говорить в советский период. Собственно, почему мы два раза празднуем юбилей университета? Один — потому что при белых он был открыт, а другой — уже при красных.

Что еще я вспоминаю с невероятным трепетом и благодарностью? Дело в том, что эта историческая тема была бы невозможна, если бы владыка Исидор не благословил на острые темы в газете. Еще в начале 1990-х, когда все боялись, он дал добро говорить об этом. Я ведь помню, как трудно вводилась антикоммунистическая тема в 1980-х, в период перестройки. Я сама к этому имела отношение в журнале «Кубань», когда мы опубликовали стихотворение Юрия Кузнецова «Хотя страна давно его отпела на все свои стальные голоса...» Я тогда работала над этой подборкой, будучи редактором отдела поэзии, критики и библиографии, и мы пропустили стихотворение в печать. Это был просто взрыв, потому что Юрию Кузнецову отказали в Москве: журналы «Наш современник» и «Москва» испугались его напечатать. То есть в провинции какие-то вещи было легче опубликовать.

То же самое касается Гражданской войны. Отец Сергей начал писать о казаках и рассказа-

чивании. Об этом писал и Анатолий Левченко. Мы поднимали тему высылки казаков с Кубани целыми станицами — об этих страшных черных досках, на которых оказались целые станицы. Нужно было мужество, чтобы публиковать, и владыка Исидор брал на себя это. Понимаете, история ведь делается отдельными людьми на самом деле. Если бы не эта ответственность владыки: «Да, об этом нужно говорить», «Да, об этом нужно писать»... Он послал по разным концам епархии циркуляр, в котором потребовал у отцов-настоятелей обратиться к истории храмов и найти тех священников, которые погибли во время Гражданской войны, выполняя свой долг. Я помню, как мы получали эти материалы и публиковали: о том, что священников убивали только за то, что они отслужили, например, молебен. Да, это был молебен, на котором присутствовали белогвардейские части, и священник обязан был его отслужить, за что его потом убивали красные.

Отец Сергей ввел в оборот те материалы, которые публиковались в Русской православной церкви за рубежом. Здесь я хочу сказать о важнейшей миссии, которую на себя взял владыка Исидор. Он благословил печатать на первой полосе не только исторические проповеди, которые произносились епископатом и публиковались до революции, но и те, что произносились зарубежниками. Это было то время, когда очень тихо шли переговоры о воссоединении РПЦ Московского Патриархата и РПЦЗ. Я очень хорошо помню, как один ревностный прихожанин стал меня упрекать за то, что мы опубликовали проповедь архиепископа Иоанна Шаховского. Я тогда спросила, что здесь неправославного. «Да уже хватает того, что он РПЦЗ-шник — его нельзя публиковать». Я сказала: «Ну хорошо, посмотрим года через четыре». Вы знаете, ровно через четыре года произошло воссоединение Церквей, и мы снова встретились с этим че-

ловеком. Он на меня посмотрел и сказал: «Ты что, знала? Откуда у тебя была информация?» Я посмеялась, посмотрела наверх и сказала: «Наверное, оттуда». Он, наверное, подумал, что у меня есть слив информации из Москвы или Нью-Йорка, а речь, собственно, шла только о том, что владыка благословил заниматься этим.

Когда он возглавил первую поездку с Курской Коренной иконой Божией Матери «Знамение» за рубеж после воссоединения Церквей, мы так радовались, потому что это было чем-то теплым и знакомым. Когда владыка вернулся, он дал нам большое интервью, и мы посвятили номер этой поездке, потому что чувствовали, что причастны к тому, что наши Церкви воссоединились. Было так тепло, так здорово чувствовать себя участником таких исторических событий. Эта история вызывает восхищение.

— **А соответствовала ли газета Вашим внутренним представлениям?**

— Иногда были недовольства. Понятно, что не удавалось каждый номер сделать так, чтобы все было идеально. Тем не менее, мы старались. У нас были разные истории, жанры и даже расследования.

— **Какого характера?**

— Например, мы расследовали деятельность одной из сект. Она шифровалась, туда было очень трудно попасть, но так вышло, что наше расследование получилось удачным. Секта использовала православную риторику, вербовала себе сторонников внутри наших храмов и использовала психогенные техники для обработки людей. После нашей публикации эта секта распалась: мы смогли объяснить нашим прихожанам, почему туда нельзя ходить и к каким тяжелым последствиям это может привести. Мы писали и о других псевдоправославных объединениях Краснодарского края. Это бывает сложно, потому что, как правило, в таких образованиях есть культ «гуру» — то, что в православии

называется «младостарчеством»: начинаются письма, жалобы о том, что мы подлинных старцев обижаем. На нас жаловались в Патриархию, но, как правило, мы имели поддержку с ее стороны. То есть Патриархия делала запрос, просила прислать документы, после чего нас всегда поддерживала. Не было такого, чтобы мы получили какое-то серьезное замечание от Москвы за наше расследование, хотя мы и понимали, что каждый раз рискуем. В итоге люди меньше подвергались влиянию этих гуру и языческим сомнениям.

Возможно, кто-то помнит целую серию книг «Откровения ангелов-хранителей». Их автор проживала на территории Краснодарского края, мы несколько раз о ней писали и в конце концов добились самого главного: она лично принесла покаяние за то, что писала, и перестала заниматься своей деятельностью. В этой серии были оккультные размышления, а на обложках книг использовалась православная символика. Книги обманывали людей, что они якобы православные и имеют одобрение Церкви. Мы неоднократно об этом писали, и автор изменила свои взгляды.

Была женщина, которая занималась оккультными практиками и потом принесла покаяние. Она прошла православные курсы, стала крупным церковным жертвователем, построила храм. Она сегодня занимается целительством, но уже совсем на других основаниях в рамках Церкви.

— *Вы не раз отмечали, что любое СМИ нуждается как в традициях, так и в инновациях. Чем это обосновано?*

— Чем я была недовольна, так это тем, что мы не так часто обращались к каким-то культурным феноменам. Церковь — это не часть культуры. Это ее основание. У нас об этом забывают, но, если из культуры выхолостить ее основание, она умрет. Понимаете, когда я говорю о традиции, я

не преувеличиваю, что культура умирает. Если мы не понимаем религиозной подоплеки в той же поэзии, то и не понимаем как минимум 50 процентов, а в иных случаях — и 90 процентов текста, который читаем. Допустим, стихотворение Пушкина «Пророк». Мы не поймем, о чем оно, потому что не знаем ни основание этого текста — пророка Исаию, ни вообще, о чем там говорится. «Жечь сердца людей»... Но можно так зажечь сердце, что человека спалишь дотла. Пушкин ведь не об этом говорит — не об уничтожении, не о сожжении человеческого сердца. Он говорит об очищении, об очищающим огне, о том, что попадает только дурное. А что это такое? Что дурное попадает и что чистое возникает? И главными там являются не эти слова, не «Глаголом жечь сердца людей...», а «Исполнишь волею моей...» Только тогда, когда человек исполняется высшей волей, он правильно будет обращаться своим глаголом к людям, только тогда его пламя будет сжигать дурное в человеке и оставлять все доброе и хорошее, способствуя тому, чтобы оно возрастало, а не попалялось.

Или стихотворения Пастернака из его дневника Юрия Живаго — весь этот цикл замечательный. Я говорю о таких стихотворениях, как «Рождественская звезда». Или возьмем «Преображение». С одной стороны, это августовский солнечный день, а с другой — 6 августа по старому стилю — Преображение Господне. Что это такое? О чем этот праздник? Если мы не знаем, что происходит с Иисусом Христом в момент Преображения, о том, что Он нам всем показывает, что мы не все умрем, но все изменимся и какими мы будем, то не понимаем скрытого смысла этого стихотворения. Вообще мировая поэзия от нас уходит. И смысл Шекспира от нас уходит, если мы не вникаем в христианскую подоплеку его текстов. Мировая литература последних двух тысячелетий основывается на христианской парадигме. Не зная этого, мы

выхолащиваем культуру. Не потому ли наша сегодняшняя литература так мелка и неинтересна, имеет такие маленькие тиражи? Если мы говорим о сколь-нибудь интересном тексте, то обязательно найдем там христианскую подоплеку.

Выставки, кинематограф, Интернет и темы, которые там возникают, — интересны для молодежи, и мы старались об этом писать. Возможно, не так часто, как хотелось бы, но в момент, когда Интернет начал набирать обороты, мы решили все-таки, что лучше это перевести на сайт, нежели в газету, потому что молодежь читает газеты в меньшей степени — общая тенденция всех печатных СМИ. Поэтому инновационные темы были на нашем сайте. В газете мы иногда давали ссылки на него.

Газета есть газета: не всегда ее 12-полосный формат позволял охватить события, которые происходили в Церкви. А было принципиальным показать, что самое важное, чем она живет, — Литургия, хотя в ней есть еще огромное количество разных мероприятий, которые Церковь делает частью общества. Очень многие открывали нашу газету и удивлялись многообразию самых разных сторон общественной церковной жизни. Мы считали долгом писать об этом, и иногда не хватало места. Важно было писать и о культуре, чтобы сохранить эти золотые духовные нити, которыми мы живем, чтобы мы не были какими-то незнамо откуда взявшимися Иванами, не помнящими родства, и понимали свое единство.

— *Как Вам удавалось совмещать работу в университете и в газете? Какое влияние оказывали друг на друга эти виды деятельности?*

— Для меня это было двумя сторонами одного и того же: в университете учить студентов журналистике и в газете применять свои знания на практике. Плюс — приводить в газету практикантов, для того чтобы они работали для нашей газеты и сайта. Кроме того, в епархии было

свое телевидение, где ребята приобщались к работе. Я помню, каким откровением для наших студентов была, например, организация жизни в храме Рождества Христова. Оказалось, это целая жизнь, где можно и на выставку сходить, и с историей познакомиться, и позаниматься в каких-то спортивных и общеобразовательных кружках, и покататься детям на качелях, и сходить в замечательный зоопарк при храме, ухаживать за животными. Это здорово, когда ребенок приобщается к тому, что живая жизнь — вот она — прекрасная, и ты можешь помочь ей, то есть не просто смотреть на нее, а, например, почистить клетку. Здорово, когда ребята даже соревнуются за это. В общем, для наших студентов это было большим открытием, и они писали материалы взахлеб, соревнуясь друг с другом, кто про что пишет для газеты и сайта. «А у вас сайт есть?!» Это было еще одним удивлением.

— *Им казалось, что в Церкви все крайне консервативно.*

— Да, а тут оказалось, что все есть и писать обо всем можно в разных жанрах. Хочешь попробовать себя в расследовании? Вперед! Найди материал для него, и мы тебя опубликуем. Хочешь репортаж написать? Да это один из наших любимых жанров — живой, динамичный!

— *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отмечал, что православное СМИ — прежде всего провозвестник слова Божьего, а не «рыночный продукт». Как вы относитесь к рекламе в православных изданиях?*

— Например, реклама в «Фоме» — это настолько капля в море по финансированию. Вы знаете, наверное, что этот журнал периодически объявляет подписку для жертвователей, потому что иначе они не смогут издаваться. Это одно из самых лучших на сегодняшний день православных изданий, на мой взгляд. Оно не для глубоко воцерковленных людей, а для тех, кто становится на путь воцерковления, не так давно пришел

в Церковь, для церковной интеллигенции. Они пишут достаточно глубоко и интересно, но какие-то вещи для человека, который уже глубоко погружен в жизнь Церкви, кажутся слишком простыми. Однако никакое православное издание на сегодняшний день с «Фомой» не сравнится.

— **Каким Вы видите успешное современное православное СМИ? Можете ли назвать конкретных представителей?**

— Если говорить о других изданиях, все епархиальные газеты разного уровня. В любом случае я против того, чтобы православное издание подстраивалось под вкусы широкой аудитории, снижала свою лексику до просторечий, потому что это та же самая культурная планка. Понимаете, нельзя снижать планку. Это беда. Если мы ее снизим, для того чтобы нас читали, через год нам придется еще раз к этому прибегнуть, потому что мы потеряем часть умной аудитории, а нам нужно расширяться. Чтобы нас понимали еще более, так сказать, примитивные читатели, нужно еще все сильнее примитизировать. Таким образом мы опустимся на самое дно. При владыке Исидоре в редакции периодически говорили о необходимости поддерживать некий культурно-языковой уровень издания. Мы не можем позволить себе быть, например, на уровне «Московского комсомольца» или «Комсомольской правды». Что бы там кто ни говорил о том, что нам нужно расширять аудиторию, мы никогда не завоюем невоцерковленных молодых читателей. Мы должны понимать, что аудитория нашего епархиального издания — воцерковленная, а ее только отпугнет заигрывание с людьми, которые очень далеки от церковной жизни и этики.

Если говорить об очень хорошем уровне внутрицерковного СМИ, я бы назвала портал «Приходы». Это тот самый церковный уровень, который является примером. Наверное, сегодня

всем епархиальным сайтам следует на них равняться.

— **Какие, на Ваш взгляд, перспективы у современных церковных изданий?**

— Я бы сказала, что есть еще ниша церковных журналов, и они ни в коем случае не должны быть новостного газетного типа. Они должны найти свою нишу. Я могу привести пример великолепного журнала «Альфа и Омега». Там есть церковная публицистика, церковная история и богословие. Вот замечательный востребованный журнал, у которого есть свой читатель. Наверное, сегодня глубокий церковный журнал должен обязательно быть рассчитан на церковную аудиторию, не бояться глубоких богословских вопросов — вот тогда он выполнит свою миссию журнала длительного чтения. То есть журнал чем отличается от газеты? Тем, что он не новостной, выходит раз в месяц или раз в квартал, должен содержать тексты, которые не имеют сиюсекундности, не устаревают. Значит, он должен апеллировать к вечным темам.

В чем была проблема нашей газеты? В том, что мы были ежемесячником, который обязан, тем не менее, показывать новости. Мы собирали только самые главные, для того чтобы вся епархия знала, что у нас происходит. Мы информировали и отчасти ориентировали людей, но информирование было запаздывающим. Журнал как раз должен быть полностью ориентирующим: здесь можно говорить о богословии, философских темах, о взгляде с точки зрения вечности на проблемы культуры, общества, человека. Вот сейчас подобного рода журнал будет издаваться в Сочинской епархии. Это совершенно новый проект.

— **Сочинская епархия очень активная.**

— Да, они молодцы, и надо сказать, что место у них такое: с одной стороны курортное побережье, а с другой — Туапсе, промзона. Поэтому они самые разные, и это разнообразие требует различных форм деятельности.

— **Наверное, сегодня привлечь молодежь к посещению храмов через православные СМИ — крайне сложная задача. И все-таки все больше молодых людей становятся прихожанами. Какую информационную политику выигрываете всего избрать церковным СМИ сегодня?**

— Нужно привлекать не молодежь и не стариков. Нужно привлекать людей. В свое время, как это ни парадоксально, универсальное телевидение по типу Первого канала или советского телевидения верно выстраивало сетку вещания — это актуально и для православного ТВ. То есть оно должно ориентироваться на разную аудиторию и, естественно, должно выстраиваться по времени: для детей, взрослых, домохозяек, кинолюбителей. Универсальный тип канала, если говорить о телевидении, мне кажется, — самый важный. А что касается печатных СМИ, здесь нужно уходить в специализацию. То есть в детское издание, епархиальную еженедельную газету, которая будет ориентироваться на епархиального читателя, епархиальный толстый журнал, который должен быть либо специализированным (социальная сфера, богословие и т.д.), либо литературно-художественным, но рассматривать все события с православной точки зрения.

Я хочу сказать, что сегодня ниша православного литературно-художественного журнала не заполнена, но есть литературно-художествен-

ные журналы, которые включают в себя в том числе и православный вектор. Например, журнал «Родная Кубань». Хочется отметить, что это издание является патриотическим и православным. И опять же, мы очень ценим, когда журнал, прямо не позиционируя себя как церковное издание, сохраняя свою светскость, несет в себе православное мироощущение, мировидение.

— **Газета «Православный голос Кубани», к сожалению, прекратила свое существование. Но здесь, честно говоря, почему-то хочется не позволять себе грустить, а вспомнить, какой она была при владыке Исидоре. Как это время живет в Вашей памяти сегодня? Чем всегда принципиально выделялся «Православный голос Кубани»?**

— Знаете, когда-то я работала в журнале «Кубань», ушла оттуда и не пошла работать больше ни в одно СМИ, хотя журналистский зуд настаивал, чтобы я работала. Я поняла для себя, что не смогу работать ни в одном светском СМИ, потому что в них ты все равно будешь так или иначе зависеть от сиюминутной повестки дня. Православные издания — единственные издания, которые на все смотрят с точки зрения вечности. Это коренное отличие любого православного издания от любого светского, о чем бы мы ни говорили. Даже о смерти мы пишем с точки зрения вечности. ■

СОБЫТИЕ

Виктор Лихоносов
В. Л. 06

3 1988

Виктор Лихоносов

НАШ МАЛЕНЬКИЙ ПАРИЖ

(Неписанные воспоминания)

Литературному музею
Л. Г. Кухаренко

В. Лихоносов

Краснодар, 2011
Г. Катрищев

В. И. Лихоносов. 1980 г.

Книга. В. И. Лихоносов. Наш маленький Париж.
Неписанные воспоминания. Краснодар. 2003 г.
С автографом и дарственной подписью Литературному музею Кубани

В. Лихоносов

ВИКТОР
ЛИХОНОСОВ

ЧИСТЫЕ
ГЛАЗА

Вспомни и расскажи
что-то будет
женские са-
таня, таня,
марья
чистые
тоска-ка
родня
чадо
на де
бры
ко
де
о

ВАЛЕРИЯ БЕЛЬТЮКОВА

Родилась в 2001 году в городе Новокубанске. Студентка 4-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в газетах «Завтра», «День литературы», журналах «МОЛОКО», «Родная Кубань», «Наш современник», «Сибирь». Живёт в Краснодаре.

Это была пятая, юбилейная конференция, приуроченная к 85-летию со дня рождения классика русской литературы.

Инициаторами выступили декан факультета журналистики, доктор исторических и социологических наук Валерий Касьянов, главный редактор журнала «Родная Кубань», заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства Юрий Павлов.

Гостями конференции стали Юрий Козлов (прозаик, публицист, главный редактор «Роман-газеты»), Сергей Куняев (критик, публицист, заместитель главного редактора журнала «Наш современник»), Анатолий Байборodin (прозаик, публицист, главный редактор журнала «Сибирь»), Платон Беседин (прозаик, публицист), Дмитрий Ковальчук (директор Института русской и иностранной филологии АГПУ), Ирина Калус (профессор кафедры русской литературы Московского государственного института культуры), Вячеслав Шульженко (профессор Пятигорского государственного университета), Николай Крижановский (заместитель главного редактора журнала «Родная Кубань», доцент АГПУ), Алексей Татаринов (заведующий кафедрой зарубежной литературы и сравнительного культуроведения КубГУ),

В КУБГУ ПРОШЛИ ЕЖЕГОДНЫЕ ЛИХОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

На факультете журналистики КубГУ 4 июня 2021 года прошла ежегодная научно-практическая конференция «Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории».

Виктор Бараков (писатель, публицист, профессор кафедры публицистики и журналистского мастерства КубГУ) и другие. Конференцию также посетили представители Союза писателей России, преподаватели КубГУ, студенты и магистранты. Приветственное, поздравительное слово было направлено от Виктора Гавриловича Захарченко — руководителя Кубанского казачьего хора.

Открывая мероприятие, с приветственным словом к участникам конференции обратился проектор по научной работе и инновациям КубГУ Михаил Владимирович Шарафан: «Я глубоко убежден, что для журналистов очень важен элемент воспитания через любовь к литературе... То, что у журналистов есть возмож-

ность общаться с современником, классиком русской литературы, — это огромная удача и шанс многое перенять».

Действительно, Лихоносовские чтения — это гораздо больше, чем наука. Ведущие писатели, литературоведы, критики каждый год собираются в стенах факультета журналистики, чтобы обсудить актуальные проблемы современности, передать свой опыт студентам, привить им любовь к литературному слову. И о своих студенческих годах Виктор Лихоносов упомянул в выступлении: «Вот в эти недели я вспоминаю, как я 60 лет назад окончил институт на улице Октябрьской, который потом перерос в Кубанский государственный университет. Была весна, очень грустная. Неопределенная жизнь

ожидала». Но главная тема выступления Лихоносова — воспоминания о жене Ивана Бунина Вере Николаевне, о её трудах, жизни и о последних днях. «Мне судьбу выстроил Бунин», — написал я когда-то. Спасибо ему и всей русской литературе», — сказал Лихоносов. Именно поэтому для Виктора Ивановича такое значение имело общение с женой писателя. Виктор Лихоносов рассказал о подаренной ему книге, которую Вера Николаевна специально для него выслала из Парижа. Каждый гость смог подержать в руках это издание с дарственной надписью Веры Буниной: «Уважаемому Виктору Лихоносову с пожеланием побывать в наших местах». Вот так благодаря общению с женой Бунина молодой Лихоносов смог ближе прикоснуться к писателю, оставившему большой след в его творчестве.

Уже сформировавшийся классик русской литературы Виктор Иванович Лихоносов так же влияет на творчество начинающих писателей, журналистов. Студентка 1-го курса магистратуры журфака КубГУ Дарья Заика в своём докладе заметила: «Виктор Иванович — именно что русский писатель, по масштабу своего творческого порыва еще и учитель жизни для грядущих поколений. Классик словом вырубил себе место в отечественном литературном про-

цессе как во времена, когда литература формировала общественное сознание, так и в момент слома эпох, "форматирования" русской культуры на новый лад».

На каждой конференции писатель говорит не только о творчестве, но и о насущных вопросах, дает молодому поколению наставления: «Любите литературу. Она нечаянно приносит счастье и тому, кто не связал с ней свою жизнь. Я всегда говорю, что литература спасла меня».

В творчестве отражается весь духовный мир писателя. Проза Виктора Лихоносова возвышенно чиста, как и его душа. Критик Олег Михайлов так охарактеризовал ее: «Трогательна нравственная чистота, определяющая тональность этих рассказов». В каждом романе, повести, рассказе, очерке чувствуется тяга к светлому, возвышенному, лишенному бытовой суеты. Это замечает каждый внимательный, чуткий читатель. Именно поэтому так часто выступающие характеризовали творчество писателя как нечто искреннее, светлое, лирическое. Дмитрий Ковальчук в своём докладе дал такую характеристику прозе Виктора Лихоносова: «И размышления о вечном, о безусловности душевного порыва, о Родине и судьбах народных заставляют проснуться в душе русского по духу В.И. Лихоносова высокие стремления к чисто-

те проявления любви без отягощения опытом жизни, без знания превратностей судьбы, постигнутым опытом человеческого греха, печальным опытом отпадения от искренности».

И эта писательская искренность находит отклик в сердцах читателей разных поколений. Студентка 4-го курса Лейла Гаджиева заметила: «Когда читаю Виктора Ивановича, у меня ощущение, будто я руками трогаю родную кубанскую землю, хоть и родилась на Камчатке. Но неважно — это все русская земля. Будто держишься за корни неизведанной и близкой давности, заботливо рассматриваешь их и уже не понимаешь, как раньше жил без этих страниц. Наверное, это и есть честность и чистота, когда строки говорят тебе о том, о чем сам себе не решался сказать даже в мыслях».

Другая студентка 4-го курса, Яна Мишурова, отметила, что проза Лихоносова музыкальна: «Изысканная, но в то же время простая и гармоническая манера повествования Виктора Ивановича Лихоносова запечатлела не только буквенный, но и музыкальный код давно ушедшего и быстро уходящего». Не только письменное, но и устное слово писателя отличается напевностью, особой проникновенностью.

Обращаясь к студенткам факультета журналистики, Виктор Лихоносов сказал: «Есть изу-

мительные женские души! Телевидение, театр, кино и даже литература их не раскрыли. Наша жизнь в изобразительном смысле гораздо беднее, чем она есть на самом деле. И вы, студентки, вы лучше, чем вас изобразит какое-то телевидение». Прав Виктор Лихоносов, что сейчас уже нигде не покажут образ богомольной, кроткой женщины, что вообще исчезли русские типы, без которых немыслима наша культура.

Доклад заместителя главного редактора журнала «Наш современник» Сергея Куняева был посвящен работе Вадима Кожина, и его резкой оценке повести Виктора Лихоносова «Люблю тебя светло»: «Вадим Валерианович проигнорировал лирическую ноту, на которую настроено все повествование Лихоносова». Действительно, мотив тихой грусти слышится в каждом слове писателя: «Я всегда писал сердцем. Все натужное, вымученное, взятое с потолка, я не понимаю этого в литературе... Я люблю все живое». В статье «Правота любви» Вадим Кожин негативно отзывался об этой особенности прозы Виктора Лихоносова. Сергей Куняев привел цитату историка, которая точно характеризует его отношение к творчеству Виктора Ивановича: «В искусстве мало только любить. Необходимо еще и воссоздать,

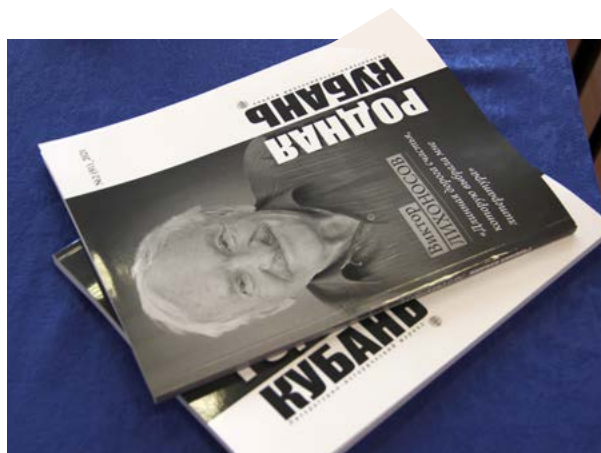
сотворить свою любовь к произведениям, а это далеко не всегда удается Виктору Лихоносову». Ежегодные конференции, посвященные творчеству писателя, полностью опровергают слова Вадима Кожинова. Лихоносовские чтения — доказательство того, что писатель не просто воссоздал свою любовь к литературе, но и сподвигнул многих других к этому.

Анатолий Байбородин в своём выступлении упомянул о том, что советская власть для литературы была самой благословенной во все века: «Тогда в литературу вошёл сам народ... Выдающиеся писатели, среди которых был и Виктор Иванович Лихоносов». По мнению главного редактора журнала «Сибирь», советский период отличался грамотной и качественной издательской политикой. Вся страна читала запоем книги и журналы, которые выходили огромными тиражами. В качестве примера Анатолий Байбородин привел трехмиллионный тираж номера «Роман-газеты» с публикацией Виктора Лихоносова и предисловием к ней Валентина Распутина. Недостигаемые для современных литературных изданий цифры.

Профессор Олег Мороз выступил с докладом о прозе Юрия Козлова. Накануне у литературоведа вышла книга на эту тему «Историко-философские аспекты творчества Юрия Козлова:

философские и эстетические особенности». Научная работа Николая Крижановского на тему «М.О. Меньшиков о Т.Г. Шевченко: идеолог украинского сепаратизма» вызвала дискуссию в аудитории. Виктор Лихоносов сказал, что если пойти по линии национальных преимуществ, то это скажется губительно для всей литературы: «Националисты даже отставали от советской власти. Мы, писатели, видели и чувствовали, как наши современники в республиках поднимаются. И Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов. Они же были все подняты до небес советской властью. И то, что на Украине, к сожалению, с ее величайшей мелодией, песнью не было великой литературы, это правда. Великая литература — только в России. И Гоголь пророс и вырос на почве русской». Эти слова особенно актуальны сегодня, когда русско-украинская тема так громко звучит в медиапространстве.

О другой, не менее злободневной проблеме — терроризме в школах — рассказал Платон Беседин. Истоки этого явления публицист увидел в самом обществе, которое порождает таких убийц, как казанский стрелок: «Резня, стрельба, убийства, насилие в школах — логичный этап утраты нацией смыслового кода, но это и начало нового этапа — утраты чело-

вечности и целостности страны. Решить данную проблему невозможно на одном уровне — здесь, повторяю, необходимо массовое вовлечение». Виктор Лихоносов дал комментарий к выступлению Платона Беседина, сказав, что корень терроризма, зла в том, что «нет веры на нашей земле»...

Мотивы православия, духовности звучат практически во всех произведениях писателя. Преподаватель КубГУ Ольга Татаринова в своем исследовании сравнила субъективное переживание веры в творчестве Виктора Лихоносова и о. Сергия (Круглова). Писатель, как и священник, совершает проповедь, даёт учительское наставление. По мнению Ольги Татариновой, и Лихоносова, и Круглова «роднит отсутствие проповеди, назидания и присутствие исповедального рассказа о том, какие мы есть на самом деле». Действительно, Виктор Иванович не осуждает, не выносит приговор современности, обличая пороки общества и отдельных людей. Писатель говорит о подлинных ценностях жизни, не отвлекаясь на все грязное, тленное, незначительное.

Традиционно в конце заседания прошла свободная дискуссия. Высказаться мог каждый желающий. Студенты, гости, преподаватели выразили слова благодарности организаторам

конференции, поделились впечатлениями.

Юрий Павлов поблагодарил выступавших и подвел итоги: «Великий праздник — слушать гениального человека. Это несомненно так. Каждый раз Виктор Иванович выступает, не повторяя себя, что бывает предельно редко. И настолько оригинальны, глубоко сердечные его мысли, что ими проникаешься и понимаешь, что ты находишься рядом с выдающимся мыслителем, русским человеком. <...> Меня порадовали студенты. Я помню многих из них, когда они обучались на втором курсе и выступали на Селезнёвской, Лихоносовской конференциях. Сегодня это уже другие студенты: у них качественно иное письмо». Их выступления — доказательство того, что конференции проходят не зря, что дело Виктора Ивановича Лихоносова продолжают и студенты, магистранты КубГУ. ■

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Самые главные решения мы принимаем в юности. Выбираем профессию или дело, человека, с которым свяжем личную жизнь, стиль и эстетику – если речь идёт о творчестве. Нужна духовная ясность, много сил и энергии, острота чувств и совесть, чтобы не ошибиться с выбором. «Средь мира дольного / Для сердца вольного / Есть два пути. / Взвесь силу гордую, Взвесь волю твердую, – / Каким идти?» Почти 150 лет назад написано, а как современно звучит! Николай Некрасов с поэмой «Коммуна на Руси»

АЛЕКСАНДР ПОПОВ

БЛОКОВСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО «ОБЛЕГЧЁННОЙ» РОССИИ И ЕГО ИСПОЛНЕНИЕ

Россия вступила в новое столетие и тысячелетие своего существования в условиях очередной глубочайшей смуты и разрухи, и кажется, что наконец исполняется блоковское пророчество, которое он сделал в последний год своей жизни. История повторяется через сто лет: как ее понять? Очевидно, что одного экономического и даже социологического подхода к событиям совершенно недостаточно для объяснения рокового хода истории. Нужен учет духа времени, а точнее духовного вектора российской элиты. Именно поэтому особый интерес представляет творчество поэтов, философов, композиторов Серебряного века, в особенности Блока, выразивших этот дух времени и показавших свое духовное направление.

Говоря о российской элите начала XX века, мы вспоминаем таких ее характерных представителей, как император Николай Романов и Распутин, Витте и Столыпин, братья Рябушинские и Сытин, Плевако и Кони, Победоносцев и митрополит Антоний (Храповицкий), Бердяев и Булгаков, Блок и Белый, Врубель и Саврасов, Скрябин

и Рахманинов, Бунин и Горький. В это время всех представителей российской элиты объединяло некое религиозное пробуждение, интерес к религиозным вопросам, что дало основание философу и писателю Мережковскому сделать вывод о появлении «нового религиозного сознания». «Новое религиозное сознание», естественно, привело к появлению новой русской религиозной философии как особого рода исповедания и религиозного делания. Другим его проявлением стало новое искусство, во многом обращавшееся к религиозным темам и в живописи, и в музыке, и в поэзии и прозе.

Знаковым событием этого религиозного пробуждения интеллигенции стали «Религиозно-философские Собрания», которые происходили в Петербурге в 1901–1903 гг. и на которых Русская православная церковь пыталась выполнить свою миссионерскую задачу в отношении интеллигенции, воцерковить ее, а интеллигенция в свою очередь пыталась подтолкнуть Церковь к реформации для того, чтобы «приблизить Ее к земле».

Интеллигенты считали, что Церковь проповедует небесное и небрежет о земном, которое в основном их интересовало. И поэтому Церковь закономерно теряет свою влияние в мире. Она должна была освятить своим авторитетом общественное и государственное служение интеллигенции и оправдать его. Для этого, по мнению новых «религиозников», нужно было реформировать Церковь и обновить само «обветшавшее» христианство, дать новое Откровение, Новый Третий Завет.

С такой радикальной и даже еретической постановкой вопроса Церковь, конечно, не могла согласиться, и «соединение Церкви с миром, по словам Мережковского, не состоялось». «Собрания» прекратились. Интеллигенция не захотела воцерковиться и продолжила свои религиозные поиски вне Церкви. Более того, она сама стала претендовать не только на роль политического, но и духовного народного руководителя вместо «исторической» Церкви. При этом движущей и преобразующей силой на этом пути должно было стать новое символическое искусство, его теургические, творческие способности по преобразению мира и созданию нового человека.

Тогда-то на первые роли выдвинулись тесно связанные между собой общностью религиозного настроения такие «теурги от искусства», как Вяч. Иванов, Мережковский, Гиппиус, Белый и Блок, Кузмин. Поэт-символист Блок среди них был, по-видимому, самым талантливым и медиумичным, способным улавливать и выражать «звон эпохи». Он, как и весь «орден российской интеллигенции», был характерным зрелым плодом и представителем «петровских реформ» и трехсотлетнего царствования дома Романовых как в своем национальном генотипе, так и в чертах противоречивой и надломленной личности. Именно его творчество стало завершением и концом большого периода русской словесности. Блок отдавал себе отчет в своей медиумической и теургической миссии и в том, что он делает. Еще в 1911 г. он писал: «Я помню ночные разговоры, из которых впервые вырастало сознание неразделенности и неслиян-

ности искусства, жизни и политики». В политике Блок тяготел к эсерам и мистическим анархистам. Его политическим кумиром был певец «творческой страсти разрушения» Михаил Бакунин, его «большевистски» настроенного антагониста Белинского он презирал. Блок был мятежником, «максималистом», «революционером духа». Поэтому по логике политического действия, соответствовавшей политико-религиозным настроениям Блока, о которой он, правда, не задумывался, ему были близки и Троцкий, и Парвус с их теорией и практикой перманентной революции. Другое дело, что Троцкого Блок не переносил на дух как политического жулика.

Не спрашиваясь Блока, эсеры и Троцкий взяли на себя политику, а Блоку досталось искусство. Он стал в определенном смысле «артикуляционным» центром всей культурной элиты начала XX века. О чем же вещал от лица своих единомышленников в своем поэтическом и прозаическом творчестве Блок?

В обстановке религиозного пробуждения Блок выражал общие религиозные поиски «серебряной интеллигенции», а они, как уже было замечено, шли вне Церкви, по линии гностического учения о Третьем завете и Софии, Премудрости Божией, о которой возвестил недавно скончавшийся (1900) В. Соловьёв. Философ еретически трактовал Софию, Премудрость Божию как женственное начало и особую четвертую ипостась Божества, отличную от Иисуса Христа и Троицы. Блок стал одним из первых воплощений в своем искусстве еретических софианских и апокалиптических идей Соловьёва, проповедовавшего сначала о близком приходе Софии-Девы Радужных ворот, а потом и о грядущем антихристе. В отличие от Соловьёва, Блок был не рационалистом, а эмоциональным мистиком-практиком. Он чувствовал себя творцом, пророком и даже священником. И для него философия Соловьёва стала непосредственным руководством к жизненно-поэтическому и религиозному действию. Это мистическое действие было нецерковное, еретическое, т.к. Блок не был православным, как показывает его творчество,

дневники и воспоминания современников. Он верил не во Иисуса Христа, а в Софию, был гностическим мистиком и богемой. Он признавался: «Мистика — богема души, религия — стояние на страже». На страже стоять не хотелось, богемствовать «безумными ночами» было легче.

Блок был не одинок в своих поисках и находках. Он примкнул к кружку юных соловьевцев-софианцев, в который входили, помимо Блока, Белый, А. Петровский, С. Соловьёв, племянник В. Соловьёва, жена Блока Л. Менделеева-Блок. По воспоминаниям Белого, «в 1901 г. мы жили атмосферой его (*Соловьёва. — Авт.*) поэзии как теургическим завершением его учения о Софии-Премудрости и старались понять связь эротической лирики и теософии, сделав соловьевство своим жизненным путем». Когда в результате богемных бдений всем существом Блока овладела поэзия В. Соловьёва, т.е. в него вошел «лилово-зеленый» дух печали, он же дух соловьевской Софии, то родились его песни о Прекрасной даме. Эти песни были выполнением заданий Соловьёва, доведением их до логического конца, до предела, т.е. до «художественной блоковской секты» со своим учением. В то же время для самого поэта-медиума Блока это был уже не контролируемый поток поэтических эмоций, какое-то поэтическое радение, вихрь страсти, приведший поэта к оргиям «снежных ночей», а затем закономерно к отчаянию последних стихов и ернической поэмы «Двенадцать» с хлыстовским призраком «Исуса Христа». По плодам узнаете их так же, как по последнему произведению, — коренной пафос поэта.

Блок сознавал, что его душой все более и более овладевает дух отчаяния, дух печали. Он специально читал «Добротолюбие» в поисках откровений православной мистики и встретил там поучения о мучавшем его духе печали, но заключил, приписав на полях, «знаю, все знаю», «этот демон необходим для художника». А в поучении Аввы Евагрия был дан не только диагноз, но и прогноз одержимости духом печали, который и исполнился не только на Блоке... «Все демоны учат душу сластолюбию, один демон печали этого не дела-

ет, но расстраивает помыслы поступающих в пустынь, пресекая всякое удовольствие душевное и иссушая ее печалию, т.к. мужу печальну изыщут кости» (Притч. 17, 23). Умеренно, впрочем, нападая, он делает отшельника благоискусным: ибо располагает его презирать все блага мира и отвращаться от всякой утехы. Но когда он долго и сильно томит, тогда порождает помыслы, которые советуют отшельнику извести душу свою; или понуждают ее бежать далеко от места того; что, помыслив, и пострадал некогда Иов, будучи томим от него; ибо сказал: аще бы возможно было самых себе убил, или молил иного, дабы ми то сотворил (Иов, 30, 24). Символом этою духа служит ехидна, которой яд, в малом количестве даемый, уничтожает другие яды, а принятый в неумеренном количестве убивает принявшее его живое существо. Сему демону предал Павел коринфского «беззаконника». Таким образом, мы видим, что этот демон был человекоубийцей искони. И поэтому согласие на бесовской соблазн в цепях обогащения творчества и одновременно отпадение от Церкви и Господа Иисуса Христа погубили Блока. По свидетельствам современников, в последний год жизни Блок впал в отчаяние, искал смерти, хотел умереть. Дух печали действительно «обогастил» лиру Блока, но чем? Он влил яд зла в его творчество и сделал его соблазнительным, а потом убил поэта, показав на опыте его жизни, к чему ведут мистические поиски вне Церкви, в том числе софианство, религия романтизма, религиозный эстетизм или эстетическая религия.

Выражая дух времени, Блок искал единомышленников, союзников и опоры не только среди своих братьев-интеллигентов, но и в народе. Со временем выяснилось, что для блоковской «поэтической секты» всего духовно ближе оказались хлысты. Неслучайно, что Блок с начала 1900-х годов систематически интересуется сектами, в особенности сектой хлыстов, бдения которых он иногда посещает и остается премного довольным. Блок писал матери: «...пошли к сектантам, где провели несколько хороших часов. Это не в последний раз». Хлысты, сектанты казались по-

эту-мистику настоящими представителями русскою народа, самим народом. Поэтому Блок с таким уважением относился к хлыстовской поэзии А. Добролюбова и Ключева, а другу последнего — молодому Есенину дал путевку в поэтическую жизнь!

В своем интересе к сектам и хлыстам Блок был не одинок. Интерес разделял его друг альтер-эго, Белый, который шел по той же хлыстовской тропинке, ведшей его не столько в родные хаты, сколько в ложи розенкрейцеров и антропософов. Белый по-своему ясно выразил хлыстовский духовный соблазн как «демонический дублет соборности» в своих поэтических «симфониях», а также в романе «Серебряный голубь». Он высказал единую интуицию и переживание не только посконных хлыстов, но, как оказывается, духовно родственных им Шопенгауэра и Ницше, Вагнера и Скрябина, индуизма и даосизма. Основная тема «мировой симфонии», о которой писал Белый, — это бесконечное кружение в какой-то блудной опьяненности чувством, окольцованность «кольцом возврата», «вечное возвращение», переливчатость сущего, его туманное, клочковатое, клубящееся строение, завывающие и томные мотивы тоски и отчаяния. В мире есть только призрачность человеческих лиц, скорее личин, переливающихся одна в другую и властно, гипнотически и вампирически овладевающих друг другом и живущих друг в друге. Это и есть дух хлыстовской, или дионисийской, «священной любви», через которую возникло и поддерживалось «новое религиозное сознание». Но это же — дух «гробной лазури», метели, выюги, влекущей души любящих к растворению и уничтожению в ней в «сладо-страстии томящегося духа» и «черном огне» грядущего Апокалипсиса. Музыкальным выражением хлыстовских мотивов нового символического искусства стали такие произведения Скрябина, как «Поэма экстаза», «Девятая симфония» («черная месса»), «Сатанинская поэма».

В России статья «хлыстом внутреннего оскотления» было в это время просто, дионисийские радения не надо было далеко искать, вступать

для участия в них в розенкрейцеровские ложи. С 1905 г. по «манию царя» были легализованы все секты, в т.ч. и хлыстовские. Они-то и привлекли наибольшее внимание не только наших поэтов-символистов, философов-софианцев, но и политиков, которые стали хлыстам подражать. В Петербурге, в «башне» поэта и философа Вяч. Иванова, в узком кругу российской культурной элиты от философии и теории, перешли к делу. Происходили кощунственные дионисийские радения, призванные «вернуть» Христу образ бога виноградной лозы Диониса, чтобы впитать в себя экстатическую энергию этого умирающего и возрождающегося бога, слить воедино мистическую силу вина и «антропофагическое благоговение» причастия. Вяч. Иванов со своим кружком, в который входили его жена Зиновьева-Аннибал, Мережковский с женой Гиппиус, Розанов с падчерицей, Кузьмин и Бердяев, Белый и Блок, Лунначарский и Хлебников, развивали «эрос невозможного», сочетали эротическое и смерть, чтобы достичь «религиозного экстаза», преобразиться, стать «новыми людьми», развить в себе чувство астрального, т.н. экстрасенсорное восприятие духов зла. Однако такие люди становились одержимыми духами зла и теряли свою волю. Болезнь воли, проявлявшаяся в неврозах, неврастении, паранойе, шизофрении и т.п., стала характерна для многих представителей российской интеллигенции.

Нетрудно заметить, что эти дионисийские радения отдают коллективным психозом. Но самое интересное, что этот психоз не был исключительно российским интеллигентским явлением. В это же время им страдали и на Западе. Наблюдалось духовное родство не только французских и русских декадентов, поэтов-символистов, французских и русских импрессионистов, кубистов, супрематистов, футуристов и пр. но, и, казалось бы, далеких от них представителей новой науки психологии, в частности, психоанализа, вроде бы, призванных, по иронии судьбы, к лечению душевных заболеваний. Идеи и практика психоанализа с начала века стали проникать в среду рос-

сийской элиты, а ее представители (Э. Метнер, Л. Шестов, С. Соловьёв, Блок и др.) в конце концов оказались на кушетках психоаналитиков.

Что же фактически произошло? Элита как на Западе, так и в России, отпав от Церкви и не находя Ей замену, стала нуждаться в психотерапии, потому что возникли острые психические проблемы. Душевные проблемы интеллигентов сводились, по сути дела, к одной: как обрести свою душу и веру в Бога? Утратив веру в Бога, интеллигент утратил и душу, хотя приобрел взамен за счет науки и техники колоссальную власть над физической природой, а через искусство — власть над душами других людей. Утрата души и веры в Бога привели его к потере опоры в жизни: как бы под ногами разверзлась бездна, куда стало проваливаться все ранее добытое человечеством: государства, национальные богатства, сама история, культура и цивилизация, не говоря уже о миллионах человеческих жизней. В пламени войн и революций родилось апокалиптическое умонастроение, о котором так натурально писал бывший посетитель «Собраний» В. Розанов в 1918 г. Он, однако, так и не признал, что революционный Апокалипсис был следствием сектантства, богоотступничества и материализма, которые на место христианской религии поставили науку и оккультизм.

«Новое религиозное сознание» тщилося создать Новую синкретическую религию, которая была должна «заменить» христианство, дать «Третий Завет» экуменизма. Художники слова Блок, Белый, В. Иванов, Розанов, Мережковский. Гиппиус и их ученые коллеги-психиатры Фрейд, Адлер, Юнг, Ермаков и др. создавали «научные» и художественные «личные мифы» с мифологемами слияния любви и смерти, которые всем предлагались для «тиражирования» как готовые образцы, чтобы сделать не только более привлекательным, но и действенным, «новое» политеистическое, языческое и магическое мировоззрение, чтобы насадить в общественном сознании под прикрытием научной и культурной терминологии «союз сатаны и ан-

тихриста», возродить дионисийские радения.

Единство религиозно-философских взглядов российских и западных коллег видно из программы Юнга, одного из основоположников новой психологии, который категорически заявлял, что «религию может сменить только религия», и ею для него, естественно, должен был стать психоанализ, как для других искусство или философия. Но важна была их общая антихристианская и разрушительная направленность. Формулировки Юнга, с которыми был согласен друг Блока С. Соловьёв, раскрывают многие неясные моменты «дионисизма» и тем дополняют наших поэтов и философов, что и придает им интерес в нашей теме.

Юнг шел в своих рассуждениях от своего дела и рода занятий, но сходным образом. По его мнению, мифологические прозрения психоанализа могли бы стать катализатором культурного обновления и возрождения и стать живой заменой христианству. «Сообщество, которое бы имело какое-то этическое значение, не может быть искусственным, но должно питаться глубокими инстинктами расы. Только мудрые становятся нравственными благодаря голым интеллектуальным предположениям, остальным из нас необходима вечная правда мифа... Этические проблемы сексуальной свободы поистине необозримы и достойны усилий всех честных ученых две тысячи лет христианства должны получить равноценную замену (*в виде столь же мощного всемирного массового движения.* — Авт.). Этическое братство (*предлагавшееся некоторыми немецкими моралистами.* — Авт.), не воодушевленное архаически-инфантильной движущей силой, останется пустым и никогда не сможет возбудить в человеке ни малейшего следа извечной животной энергии, которая влечет птиц через океаны и без которой не возникает непреодолимых массовых движений.

Я считаю, что у психоанализа куда более прекрасная и обширная задача, чем слияние с этическим орденом. Психоанализу, думается, надо дать время, чтобы он мог из многих центров проник-

нуть в сознание народов, снова пробудить у интеллигенции вкус к символам и мифам, незаметно вернуть Христу образ пророчествующего бога виноградной лозы (*т.е. Диониса.* — Авт.), которым он когда-то был, и таким образом, впитать в себя экстатическую инстинктивную энергию христианства для единственной цели — сделать культ и священный миф тем, чем они были, а именно пьяняще-радостным праздником, на котором человек обретает дух и святость животного».

Вот так на «святой плоти», «духа и святости животного», мнимой «экстатической инстинктивной энергии христианства» сошлись в духовном порыве «серебряные» интеллигенты Запада и Востока. Они думали, что сказали новое и полезное для человечества слово. Фактически же они загодя обосновывали духовное порабощение человека неоязычеством вместо христианской свободы, не говоря уже о том, что здесь происходила вульгарная духовная и философская подмена христианского мироздания языческим. Не вдаваясь в анализ этой подмены, отметим, что известный философ и специалист по античной мифологии и философии А.Ф. Лосев ясно показал, что подобные кощунственные связи Христа и Диониса, которые пытался установить Юнг и сочувствующие этой идее «кружковцы» Вяч. Иванова, носили весьма поверхностный и формальный характер и были фактическим недоразумением.

Подобные духовные, религиозные поиски и подмены интеллигентов на Западе и в России говорили о новом, грозном и общественно-опасном явлении.

Некоторые из этих выроdkов в литературе, музыке или мире художеств вошли в последние годы в моду и были провозглашены многочисленными поклонниками за творцов нового искусства и провозвестников грядущих веков. Это явление — далеко не безразличное. Книги и произведения искусства оказывают сильное влияние на массы; в них современники черпают идеалы нравственности и красоты. Если они представляются безумными и враждебными общественному строю,

они, несомненно, вносят смуту в умы и действуют губительно на целые поколения». Отсюда особое значение имеет исследование психологии этих выроdkов и их лечение или изоляция.

Нордау писал, что истерия и неврастения чаще всего встречаются во Франции (откуда он был родом), что именно поэтому все вредные декадентские течения в искусстве и литературе зародились именно во Франции, где и придумали для вырождения термин «fin-de-siecle» — конец века. Она же, как самоубийца, первая провозгласила, что идет к коммунизму во время Парижской Коммуны.

Однако в революционной России, куда вскоре перебросилось декадентство, книга Нордау, который неоднократно посещал Россию для встреч со своими братьями-сионистами, получила совсем другой резонанс, чем рассчитывал автор. Вырождение сочли за признак прогресса. Один из его почитателей писал: «Редкая книга имела такой большой успех в публике, как книга Макса Нордау “Вырождение”... Трудно найти философскую книгу, более способную удовлетворить современного читателя», «самое “вырождение” есть не что иное, как неизбежное явление исторического прогресса, присущее историческому творчеству, т.е. разрушению одних форм и созиданию новых. В самых обновляющих, в самых зиждительных переворотах всемирной истории всегда присутствовало то течение, которое наш автор называет вырождением».

Итак, идеалом «нового человека» для российской элиты стал вырожденец, он же хлыст. Однако о том, что это означает на практике не только для интеллигенции, но и для народа, наши мыслители и поэты не продумали до конца. Да если бы и продумали, но не смогли бы найти выход, потому что уже заранее отказались от спасительных Церкви и христианства. А хлыстовство означает оскотление. И вот такое самооскотление «серебряной интеллигенции» и произошло в России в революциях 1917 г., а потом возобновлялось на всем протяжении советской истории во время громких процессов и гонений на Церковь.

Культурная элита России выражала в художественной форме чаяния всей «серебряной» российской элиты, которая в своем большинстве была против самодержавия и старого векового строя жизни. Произошло на деле слияние политической, художественной и житейской линии, о котором мечтал Блок. Самые видные представители российской элиты стали заговорщиками против самодержавия. Они вместе с военной верхушкой организовали февральский переворот 1917 г., думая, что это приведет их к власти над Россией. Однако жестоко ошиблись. Россия — не игрушка в руках заговорщиков, она подножие престола Богородицы. А поэтому все их планы в конечном итоге рухнули, их предательство, по Божьему попущению, удалось, но оно повлекло за собой цепь других неожиданных для заговорщиков событий и, прежде всего главное — уничтожение русской самодержавной монархии как организующего и объединительного начала русской государственности, а следовательно, и самой государственности. Акт государственной измены стал для заговорщиков, но и не только для них, а для всего русского народа, одновременно и актом самоуничтожения. Россия лишилась не только царя, но и правящей элиты и национальной государственности. Все началось с «декапитации» дома Романовых, а кончилось поголовным террором.

В результате двух переворотов Россия еще раз раскололась, если считать с раскола XVII века. С одной стороны баррикад находилось большинство коренного русского народа, прежде всего крестьян, носителей тысячелетних православных традиций русской цивилизации и приверженцев монархии, а с другой стороны, хотя и относительно малочисленные, но весьма активные, «революционные массы», состоявшие из расхристанных и духовно «облегченных» интеллигентов, лишенных национального сознания, раскольнического и сектантского народа, агрессивного настроенных представителей национальных меньшинств, антирусских националистов, деклассированных и уголовных элементов, слившихся в одном анти-

монархическом и антигосударственном политическом потоке.

После февральского переворота из реторты интеллигентских радений были выпущены «демоны русской революции», начались «дионисические оргии темного мужицкого царства», образовался предвосхищаемый Бердяевым союз сатаны и антихриста, объединение «революционных масс», политических бандитов, хлыстов и раскольников, обыкновенных уголовных преступников, садистов и убийц с правящей масонской верхушкой. Главной их задачей стало уничтожение государственных учреждений России и образование на их месте органов новой антирусской власти. Печально, но факт, предательство монархии и дух политического хлыстовства коснулись не только административной, военной, но и церковной элиты. Известно, что все члены Синода, кроме обер-прокурора Раева, поддержали Временное правительство и призвали православных быть лояльным ему.

После февральской революции началась смена элит. Смена элит осуществлялась Временным Правительством террористическими методами. Террор против старой «серебряной» российской элиты первыми начали «временщики», а не большевики. Государственным преступлением масонского Временного правительства стало уничтожение национальных лидеров великой России — русских монархистов и патриотов. Всего за первые полгода господства над Россией «вольные каменщики» репрессировали десятки тысяч патриотически мыслящих людей, обладавших русским национальным сознанием, — государственных и общественных деятелей, чиновников госаппарата, ученых, журналистов, писателей, которые могли бы организовать народ на восстановление исконной русской государственности и противостоять и «временщикам», и большевикам.

Блока призвали тоже принять участие в этом политическом радении в качестве секретаря-редактора Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений царских министров и сановников. Однако либералов-антимо-

нархистов явно не хватало. В поддержку новой элите из тюрем были выпущены многие тысячи преступников, в основном уголовников, немедленно «влившихся в революционный процесс». Физический и моральный террор против русских людей стал нормой новой государственности. Этот террор имел то последствие, что он предопределил успех большевистского переворота и победу в Гражданской войне.

25 октября 1917 г. к власти пришла новая «стальная элита» большевиков. На смену старой «серебряной» элите пришли чаемые Блоком и поколениями российских интеллигентов «новые люди». Ими в своем большинстве неожиданно для пророков оказались люди, духовно чуждые России. Видя все происходящее, наш поэт-пророк А. Блок отчаянно записывал в свой дневник: «Жизнь безграмотна... оболганная, ожидаемая...». Тогда же он высказал и свое отчаянное пророчество о России. Такое отношение к массовым представителям новой власти поэту не простили, несмотря на его лояльное отношение к большевизму в последней поэме «Двенадцать». Вскоре, всего 41 года от роду, он скончался, как всегда, при невыясненных обстоятельствах...

Назначение инородцев-русофобов на разные ответственные посты стало при большевиках государственной политикой. И эта кадровая политика сохранилась до последних дней советской власти, как и дух хлыстовско-террористического радения. Военной и социальной опорой нового режима с самого начала и до конца его существования стал охлос: разного рода наемники и авантюристы-интернационалисты. Однако было бы неверным утверждать, что в завоевании большевистской власти и в ее утверждении, а вместе с тем, и ее преступлениях, участвовали только антирусские силы и интернационалисты. Обе эти категории были организующей и ударной силой режима, но ее массовую опору все-таки составляли миллионы обманутых и нравственно павших русских людей, среди которых большую часть занимали сектанты, маргинальные, зачастую просто уголовные, слои русского народа, а

также молодежь. На последнюю большевистский режим сделал особую ставку. Десятки тысяч молодых людей, привлеченных возможностью быстро и без особых усилий достичь успеха в жизни, вливались в большевистскую систему, передавая ей свою молодую энергию, максимализм, страстность и напор.

Религиозное чувство еще не зрелых молодых людей (ведь они еще недавно воспитывались в православной вере), часто замешанных в пролитии крови своих соотечественников, усилиями политических алхимиков преобразовалась в сатанинский азарт строителей нового общественного строя, коммунистического рая на земле. Им, не способным еще ничего по своему невежеству созидать, дали безграничное право разрушать «отжившее старое». Таким образом, их энергия вместо созидания была ловко трансформирована в энергию разрушения основ и святынь своей Родины. Именно из этих обманутых и соблазненных людей была создана русская составляющая большевистской элиты, которая не знала своего исторического родства.

Геноцид стал фирменной политикой большевистской элиты. Террористическому удару подверглись сразу все слои старой элиты, не только военная, но и финансово-экономическая и церковная элиты. В итоге всего через год, к 1919 г., 60 процентов церковной элиты было либо истреблено, либо эмигрировало. От ста тысяч дореволюционных священников осталось всего сорок тысяч. Такая геноцидная политика террористических радений не была случайным эпизодом в истории большевистской власти и не зависела от конкретных лиц и исполнителей, т.к. составляла ядро командно-административной системы. Она проводилась непрерывно во время существования советской власти и шла как бы волнами с изобретением новых приемов и поводов. Как только в очередной раз выяснялось, что Россия быстро, несмотря ни на что, залечивает раны братоубийства, репрессий и голода, и русский народ вовсе не собирается отречься от веры своих предков и своей великой судьбы, большевистская власть

и заокеанские политики вновь и вновь — расчетливо, цинично и беспощадно — ввергали народ в очередную кровавую мясорубку: сначала это был «военный коммунизм», потом «коллективизация», за ней «ежовщина» и «безбожная пятилетка», потом война, разоблачение культа личности, строительство коммунизма, застой, перестройка. Все было направлено на подавление воли русского народа.

Вакханалия политического радения на съездах партии, митингах, партийных собраниях, судебных процессах дополнялись гонением на Церковь, как духовного противника политической хлыстовщины. Нападки на Церковь логично дополнялись нападками на все народные святыни, на русскую историю, культуру, на все коренные понятия русской самосознания: патриотизм, державничество, национальное единство и национальную гордость. Русоненавистничество безраздельно царило в значительной части большевистской элиты и особенно в агитационно-пропагандистском аппарате коммунистической партии. В едином злобном хоре объединились все радеющие лидеры большевиков: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин. Сталин. Сталин указывал: «Решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии».

Этот социальный заказ партии выполняла не только ЧК-ОГПУ, но сродная ей новая «культурная элита». После Блока на сцену культуры во время большевистского правления вышли его духовные преемники в деле сотворения «нового человека» и «нового мира»: Маяковский и Эренбург, Луговской и Заболоцкий, Мандельштам и Пастернак, Цветаева и Бродский. Их общим знаменателем стал космополитизм и отказ от русской духовной традиции. Уже в 20-х годах академик Покровский — главный историк страны — требовал запретить само понятие «русская история» как реакционное. «Пролетарские» поэты Мариенгоф, Маяковский, Александровский в поэтической форме проклинали Русь и кликушествовали: «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?

Что же! Вечная память тебе». Но одни пролеткультовцы не могли достойно выполнить социальный заказ партии и ОГПУ, нужен был русский расхристаный талант, и потому в 1928 г. в Италии был эксгумирован «политический труп» «великого пролетарского писателя» М. Горького, которому заботливый Сталин обещал и дал не только всенародную славу, но и «золотые горы и реки, полные вина».

Эта радеющая культурная элита стала народным поводырем, она направила духовную энергию народа, оторванную от национальных православных святынь в русло построения социализма и коммунизма, этого рая на земле. Только такая великая, всемирная и абсолютная цепь могла хоть в какой-то мере оправдать в глазах русского человека те неимоверные жертвы, которые год за годом требовала от него «пролетарская» власть. Миф коммунизма стал ложной целью, подменой, которая направила в ложном направлении неисчерпаемые источники могучей религиозной энергии русского народа, веками питавшие его жизнь, обеспечивая духовное здоровье народа и величие державы. Соборность заменилась большевистским коллективизмом духовных скопцов.

Именно так, по словам митр. Иоанна, используя псевдомессианские мотивы «последнего и решительного боя», спекулируя на естественном многовековом стремлении людей к «царству всеобщего братства и справедливости», разрушителям удалось обольстить русский народ, замутить и исказить его исконное христианское самосознание, искалечить и растлить соборную душу России, привычно, легко и быстро откликавшуюся на всякий мессианский зов. Народ согрешил, поверив лукавым вождям и лживым пророкам, — он поддался дьявольскому соблазну: собственными усилиями, без Бога построить «рай на земле».

И когда в шестидесятые годы XX века начался новый поворот государственной политики, а ее главное направление — массовый террор — прекратился, то, несмотря на то, что в советском обществе заявила о себе русская линия, в том числе среди культурной элиты, писателей, художников,

выступивших с яркими произведениями, дух идеологического догматизма, нравственного нигилизма и духовного хлыстовства оказался слишком силен даже среди «государственно-национального» партийного крыла, а позиции русофобского, космополитического ядра в аппарате, напротив, были слишком прочными. Поэтому «перестройка» Горбачева и его окружения пошла не по пути возрождения православной России, а по второму более легкому и, казалось бы, понятному пути либерализации. Горбачев двусмысленно заговорил на троцкистском языке о том, что «революция продолжается», и призвал партию быть бдительной, когда «под видом национальной самобытности в некоторых произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки...».

Так началась «перестройка», которая плавно перетекла в «катастрофику» с ее нынешними результатами и новым составом «целлулоидной» российской элиты. Единое государство разрушено, а русский народ расчленен на части границами новоявленных «независимых государств», что было заложено в проекте СССР. Россия отброшена в своем территориальном развитии почти на триста лет назад. Произошла практически необратимая нравственная деградация общества и российской элиты, не устоявших перед шквалом безнравственности и цинизма, обрушившегося за последние десять лет со страниц «свободной» прессы и телевидения. Возрождающаяся Церковь подверглась бешеным атакам еретиков и сектантов со всего света, прибывших в Россию, чтобы

«просветить» русских варваров. Воцерковление русскую народную оказалось существенно затруднено, а наметившиеся ростки здорового национально-религиозного возрождения и самосознания были погребены под грудой нечистой «рок-культуры», фальшивых ценностей западного «общества потребления», «прав человека». К власти пришли окончательно «облегченные», безответственные и легкие, как целлулоидные шарики, потомки «интернационалистов-коммунистов», богоборцы и космополиты, которых русская история ничему не научила, потому что они ее не знают и знать не хотят.

И кажется, что уже исполняется мрачное пророчество Блока о перестроенной и исчезнувшей России, к чему и он сам «со товарищи» приложил руку. Им, радеющим, было недостаточно печального опыта Ницше, сошедшего с ума на почве отождествления себя с Дионисом. Они хотели сами испытать дионисический экстаз, а вызвали вместо этого дух все сметающей перманентной революции, дух массового террора. Со всей остротой встал вопрос о том, что же делать русским в нынешних условиях, в начале нового XXI века, какие уроки истории и как мы должны и можем извлечь. Очевидно, что нам не по пути с сектантами, духовный вектор должен быть направлен в сторону Бога, Господа Иисуса Христа, а не Софии, столбовым путем может быть только воцерковление русскую народную и его элиты. В Церкви русский человек обретает неповрежденный разум и деятельную волю. А к благу произволению присоединяется благодать Божия, которая «превозмогает естества чин» и нарушает все планы Нового мирового порядка. ■

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

Родилась в 1966 году. Окончила исторический факультет Воронежского пединститута и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг прозы, публицистики, литературной критики. Главный редактор интернет-журнала «МОЛОКО». Проза Лидии Сычёвой переведена на арабский, болгарский, китайский и немецкий языки. Живёт и работает в Москве.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Одно из самых счастливых человеческих состояний — выздоровление. Оно похоже на летний рассвет, обещающий ясный и щедрый день. У тебя ещё нет сил даже твёрдо пройти по комнате — так тяжела болезнь, но в душе уже проснулась радость («аж солнце в груди!»), и ты обещаешь и себе, и миру, что как только совсем поправишься, сделаешь и то, и это, совершишь что-то необыкновенное, для чего тебе и дарована жизнь, и уж, конечно, не будешь тратить время на суету и пустяки. Но потом, в «быстроходячем» периоде, набегает мелкие заботы, и от обещанного и задуманного хорошо если выполняется треть.

А всё же это чувство — возвращение к себе — прекрасно!.. Жаль только, что часто оно приходит через страдание. «Вся жизнь, как череда поражений, И ты идешь к начертанной судьбе. Из всех, плохих и добрых, возвращений есть возвращенье главное — к себе».

Самые главные решения мы принимаем в юности. Выбираем профессию или дело, человека, с которым свяжем личную жизнь, стиль и эстетику — если речь идёт о творчестве. Нужна духовная ясность, много сил и энергии, острота чувств и совесть, чтобы не ошибиться с выбором. «Средь мира дольного / Для сердца вольного / Есть два пути. / Взвесь силу гордую, Взвесь волю твердую, — / Каким идти?» Почти 150 лет назад написано, а как современно звучит! Николай Некрасов с поэмой «Кому на Руси жить хорошо» легко «перешибает» речёвки рэперов-многомиллионников, коих «развелось, как комаров». Как будто сегодня сказано: «Одна просторная Дорога — торная, / Страстей раба, / По ней громадная, / К соблазну жадная / Идет толпа». И — второй путь: «Другая — тесная Дорога, честная, / По ней идут / Лишь души сильные, / Любвеобильные, / На бой, на труд».

Некрасов — современник и летописец «революции сверху», реформ Александра II, поста-

вившего страну на капиталистический путь. Российский правящий класс решил догонять Запад, перенять тамошний экономический уклад и — «ни в чём себе не отказывать». (Замечательно описан Маминым-Сибиряком тогдашний тип олигарха в «Приваловских миллионах»!) Эксперимент 1861–1917 гг. окончился порабощением страны иностранным финансовым капиталом, втягиванием в Первую мировую и поражением в ней, крахом государственности, распадом империи, Гражданской войной, террором, неисчислимыми бедствиями. И — отвержением власти капитала (т.е. власти денег) большинством народа, участием в новом социальном эксперименте, в основание которого было положено опять-таки заёмное, западное учение — марксизм.

Советская система продержалась семь десятиков лет. СССР был во многом самодостаточным государством — мощное авиастроение и судостроение, развитая атомная промышленность, а уж в космос мы вообще вышли первыми! Были достижения в литературе и в кино, в образовании и науке. А самое главное, сквозь идеологические догмы марксизма-ленинизма и цензурные препоны стала прорастать и наша доморощенная концептуальность. А именно: ноосферная модель развития цивилизации Владимира Вернадского — Ивана Ефремова. Общество, устремлённое к поиску, открытию, духовному самосовершенствованию, к устранению войн и человеческих бедствий, к сбережению природы и освоению космоса.

Но идея ноосферного коммунизма так и не была осмыслена советским правящим классом. Госбезопасность уберегла партийцев от уклона в самобытность (роман Ивана Ефремова «Час быка» по требованию председателя КГБ Юрия Андропова был запрещен к переизданию), но не спасла СССР от поражения в холодной войне. СССР демонтировали в 1991 году вопреки воле народа, высказавшегося за сохранение государства на все-

союзном референдуме. И — ради чего была разрушена могучая держава? Ради наступления на те же грабли столетней давности — власти иностранного финансового капитала! Того самого, чьи пороки бичевали Толстой и Достоевский, Некрасов и Блок. Не потому ли русскую классику чиновники от образования ныне потеснили «компетенциями» и тестами? Чтобы юношество, не дай бог, не приобрело опасное для мира барыша направление мыслей. Потому как Гриша Добросклонов, герой поэмы Некрасова, уже в 15 лет твёрдо знал «Кому отдаст всю жизнь свою / И за кого умрет».

Как совершил он свой выбор? «Над Русью оживающей / Святая песня слышится: / То ангел милосердия, / Незримо пролетающий / Над нею, души сильные / Зовёт на честный путь».

Вопрос: как услышать ангела милосердия, а услышав, откликнуться на зов красоты? Грише Добросклонову было легче выбирать, чем нынешнему поколению молодых людей. Да, герой поэмы Некрасова мог умереть в детстве от голода — в их семье бедняков даже кусок хлеба нечем было посолить, но зато он был окружен материнской любовью, сочувствием крестьян-вахлаков, подкармливающих вечно голодного сына дьячка.

Народ наш часто пребывал в состоянии «Великого поста» и недоедания — то война, то недород, то засуха, то наводнение. И — вдруг!.. Никогда, наверное, за всю свою историю россияне не жили в такой физиологической сытости и духовном равнодушии, как в «нулевые» и частично «десятые» годы. Нефтяные деньги, пальмовое масло, дешёвый алкоголь, китайский ширпотреб, шашлыки и пикники, зарубежные курорты, равнодушие к разврату на ТВ, равнодушие к «оптимизации» образования и здравоохранения, равнодушие к убиению деревень, деиндустриализация, денационализация, десакрализация — всё это было на нашей памяти. Годы благополучия? Или — ловкий подкуп примитивным потреблением в обмен на самое дорогое — души детей и молодежи. Будущее за колбасу продали? Причем за ту, где и мяса нет, — технические регламенты разрешают! А вскоре началось доселе невиданное: расстрелы в учебных

заведениях, самоубийства подростков, в том числе парные, патологическая жестокость молодых людей, убивающих для забавы бездомных и снимающих об этом видео.

Разве это не диагноз обществу, где «по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь»?..

Трудно ныне подростку или юноше сделать выбор, услышать летящего над Русью ангела милосердия. Для этого, как минимум, надо поднять голову к небу, оторваться от смартфона, вынуть из ушей наушники, в которых звучит «модная музыка», навязанная глобальными медиа и наполненная цинизмом и скабрёзностями. Трудно сделать выбор, когда кажется, что никакого выбора ни у тебя лично, ни у страны, ни у человечества нет, а есть только «Одна просторная Дорога — торная, Страстей раба». Пусть даже раб и мнит себя господином, считая, что формула «бога нет — всё разрешено» даёт право на вседозволенность. Эта идея активно продвигается средствами так называемого «современного искусства». Живопись из фекалий, карта России, составленная из грязных половых тряпок, литература-травмоговорение про сложный выбор полового извращения. Такой вот «голос»! Из подвала цифрового мира, где давно идёт жесткая слежка за каждой открытой страницей в интернете, каждой реакцией пользователя и его действием.

«Инклюзивное искусство» призвано подготовить почву для «инклюзивного капитализма», нового мирового порядка, который возводят на наших глазах глобалисты. Убрав последнее препятствие — СССР, они сделали свой выбор и откровенно о нём написали в книге «COVID-19: Великая перезагрузка». Её авторы — экономист, основатель и руководитель Давосского форума Клаус Шваб и его консультант, специалист по России Тьерри Маллере. Глобалисты открыто объявили планетарную программу на ближайшие годы. Суть её сводится к разделению общества на два класса — очень богатых и очень бедных, к трансгуманизму, тотальной слежке, сокращению населения, исчезновению национальных госу-

дарств. Клаус Шваб и Тьерри Маллере предлагают миру электронный концлагерь для большинства, наслаждение безграничной властью — для избранных.

«Вас даже горный праздничный Давос / Не прополощет в бане древнегреческой, / Обыкновенный рыночный навоз / Под именем элиты человеческой!..» Эти стихи Валентина Сорокина я прочитала два года назад в Борисоглебске на круглом столе «Отцы и дети: настоящее и будущее русской литературы», который проходил в рамках фестиваля «Во славу Бориса и Глеба». После выступления ко мне подходили зрители, спрашивали: «Неужели эти стихи написаны в 1998 году?!» «Не только написаны, но и тогда же опубликованы в газете «Завтра». «Невероятно! Как пророчески сказано!.. Как будто сегодня...»

А теперь эти строки стали ещё современной: «И пусть взлетит с холма суровый крест / Над виллами банкирства и купечества. / Пусть встанет храм несбывшихся невест / И нерождённых сыновей Отечества». Настоящая литература не только живёт в современности — настоящей жизнью живёт, очень и очень непростой!.. — но и намного опережает своё время.

Герой стихов Валентина Сорокина сделал свой нравственный выбор в юности: «Век поэта — грозное мерило. / Все, что есть в душе, / Не утаю. / Мне Россия сердце подарила, / Я его России отдаю!» Это именно герой в первоначальном смысле этого слова. Карл Густав Юнг, «отец» аналитической психологии, писал: «В мифах героем является тот, кто побеждает дракона, а не тот, кого дракон сжирает».

Опора для героя — родина, родная земля: «Я отсюда в сражение вышел, / Потому среди ночи и дня / Над собою не чувствую крыши, / Отделяющей мир от меня». Так вот же она, Самость! То, что называл Юнг «Богом в нас», «неразличимую

нами сущность, саму по себе для нас непостижимую»... Ангел милосердия и чувство родины — неразделимы.

В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» по честной дороге идут лишь «души сильные, / Любвеобильные». Любви не хватает современной литературе! Авторам, читателям, писателям. Многим книгам. Искренней любви, а не потому, что писатель тебе близок «идеологически» или его велели любить модные критики, торговцы именами, «прогрессивная общественность».

Настоящая любовь открывает любые двери, смягчает любые сердца. В 2019 году мне удалось запустить серию «Любимые» в издательстве «Вече». В ней вышли хорошие книги прозы — «Пять синих слив» Натальи Моловцевой, «Хожение по Млечному Пути» Алёны Даль, сборник рассказов «Покатилось жизни колесо», куда вошли произведения 13 авторов — от Владивостока до Великого Новгорода. Что же, со временем наша жизнь, наши книги, наши дела тоже становятся фактором выбора. Тем метафорическим «камнем» с письменами, что лежит на дороге перед всадником с хрестоматийного полотна Виктора Васнецова «Витязь на распутье».

«Любимые» против Клауса Шваба? «Это смешно», — скажет скептик. Ничуть! — утверждаем мы. Выздоровление человечества — неизбежно. Через боль, страдания, через прививки чужеродными вирусами антикультуры люди всё равно выберут красоту (только её можно любить!), а не безобразие. Выберут жизнь, то есть — движение к истине. Выберут героев, а не планировщиков электронных скотобоен.

И этот выбор начинается со слова — нашего слова. Потому что «...Куст рябиновый клонится тише. / Свежим дымом пахнула стерня. / Мир, как старец недремлющий, слышит / Наши думы и верит в меня». ■

ВАЛЕРИЯ БЕЛЬТЮКОВА

Родилась в 2001 году в городе Новокубанске. Студентка 4-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в газетах «Завтра», «День литературы», журналах «МОЛОКО», «Родная Кубань», «Наш современник», «Сибирь». Живёт в Краснодаре.

МАТЬ ПИСАТЕЛЯ

«Она прожила тихую, незаметную жизнь обыкновенной женщины. Могила ее затеряна. Может быть, стоит над ней безымянный крест, а может, он уже давно сгнил, и могила тихо и незаметно сровнялась с землей» [1], — так сказал Валентин Непомнящий о няне Александра Пушкина Арине Родионовне.

Как часто матери, няни великих творцов, возрадившие в них зерно народной культуры, оставались в тени. Такую же тихую жизнь прожила и мать Виктора Лихоносова Татьяна Андреевна, на надгробии которой скромная надпись: «Мать писателя». Как много и как мало в этом простом сочетании букв.

Татьяна Андреевна родом была из села Бутурлиновки Воронежской губернии, отец из — Псковской. Спасаясь от голода, семья переехала на Донбасс, а затем в Сибирь. Отец ушел на фронт и в 1943 году погиб. Виктор Лихоносов говорит, что самые яркие его воспоминания связаны с матерью: «Я жил в Новосибирске. Вот какой-то день: матушка уехала выкапывать картошку к деревне Ересной, а я, маленький, до вечера жду ее... А в другой раз она поехала через Обь в центр, а я с крыши выглядываю появление пригородного поезда, боюсь, как бы чего с ней не случилось... В этой тревоге — мотив всей моей жизни после войны без отца» [2].

В статье «Мой Бунин» Лихоносов приводит слова писателя: «С матерью связана самая горькая любовь моей жизни!» [3]. С младенчества несший «великое бремя любви к ней» и одновременно страх потери близкого человека, уже после смерти матери Бунин с тоской говорит о ее могиле: «Ужели та, чей безглазый череп, чьи серые кости лежат теперь где-то там, в кладбищенской роще захолустного русского города, на дне уже

безымянной могилы, уже ли это она, которая некогда качала меня на руках?...» [3]. Будто все физическое, тленное несоразмерно свету и силе материнской любви. Она поразила душу писателя мукой, воплощением печали. Горькое, но от этого еще более сильное чувство.

Не случайно Виктор Иванович приводит эти строки, такие же чувства испытывал и он в детстве. И кажется, что голоса Бунина и Лихоносова сливаются воедино. «Мне судьбу выстроил Бунин», — сказал Виктор Лихоносов, когда ему вручали Бунинскую премию. И судьба эта начинается с матери, образ которой у обоих писателей стал ярким, неугасающим светом на всем творческом пути.

Будучи школьным учителем, Виктор Лихоносов часто читал детям отрывки из своих любимых произведений. Придерживаясь принципа, что «идти надо от родного», он говорил: «Но перед этим надо поговорить с ребятами: ну как, у вас бабушки есть, а мамы?.. А вот Иван Алексеевич уехал, родину потерял, тосковал. Думал: где там могила матери, ее и не найдешь теперь. Вот посмотрите, как он писал и сколько в этом музыки, нежности, поздних слёз» [4]. Родина, мать, родительские могилы. Вся жизнь человека в этих словах.

Сам писатель неоднократно говорил, что национальные корни, первородность, жизнь отцов, матерей, предания — основа творчества. В одном из интервью он сказал, что «все сводится к детству». Ребенком Лихоносов впитал в себя живой язык русских народных сказок, молитв, священных писаний. Валентин Непомнящий неоднократно говорил о необычайном влиянии няни на духовный мир поэта: «...как материнское молоко, он впитал ее голос и образ, ее язык, ее нравствен-

ные представления и предания «православной старины» [1].

Кто-то может поспорить о том, что А. Р. Яковлева не была матерью Пушкина, не связана с ним кровно и не играет первостепенную роль в жизни поэта. Такая точка зрения имеет право на существование. Однако воспитание будущего писателя вне русской православной традиции немислимо, а его могла дать именно няня. Татьяна Андреевна Лихоносова подарила сыну тягу ко всему духовному, светлому, не опошленному. И это отразилось в «чистой» прозе писателя. Критик Олег Михайлов так охарактеризовал ее: «Трогательна нравственная чистота, определяющая тональность этих рассказов» [5].

В статье о паломничестве в святые земли Иерусалима «Тут и поклонился» Виктор Лихоносов вспоминает родной дом: «Может, все бабушки мои в своих невесомых селениях и мать во дворе в Пересыпи чувствовали, по каким камням я хожу и как жалобно вспоминаю их» [6]. В понимании Лихоносова весь его род связан одной нитью, одним христианским сознанием.

Часто во время путешествия по святым местам Виктор Лихоносов вспоминает свою мать. О том, что просила привезти святой воды, о церкви в Тамани, в которой она молилась в пасхальную ночь, о рассказе матери о радостных дня детства, когда бабушка «назубок» читала отрывки из Священного Писания. И кажется, что писатель путешествует вместе с Татьяной Андреевной. Так сильно ощущается ее присутствие рядом с сыном на Земле обетованной.

«Пишу, а матушка бережно несет мне к столу чашку кофе и горячий пирожок. «Вечером напишем письмо крестной, — говорит. — Ты не отослал ей святую воду?» Она ушла, а я с горькой радостью подумал: еще мы на земле вместе!» [6]. Снова слышится мотив грусти, «горькой любви» к близким. Великое богатство — иметь возможность видеть и слышать своих родных, радоваться каждому мгновению,

проведенному вместе. Но в каждой бочке мёда найдется своя ложка дёгтя. «Все мы в этом мире тленны», и нет большего страха, чем потеря ближнего: «Господи, продли наши дни, жду милосердия Твоего» [6].

И войдя в главную святыню, в церковь Гроба Богородицы, став на колени, Лихоносов снова вспоминает о своей семье: «...пред решетчатой нишей, позабыв о присутствии молившейся сбоку эфиопки, услышал (вспомнил) я бабушкин и материн голоса: они меня учили молитве в Сибири, как приходил Христос к Матери: «Мати моя, ты спишь или так лежишь?» [6].

Болит душа писателя не только о своей матери. Статью о Юрии Селезнёве он начинает словами: «Мать его, как и после семьдесят четвертого года мать В. М. Шукшина — Мария Сергеевна, вынуждена глядеть только на фотографии и книги сына» [7].

Рассказывая о матери Казакова, Устинье Андреевне, в «Волшебных днях», Лихоносов замечает, что она гордилась известностью и талантом сына, но все же больше пеклась о его здоровье. Иногда даже спорила и командовала сыном, если речь шла о его благополучии: «Зачем матерям все-ленская слава детей, когда нет того, ради чего и затеяна жизнь, — счастья простого?» [7].

В гостях у Михаила Шолохова в станице Вешенской студент Виктор Лихоносов получает наставление от писателя беречь мать, быть ближе к дому: «Матери помогать надо, а потом поездишь и писателей посмотришь. Она огород у тебя поливает, а ты на фестивале. Мать беречь!» [7]. И не зря Михаил Шолохов говорит о возвращении домой. Вернувшись к своим истокам, пожертвовав свое молодое время на помощь матери, начинающий писатель Лихоносов мог больше обрести, чем потерять.

А уже о состоявшемся, знаменитом писателе Валентин Распутин скажет: «Перечитывая Виктора Лихоносова, ...всё больше убеждаешься, что

остаётся Виктор Лихоносов писателем "возвращения домой", к себе, к своим лучшим истокам» [8]. Не просто исполнил завет Шолохова, но и воплотил его в прозе, передал наставление читателю.

В главе об Августине Миклашевской Виктор Лихоносов рассказывает историю любви поэта и актрисы, но и здесь тема матери находит свое воплощение: «Вот так бы и Есенину поехать к матери, и ничего бы с ним потом не случилось, — по мечтал я» [7].

Мотив родного дома отражен и в других работах писателя. Герой очерка «Биография родства» Майор Н. испытывает трепетные чувства по дороге домой. Душа его неминуемо возвращается к тем самым детским порошкам, улочкам, разговорам отца и матери. И сердце от прикосновения к этим давним воспоминаниям замирает от тихого счастья. Случайность или нет, но герой покупает журнал, первая строчка в котором, полностью передает его чувства: «У меня была нежная горячая любовь к родным, собственно и преимущественно к старшим».

«Так легко стали молодые бросать родительский дом! Веселее им устраивать свою жизнь

где-нибудь в чужой стороне» [7], — сетует Лихоносов, как некогда Шолохов на него, еще студента, в станице Вёшенской.

Мать Виктора Лихоносова умерла в 1999 году, но боль утраты останется навсегда. Часто на ежегодных Лихоносовских конференциях, проводимых на факультете журналистики КубГУ, писатель вспоминает ее: «5 ноября 1997 года мать моя лежала больная пятый месяц. Уже больше десяти годочков нет ее со мной. Приехал я не просто во двор, на улицу Чапаева, 3, а к ней. В ее комнату, в ее кухню. И пил в обед чай, с ее вишневым вареньем. Несколько литровых баночек убого стоят на полке. Каждое мгновение чувствую тишину Пересыпи». В простых жизненных эпизодах писатель так щемяще передает одновременно боль и счастье своей жизни. Студенты всегда с интересом слушают эти строки и наверняка вспоминают свой отчий дом с его до боли знакомым бытом, полные любви глаза матери и отца. Можно сказать, что так Лихоносов передает уже другим молодым сердцам некогда данный ему завет Шолохова: «Береги мать!». ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Непомнящий В. Когда ей поставят памятник // Наследник. 2019. naslednick.ru.
2. Лихоносов В. Мне судьбу выстроил Бунин... // Российская газета. 2016. rg.ru.
3. Лихоносов В. Мой Бунин // Родная Кубань. 2021. rkuban.ru.
4. Шеваров Д. О родине, эмиграции, дружбе, любви и уроках godliteratury.ru.
5. Ковальчук Д. Любовь и любованье // День литературы. 2009. rbook.me.
6. Лихоносов В. Тут и поклонился // Родная Кубань. 2021. rkuban.ru.
7. Лихоносов, В. Волшебные дни // Краснодарское книжное издательство. 1988, Российская газета. 2016. 56 с.
8. Распутин В. Русь Виктора Лихоносова // Родная Кубань. 2021. rkuban.ru.

ОЛЬГА ТАТАРИНОВА

Родилась в 1986 году в станице Брюховецкой Краснодарского края. Окончила филологический факультет Кубанского государственного университета. Защитила кандидатскую диссертацию по русской литературе. Преподаёт на факультете журналистики КубГУ.

В. И. ЛИХОНОСОВ И О. СЕРГИЙ (КРУГЛОВ): СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ВЕРЫ В СБОРНИКАХ «ТУТ И ПОКЛОНИЛСЯ» И «МАРАНАФА»

От писателя, как и от священника, ждут проповеди, учительного наставления, представления великого знания о мире и жизни, о человеке и его отношениях с бытием. Русский человек всегда ходил к литературе, как к пророку, за ответами, за получением откровения. Но бывает так, что прямая дидактика в произведениях отсутствует, писатель не говорит в лоб: «Делай так и так, не делай вот так». Именно так и происходит в рассматриваемых нами художественных мирах. Проследим способы воплощения не столько религиозной тематики, сколько особого переживания Бога и себя в нем у писателя В. И. Лихоносова и поэта, священника о. Сергия (Круглова).

Что мы видим в сборнике эссе и повестей В. И. Лихоносова «Тут и поклонился»? Жизнь сердца, впечатления, память, национальный мир, Россия, ее судьба и люди, Бог и вера, лирические зарисовки, характеры, мысли, речи. Миниатюры, лаконичные тексты, в которых художественная литература выходит за пределы трех своих китов — вымысла, обобщения и типизации — и начинает претендовать на вне-литературные смыслы, на словесность (в том значении, в каком ее понимал С.С. Аверинцев), бытийность. «...тихий ласковый Краснодар, степь, горы и полюбившаяся мне угловатая Тмутараканская (Таманская) земля, омываемая морями, усугубила мою склонность к созерцанию» [1, с. 13]. Здесь живая вера, преодоление смерти как особая форма художественности.

Воспоминания пронизаны светлой грустью, на

сердце словно плетутся тонкие паутинки памяти, в которые попадает все: Иерусалимский камень («...Разве можно сомневаться, что этот камень святой?» [1, с. 168]), вызывающий в сознании образы Евангельских сюжетов; слово, брошенное дедом-казакком...

В «Элегии», «Афродите Таманской», «Осени в Тамани», «Тут и поклонился», «Времени зажигания светильников» мало событий, нет эффектных фабульных ходов, но есть глубокий и масштабный сюжет внутренней жизни, жизни чувств и впечатлений («...этого нежного трепета стесняться не надо», [1, с. 13]). Читаешь и погружаешься в медленно разворачивающиеся ощущения, такое не головное, не рациональное состояние. «Не какой-то огромный опыт, а впечатлительность привела меня к писательству» [там же].

Пространством художественности у В. И. Лихоносова становится жизнь его сердца, мысли, воспоминаний. Нет амбивалентности, нет постмодернистской игры. Русские писатели, друзья, географические точки («И никому не докажешь, что плохо, гадко — не чувствовать заповедной драгоценности родной реликтовой стороны» [1, с. 100]), могилы, камни на Святой земле для Виктора Ивановича священны. «Первый свой рассказ «Брянские» (1963) и последний роман «Наш маленький Париж» я написал потому, что мне жалко было людей, которых я полюбил» [1, с. 13]).

Тексты В. И. Лихоносова приглашают нас стать учениками, почитателями, поклонниками светлой реальности, ими создаваемой.

Лиризм и скромность здесь выступают как проповедь.

В дневниковых записях много печали о смерти, обращений к Богу. Это не та религиозность, какую мы видим у декадента Вл. Соловьёва, например. Православие Виктора Ивановича не философско-интеллектуальное, но — с мощами, святыми местами, Святой землею, со свечами, священниками, церковной жизнью, праздниками. Одна из иллюстраций такого живого переживания веры — рассказ о том, как через Тамань провезли святые мощи, стопу апостола Андрея Первозванного: «...небо и вода видели его двадцать веков назад, травы и птицы слышали его голос и те же звезды светили ему ночью» [1, с. 109]. Автор изумляется тому, что никто не знал о провозе святыни по родной нам земле, никто «не замер в молитве, не перекрестился» [1, с. 109].

«...ведь такой ночи больше не будет... мощи но-чуют в Тамани... Вот я лежу, а они там, в храме... И не спится мне, я потихоньку молился, опять и думаю: а мощи там, это же чудо» [1, с. 111].

Для В. И. Лихоносова всегда важнее теплота сердечного восприятия событий, опытного переживания сакрального. И огромное место занимает человек: «Под пером гения простые люди стали в нашем сознании великими. В этом волшебство литературы» [1, с. 64].

В повестях и эссе книги «Тут и поклонился» мы видим субъективное переживание Бога и себя в Нём. Между понятиями вера и счастье очевидный знак равенства. Причастность к родной земле эту веру питает. «Счастливым был тот, кто во глубине ночи шел под луной по станице или далеко на окраине... но он, если был неверующим, не знал этого; не чувствовал... своего святого мгновения на земле...» [1, с. 112].

Лиричное переживание святого мгновения на земле — вот что характеризует малую лихоносовскую прозу. Очень личное переживание веры и Бога. Сопряжение времен через единое пространство, по которому движется лирический герой сейчас и по которому ходил Кто-то неизмеримо значимый 2000 лет назад. Одни и те же камни,

одни и те же травы созерцали святые стопы тогда, и мы можем касаться их сейчас — «...камешки и земелька из Гефсиманского сада» [1, с. 169].

В. И. Лихоносов много размышляет о времени и о вневременной вечности. «Знают ли чайки, в каком веке они живут? Время — в их собственной жизни. А мое — еще и в тоске памяти» [1, с. 170]. Темпоральная проблематика сборника также сопряжена с религиозным опытом: «...я душою живу во всех временах» [1, с. 169]; «вода как тысячу лет назад... Все такая же, как при Никоне и при турках» [1, с. 170]; «когда смотришь в небо и на воду, то чувствуешь, что времени нет» [1, с. 170].

Что это, как не преодоление времени и выход в вечность? Память сердца как антисмерть, как победа над смертью. Литература сама по себе и есть фиксация автора и слова в вечности. Но здесь — еще и другое. Здесь сердце поэта вбирает в себя видимое, слышимое, вчувствуемое. Вбирает — потому что не может не вобрать, потому что то, что коснулось души, ее глубинных струн, не может быть предано забвению — это было бы преступлением по отношению к людям, судьбам, мыслям, которые стали частью невидимой сокровищницы сердца. Что можно сделать для тех, кого полюбил? «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя», — сказано в Евангелии. Но также можно и запечатлеть любимое в душе, отпечатать в памяти и дать ему вечную жизнь в слове.

Именно эту сердечную, тихую любовь и веру запечатлевает В. И. Лихоносов в повестях, дневниках, записях сборника «Тут и поклонился». И оказывается, что действительно, как говорил Л. Н. Толстой, «смерти нет, а есть Любовь и память сердца». На сердце у автора «Тут и поклонился» — Палестина, Вифлеем, Иерусалим, Гроб Господен, кувуклия, Иордан, звезда Рождества, Гефсимания... Но здесь же — и слова матушки, ее простые, добрые, народные песни, ее невозможность сесть за стол без молитвы; бабушка, рассказывающая апокрифические предания о Матери Божией...

И здесь же догадка о своей миссии на земле:

«...ангел выбрал меня на сочувствие праведникам и созерцание начальной обители <...> Может, и решалось все в те часы, когда читал я древнее и что-то выписывал» [1, с. 169].

В сборнике «Тут и поклонился» много выраженной печали о мельчании человека. Вместо святых и навеки значимых книг мы умираем с газетами в руках (а в нынешнее время — с телефонами). «Инстаграм» вместо «Лествицы» или древнерусской словесности...

В опыте переживания веры большую силу и значимость имеют мгновения. «Живешь на земле десятилетия, а помнит наша душа минуты, часы, дни» [1, с. 178]. Как сказал кто-то из святых отцов, через настоящую минуту проходит срез Вечности. И у Виктора Ивановича получается физически-словесно Вечность воплотить.

Очень пронзительно в повести описано мгновение встречи с гробом Господним. После этой встречи жизнь, как пишет В. И. Лихоносов, разделилась на до и после. И опять же все вспомнилось: родные, близкие, писатели, друзья. И теплится надежда, что так же вспомнят и его.

*И из неё, из памяти, взрастёт
Цветок Любви, алея лепестками.
И это жизнь. Она опять цветёт.
А смерти нет, есть лишь Любовь и память.*
(Галина Губарева)

Поэт Сергей (Круглов), священник из Минусинска, тоже проживает события священной истории в своем сердце. Как будто сказанное в Евангелии слово есть мое, обо мне, для меня, и нет временного расстояния в 2000

лет. В сборнике «Маранафа» (на арамейском: «Ей, гряди, Господи!») отражен личный опыт автора, «опыт не житейский, а опыт внутреннего познания себя и узнавание других — через молитву, покаяние, жизнь церкви, как ее видит человек несторонний, через встречи с людьми» [2, с. 5].

И В. И. Лихоносова, и С. Круглова роднит отсутствие проповеди, назидания и присутствие исповедального рассказа о том, какие мы есть на самом деле.

Значимое место занимает в стихах «Маранафы» проблема памяти. Сборник С. Круглова посвящен ушедшим людям (прот. А. Меню, патриарху Алексию Второму). И так же, как у В. И. Лихоносова, происходит преодоление времени в субъективном переживании веры и священных образов:

В лесу повстречался с батюшкой Серафимом,
Шёл и размазывал слёзы,
Улыбаясь при этом нелепо
Самому себе:
Так вот какова, оказывается...
Действительно, — радость его [2, с. 83].

Мы видим неразделение между сакральными явлениями, искусством и повседневностью. Обыденность превращается в поток искусства. Повседневность превращается в поток художественности. Получается не совсем литература. Художественным становится все, что существует в эмпирической данности. Это есть определенная стадия реализма, когда искусство становится жизнью, а жизнь — искусством. ■

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Лихоносов В.И. Тут и поклонился. СПб.: Владимир Даль, 2016. 863 с.
2. Круглов С. Маранафа. М.: Авиґея, Пробел, 2000, 2018. 132 с.: ил.

ОГРОМНАЯ УТРАТА ДЛЯ КУБАНИ И РОССИИ

9 августа ранним утром ушел из жизни классик литературы, один из лучших русских писателей второй половины XX – начала XXI веков В.И. Лихоносов. Как прозаик, публицист, главный редактор «Родной Кубани» Виктор Иванович самоотверженно, подвижнически служил отечественной литературе и России, утверждал неизменную – светлую, христианскую – любовь к человеку и родной земле. Его классические произведения навсегда останутся в истории русской литературы, нам же всегда будет катастрофически не хватать этого скромного, красивого, великого человека.

Пусть Господь упокоит душу настоящего русского человека, покинувшего земную юдолю.

**Редакция журнала «Родная Кубань»,
ее авторы и читатели.**

